

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

www.ssc.smr.ru

**Известия
Самарского научного центра
Российской академии наук.
Исторические науки**

Том 3, № 3(11), 2021

Выходит 4 раза в год

ISSN: 2658-4816

Учредитель: Самарский научный центр РАН

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-76285 от 12.07.2019

Адрес редакции: 443001, г. Самара, Студенческий пер., 3а
Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Тел. +7(846) 340-06-14. И.о. зав. редакцией: Н.Ю. Кузнецова
Электронная версия – www.ssc.smr.ru/izvestiya_istor.html

Самара

Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Самарский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук, 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Аншаков Ю.П., доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Леонтьева О.Б., доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Выборнов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Тагирова Н.Ф., доктор исторических наук, профессор, редакционно-издательский отдел, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артемов Е.Т., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Банникова Н.Ф., кандидат исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Белов М.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Брежнева С.Н., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Буранок С.О., доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Ведерникова Т.И., кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия

Веретенко В.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

Воронов В.Н., доктор исторических наук, профессор, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Москва, Россия

Данилко Е.С., доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории науки и техники, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ковальская С.И., доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Кудрявцева Е.П., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Россия в международных отношениях», Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Малкин С.Г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Михнева Р., доктор исторических наук, профессор, Варненский университета им. Черноризца Храброго, Варна, Болгария

Моргунова Н.Л., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, археологическая лаборатория, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

Мочалов О.Д., доктор исторических наук, ректор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мухаметшина Н.С., доктор политических наук, член Научного совета РАН по комплексному изучению этничности и межнациональных отношений, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Семенова Е.Ю., доктор исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Сенявский А.С., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Смирнов Ю.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Россия

Солдатова О.Н., доктор исторических наук, заместитель директора, Российский государственный архив в г. Самаре, Самара, Россия

Хохлов А.А., доктор исторических наук, доцент, кафедра биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Храмкова Е.Л., доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Шкунов В.Н., доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия

Штыков Н.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Элезович Д.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Философский факультет, Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия

Ягафова Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Том 3, Номер 3, 2021

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Смерть языческого князя в Древней Руси и ее восприятие в рамках «дружинной культуры» (IX-XI вв.) <i>А.С. Фогель</i>	5
Новая Закамская линия: эволюция названия и статус <i>Э.Л. Дубман</i>	14
Русская православная церковь в освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 гг. (на материалах Поволжья) <i>Ю.П. Аншаков, А.Ю. Шепелева, М.В. Толкачев</i>	25
Волжский путь в научном дискурсе второй половины XIX – начала XX в. <i>О.Б. Леонтьева</i>	34
Органы лесной промышленности и лесного хозяйства в 1918–1921 гг. (по материалам Пензенской губернии) <i>Е.В. Воейков</i>	43
Становление органов советской статистики в Крыму (1920 – 1921 гг.) <i>Н.Д. Борщик</i>	59
Служебная повседневность советской элиты Ленинграда в эпоху позднего сталинизма <i>А. А. Амосова</i>	65

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Духовенство и управление англо-шотландским пограничьем при первом Тюдоре <i>А.А. Бельцер</i>	84
«Королевская рать»: ополчение в истории Англии эпохи Стюартов <i>Д.О. Гордиенко</i>	90
Афганистан в сфере торговых интересов Российской империи в первой половине XIX в. <i>В.Н. Шкунов</i>	98
Тяньаньмэнь 1989: демократия, гражданственность и протест в представлении СМИ США <i>С.О. Буранок</i>	104

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Предметы домашнего и личного обихода как источник изучения городской повседневности позднеимперской эпохи <i>О.Н. Яхно</i>	108
--	-----

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

К вопросу о двух культурно-хронологических группах кремниевого инвентаря стоянки Красный городок <i>К.М. Андреев, К.И. Бородулин</i>	118
Культура двух эпох в Волго-Вятском междуречье. Феномен майданской культуры средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности. Часть 2 <i>В.В. Никитин</i>	126
Возвращение к вопросу о роли келетеминской культуры в истории Евразии эпохи неолита – ранней бронзы <i>Л.М. Сверчков</i>	133

CONTENTS

Volume 3, Number 3, 2021

RUSSIAN HISTORY

Death of a Pagan Prince in Ancient Rus and Its Reflection in the “Druzhina Culture” (IX -XI Centuries)	
<i>A.S. Fogel</i>	5
New Zakamskaya Line: Evolution of Name and Status	
<i>E.L. Dubman</i>	14
The Russian Orthodox Church in the Liberation Struggle of the South Slavs in 1875-1878 (Based on Materials from the Volga Region)	
<i>Yu.P. Anshakov, A.Yu. Shepeleva, M.V. Tolkachev</i>	25
The Volga Way in the Scholarly Discourse of the Second Half of the 19TH – Early 20TH Centuries	
<i>O.B. Leontyeva</i>	34
Bodies of the Forest Industry and Forestry in 1918-1921 (on the Materials of the Penza Province)	
<i>E.V. Voyerikov</i>	43
Establishment of Soviet Statistical Bodies in Crimea (1920 – 1921)	
<i>N.D. Borshchik</i>	59
Labor Daily Life of the Soviet Elite in Leningrad in the Era of Late Stalinism	
<i>A.A. Amosova</i>	65

WORLD HISTORY

Clergy And Rule on the Anglo-Scottish Borders under the First Tudor Monarch	
<i>A.A. Beltser</i>	84
All The King’s Man»: Militia in the History of England during the Stuart Age	
<i>D.O. Gordienko</i>	90
Afghanistan in the Sphere of Trade Interests of the Russian Empire in the First Half of The XIX Century	
<i>V.N. Shkunov</i>	98
Tiananmen 1989: Democracy, Citizenship and Protest in the Representation of the US Media	
<i>S.O. Buranok</i>	104

METHODOLOGY, HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES

Subjects of Household and Personal Items as a Source for Studying the Urban Everyday Life of the Late Imperial Era	
<i>O.N. Yakhno</i>	108

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

To the Question about Two Cultural-Chronological Groups of Flint Inventory of the Krasny Gorodok Site	
<i>K.M. Andreev, K.I. Borodulin</i>	118
The Culture of Two Epochs in the Volga-Vyatka Interfluvium. The Phenomenon of the Maidan Culture of the Middle Volga Version of the Volosovo Cultural and Historical Community. Part 2	
<i>V.V. Nikitin</i>	126
Returning to the Question of the Role of Kelteminar Culture in the History of Eurasia of the Neolithic – Early Bronze Age	
<i>L.M. Sverchkov</i>	133

УДК 94 (47)

СМЕРТЬ ЯЗЫЧЕСКОГО КНЯЗЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В РАМКАХ «ДРУЖИННОЙ КУЛЬТУРЫ» (IX-XI вв.).

© 2021 Фогель А.С.

Самарский медицинский университет «Реавиз»

Статья поступила в редакцию 29.08.2021

Данная работа посвящена исследованию особенностей отображения смертей первых языческих представителей княжеского рода Рюриковичей в дружинном сознании. Основное внимание уделено особенностям положения дружины в традиционном обществе Древней Руси и ее взаимодействию с князьями. Выделены основные аспекты дружинной культуры. В работе раскрыто символическое и мифологическое значение жизни и особенно смерти князя в восприятии дружины. Рассмотрены основные варианты и наборы действий дружины в отношении мертвого князя. Проблема рассмотрена на основе современных достижений отечественной науки.

Ключевые слова: князь, Рюриковичи, Древняя Русь, представления, дружина, государство, дружинная культура, язычество, религиозные обряды, раннее средневековье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-5-13

Жизнь и смерть первых представителей династии Рюриковичей в большой степени легендаризирована и мифологизирована. Во многом это связано с недостатком и отрывочностью информации о них в источниках. Основной массив письменных сведений, которым располагают исследователи, относится или к летописной традиции, далеко отстоящей от времени происходивших событий (в среднем от 250 до 100 лет), или же к свидетельствам разнородных и разножанровых иностранных источников, для которых Древняя Русь отнюдь не являлась приоритетным направлением повествования.

При этом сведения по интересующей нас теме в большой степени так или иначе почерпнуты из дружинной среды¹, так как сами князья, особенно в этот период, не оставили после себя записей и оценок. Это касается как древнерусских летописей – именно дружина была средой, наиболее приближенной к князю и стремящейся со-

хранить и донести память об их деяниях до потомков, так и во многих случаях и зарубежных известий – чаще всего в этот период иностранцы сталкивались с русами не на их собственной территории, а в нейтральных пространствах или же видели их непосредственно у себя на родине, где русы были представлены или дружинниками, или же купцами, тесно связанными, а часто и напрямую относящимися к дружинной среде: в силу слабой разделенности войны и торговли в период раннего средневековья².

Дружинная среда в рамках «большой дружины» в IX-XI вв. на Руси проходит активную фазу становления и развития, формируя своеобразную и неповторимую дружинную культуру³. Как активная и становящаяся сила, резко противопоставляющая себя предшествующей родовой традиции, и относительно устойчивое образование⁴, дружина неизбежно формировала систему определенных гласных и негласных ценностей, правил и норм поведения как дружинников по отношению к внешнему миру и друг к другу, так и князя по отношению к дружине⁵ (исходно этот могло быть, так

Фогель Александр Сергеевич кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Самарского медицинского университета «Реавиз», E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

сказать, «анти-нормы», но с течением времени они дополнялись, устанавливались, закреплялись и трансформировались под конкретную ситуацию), а также очень разнотипный дружинный фольклор⁶, отголоски которого дошли до наших дней.

Специфическими чертами дружины как отдельной и самостоятельной культурной среды были ее элитарный⁷ (причем вполне осознаваемый именно как таковой – статус дружинника был престижным и привилегированным в древнерусском обществе уже сам по себе⁸, даже и без заслуг каждого конкретного дружинника), но открытый (в принципе в дружину мог попасть, при выполнении определенных условий, фактически любой мужчина⁹, а в некоторых случаях и женщина¹⁰) характер, также сюда можно отнести ее полиэтничность – здесь в равной степени уживались восточнославянские, финно-угорские, тюркские, северо-кавказские и скандинавские компоненты¹¹. При этом образцом и ведущей, ударной силой, особенно на ранних этапах развития, в военном, техническом и культурном отношении выступали как раз выходцы из Скандинавии¹².

Для дружины также был свойственен, особенно в этот период, определенный демократизм в отношении друг друга. «Все мы те, кто не может уживаться в рамках родового строя и все мы связаны личной преданностью князю (отношения «службы-дружбы»¹³) и в этом смысле равны друг перед другом и лицом предводителя»¹⁴. Дружина осознавала себя прежде всего как сообщество воинов, собратьев (причем эта «псевдородственность» также осознавалась и даже подчеркивалась дружинниками как своеобразная замена роду – вся дружина воспринимала себя в том числе и как большая семья) по оружию, профессиональных воинов, а уже затем как придворных, представителей княжеской администрации на местах, дипломатов и т.д. Да и нельзя рассматривать дружинников как полноценный аппарат управления. Они исполняли поставленные задачи только по мере

необходимости и от случая к случаю (все-таки чиновник и офицер далеко не одно и то же)¹⁵. В дальнейшем, по мере развития государственных институтов, все это изменится, начнется резкое разделение дружинников на бояр и собственно войско (отроки, гриди), но пока, в начальный период развития древнерусской государственности, это была относительно малочисленная (исследователи оценивают численность «большой дружины» даже во времена Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого в 1000-1500 человек¹⁶, до этого гораздо меньше), элитарная, максимально военизированная, мобильная, активная и профессиональная корпорация, непосредственно и максимально тесно связанная с князьями-Рюриковичами и ориентированная не только на коллективные, но и на личные достижения.

Основной чертой формирующегося дружинного сознания в период раннего средневековья была максимальная героичность¹⁷ – дружинник всем дружинным фольклором и общей обстановкой был ориентирован не на рутинное «прохождение службы», а на подвиги и действия в чрезвычайных обстоятельствах, каковыми являлись война, дальняя международная торговля, даже сбор дани с окружающих племен. На членов полиэтничной дружины, которая действовала на обширной территории формирующегося Древнерусского государства, не распространялись ограничения, накладываемые в традиционном обществе на лиц разного происхождения и разного социального статуса¹⁸.

Дружина и мыслилась (и главное, воспринималась самими ее участниками) как единственный в своем роде институт, максимально приспособленный к регулярным действиям на «чужой» и магически враждебной территории, лежащей часто далеко за пределами «своего», родового, государственного, освоенного, привычного и хотя бы относительно правильно организованного пространства. Это дополнялось еще и тем, что мышление дружинников было

в достаточно большой степени эсхатологичным (сказывалось скандинавское влияние)¹⁹ – привычный (родовой) мир разрушался, в том числе и из-за действий самой дружины – то есть результаты можно было видеть непосредственно своими глазами. В этом магически нестабильном пространстве, где уходят (и достаточно резко) привычные ориентиры и обыденных знаний уже не хватает, можно было встретить каких угодно людей, духов, богов и чудовищ. И рассчитывать в этом неустроенном и зыбком мире приходится только на себя, боевых товарищей и князя как предводителя дружины.

С точки зрения жителей привычного, освоенного пространства каждый поход в чужие земли, за границы общины, воспринимался как путешествие в «царство мертвых» (иной мир)²⁰, а действовать в этом загробном мире могли только мертвые или же «временно мертвые». Так с точки зрения родового и дружинного мышления дружинники – это те, кто и «жив», и «мертв» одновременно. И вести себя в «живом» и «мертвом» пространствах нужно было по-разному, сообразно среде и обстоятельствам. Дружинники во многом ориентированы именно на такую жизнь, где все только «здесь и сейчас», без детально проработанных планов на будущее, ибо только так и можно выжить. Так что участники дружины воспринимались самими собой и окружающими как своеобразные «оборотни», «чужие» (так, древляне обвиняли Игоря Старого, что он «князь-волк»²¹). В этой ситуации положение дружинников было временами парадоксальным: они одновременно и всем чужие люди, которых можно отправить на выполнение максимально непопулярных и опасных заданий (сбор дани с других племен, посольство в чужие страны (ситуация «Бертинских анналов»), исполнение приговоров суда) – в этом смысле они те, кем можно и не жалко пожертвовать, если на них падет гнев богов или людей, то «наши» люди и «наше» пространство никак не пострадает – виноват

будет чужак, а от него всегда возможно отречься, и одновременно для князя и, таким образом, главы как раз «нашего» пространства именно эти люди, дружинники, были близки настолько, что воспринимались им как семья и были зачастую гораздо ближе родственников по крови.

При этом отношение к человеческой жизни, в том числе и своей собственной, у участников дружины было очень своеобразным – для них ценностью являлась не долгая жизнь и семья, а славная смерть в бою, с оружием в руках и попадание в воинский рай – Вальхаллу. Но при этом дружинники ни в коем случае не являлись самоубийцами – к смерти постоянно готовились (даже на уровне фольклора), но при этом стремились не приближать. Каждый живет свою, отмеренную ему жизнь. То есть все привычные ценности родового общества в дружине как бы перевертывались и заменялись анти-ценностями.

Таким образом, дружина воспринимала себя одновременно и как элиту и профессиональную корпорацию, новую знать, стоящую выше всех рядовых общинников, но и как сообщество изгоев, людей, обреченных на действия в незнакомых, враждебных и максимально опасных пространствах, постоянно готовых погибнуть и даже заранее «мертвых» (хотя бы и «временно»), при этом еще и готовых приспособливаться к разнообразным изменяющимся обстоятельствам. Но кроме группового сознания каждый дружинник воспринимал и самого себя отдельно от других: есть заслуги, память, репутация дружины, а есть и мои лично. Дружина была коллективом, но коллективом героев, так что групповое восприятие оставляло здесь место и для личного. Далеко не каждому дружиннику суждено было стать конунгом, но каждый должен был стремиться и заботиться о сохранении и преумножении собственной славы. Только дружина в этот период давала возможность благодаря личным качествам, а не только происхождению резко повысить свой социальный и правовой статус²².

При таком мироощущении неизбежно максимально значимой оказывалась фигура предводителя – вождя, конунга, князя, действующего по отношению к дружине на «реальном» и «мистическом» уровнях. Причем для дружины оба эти уровня были важны в равной степени.

В «реальном» мире князь для дружины выступал в первую очередь как предводитель дружины – одновременно «старший брат» и «отец» всем дружинникам²³, как воплощение и замена большой родовой семьи, где все связаны не кровными узами (хотя в дружине и процветал институт поборатимства как его аналог), но общностью дела и постоянным близким общением. Причем близость была или же воспринималась как максимальная – арабский автор X в. Ибн Фадлан пишет: «Один из обычаев царя русов, тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него [или: подвергают себя смерти из-за него]. С каждым из них имеется девушка, которая служит ему, моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которой он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста мужей сидят, а ночью спят у подножия его ложа»²⁴.

Князь виделся не просто «старшим родственником», но и олицетворением всей дружины и всего государства²⁵. Именно от него, его харизмы, его качеств, его действий зависело существование дружины и, что воспринималось самими дружинниками как нечто более важное – ее репутация в глазах общества и других дружин (ситуация со вторичным сбором дани Игорем Старым во многом была вызвана необходимостью поддержания репутации киевской дружины перед дружинниками Свенельда²⁶). А как носитель харизмы – и не обязательно только маргинальной, но шире – харизмы вождя²⁷, князь просто должен был быть для дружины образцом для подражания во всех делах – но в первую очередь в

героизме, подвигах, безрассудстве, пренебрежении смертью и т.д., то есть князь не только отдает приказы, он первый должен быть там, где опасно и жизненно необходимо перебороть себя, то есть должен уметь действовать лично и увлекать за собой, быть лучшим воином, мудрейшим полководцем, рачительным хозяином и наставником для своей дружины. При этом князь не может быть пассивным и просто сидеть на троне или же во дворце – он постоянно активен, но должен действовать, постоянно ища славы и богатства для себя и дружины, а не сидеть на одном месте, ибо такой вождь слаб в глазах собственных дружинников и недостоин быть вождем²⁸ – и в этом смысле Святослав Игоревич действительно был идеалом дружинного князя²⁹. При случае князь должен был даже не просто рисковать жизнью, а и умереть за дружину и вместе с ней (Святослав Игоревич, Олег Святославич). Князь также являлся для дружины справедливым судьей и разрешателем разнообразных споров и конфликтов, то есть выступал и как источник права³⁰.

Князь должен был уважать дружину, прислушиваясь к ее мнению и интересам³¹. Князь, советующийся с дружиной по наиболее важным вопросам – достойный и правильный князь. Но одновременно главным в этой ситуации должен оставаться князь. Дружинники могут быть при нем только советчиками, но не могут целиком брать инициативу на себя³².

Князь легитимизировал дружину – без него как знатного и законного правителя дружина из элиты автоматически превращалась в очень сильную и боеспособную, но по сути в бродячую дружину, то есть разбойничью шайку и сборище изгоев без роду и племени³³. Одновременно князь был и кормильцем в полном смысле этого слова (традиция дружинных пиров на Руси и в Скандинавии³⁴). Также князь выступал как источник богатства, славы и статуса. Умение добывать богатство для своей дружины традиционно рассматривается как одно из главных достоинств и подтверждение истинности князя³⁵.

Но и в «мистическом» плане от князя зависело очень многое. Харизма князя состояла еще и в том, что именно он выступал в походах как медиум, колдун, шаман, то есть тот, кто мог договориться или же подчинить себе окружающие живые, мертвые, божественные и чудовищные сущности в мире хаоса³⁶. Ведь, выступая в поход и попадая в незнакомые пространства, ожидать можно было всего, и именно князь как проводник и посвященный должен был провести дружину через все опасности «царства мертвых» и вернуть их в обжитой, стабильный и привычный мир³⁷. И именно для этого оказываются жизненно нужны харизма и удача вождя. Если же вождю изменяют его счастье и удача – дружина обречена на скорую гибель³⁸ (смерть Игоря Старого или же Святослава Игоревича). Князь должен делиться своей славой и удачей со своей дружиной, причем не в какой-то момент, а постоянно³⁹. Князь живет не для накопления богатств, а для славы, а добыть ее и, что особенно важно, сохранить в веках могут только дружинники. В связи с этим князь также выступает как защитник и хранитель от злых сил всех доверившихся ему – и в первую очередь для своей дружины. Князь был не только медиумом и проводником из «живого» в «мертвое» царство, но еще и верховным жрецом бога Перуна, бога воинов, и в каком-то смысле еще и его воплощением на земле⁴⁰. Одновременно князь выступал как глава определенного пространства и, таким образом, являлся воплощением идеи государства и самим государством. По распространенным убеждениям, со смертью князя государство оказывалось на грани гибели, и необходим был определенный набор действий и ритуалов, чтобы оградить себя от этой опасности, по сути, равной разрушению мира и превращению его в хаос. Князь своим существованием и достойными деяниями поддерживает государство в порядке и равновесии⁴¹.

В ответ он может ожидать от подданных и дружины как наиболее близкого круга преданности вплоть до того, что дружина

в целом и каждый дружинник по отдельности будет действовать даже в ущерб самому себе и умрет, но не предаст своего князя.

Таким образом, князь выступает средоточием, центром и олицетворением дружины, вокруг которого активно формируется княжеский культ⁴², а род Рюриковичей в целом чем дальше, тем больше начинает восприниматься как божественный, и только его представители могут править на Руси⁴³.

В этой ситуации смерть князя становится действительно значимым событием не только в его жизни и жизни его кровных родичей, но и для «большой семьи» – дружины. И если смерть князя, особенно при первых Рюриковичах, ставила под сомнение саму идею существования государства, то для дружины это был тем более значимый и в этом смысле эпохальный момент.

К сожалению, состояние источников таково, что мы не можем говорить о каких-либо правилах действий дружины после смерти ее предводителя⁴⁴. Но на основании источникового материала возможно предположить несколько моментов и стереотипных наборов действий, связанных со смертью языческого правителя.

Князь, как и вся дружина, мыслился одновременно и как живой, и как мертвый, а учитывая его функции медиума, колдуна и шамана, после его смерти он автоматически становился мертвым колдуном. То есть если до этого он был в каком-то смысле в том числе и «получудовищем», то теперь он перерождался в полноценное «чудовище» и нежить. Причем мертвый колдун, по скандинавским и славянским поверьям, гораздо сильнее и опаснее, а главное – зловеднее живого. Поэтому с точки зрения традиционного мифологического сознания мы имеем очень большую вероятность получения злого покойника, встающего из могилы и вредящего живым. Причем это не только мелкий бытовой вред, но и катаклизмы, стихийные бедствия, эпидемии и многое другое, то есть угроза миру в целом⁴⁵. Тем более он – медиум, общающийся с богами при жизни, а с какими богами и сущностями-

ми он будет общаться после смерти – непонятно и страшно. Поэтому князь должен умереть наиболее правильной смертью (обязательно в бою⁴⁶, чтобы без промедления оказаться в Вальхалле), необходимо устроить ему правильные похороны (примерно в том варианте, как они описаны в «Похоронах знатного руса» у Ибн Фадлана), необходимо показательно отомстить за него виновникам его смерти⁴⁷, если они известны (четыре «мести» княгини Ольги древлянам), и устроить поминальную тризну⁴⁸ – то есть максимально магически успокоить умершего правителя, удержать его от озлобления на живых и удалить те обстоятельства, которые бы «задержали» мертвого правителя «здесь».

Причем все это должен делать не только род по крови – дружина должна принимать в этом наиболее деятельное участие, иначе проклятие и несчастья будут преследовать и их. Дружинники должны сохранить память о выдающихся деяниях умершего и передать ее следующим поколениям в виде разнообразных фольклорных произведений – формировался «княжеский культ». Причем, видимо, могла действовать такая логика, что князь в языческий период, как воплощение именно нашей дружины и вообще существо сверхъестественное, просто не может умереть обычной смертью – «как все», поэтому и смерть его должна быть сверхъестественной, экстраординарной и не похожей на смерти «обычных людей», с одной стороны, и других князей – с другой (иначе как ее воспевать на фоне уже существующей фольклорной традиции). Необычность, «чудовищность» смерти героя, типичная для раннесредневекового эпоса европейских народов, придавала его образу «героическую» завершенность⁴⁹.

В этой ситуации смерть князя оказывается даже не столько доказательством его существования⁵⁰, а подтверждением его сверхъестественной природы и уникальности каждого князя в целом.

Дружина должна обеспечить и переход власти к следующему достойному прави-

телю. Ведь именно ему передавались, по языческим убеждениям, харизма и удача умершего вождя⁵¹. И, таким образом, в живом потомке князя как бы возрождался и сам мертвый властитель, его дух⁵². То есть служа и новому князю, мы продолжаем служить и князю старому, это не является предательством.

Но это привычный и наиболее понятный сценарий действий – после вознесения положенных почестей и совершения целой череды ритуалов мы целиком или же частично сплываемся вокруг наиболее достойного нового правителя, и привычная жизнь продолжается. Но так было далеко не всегда. С точки зрения героики и героического сознания допустимым был сценарий и полной гибели дружины в ходе экстраординарной смерти вождя – как дружины Игоря Старого и его сына Святослава Игоревича. Причем в обоих случаях мы имеем дело с «дружиной малой», ибо на такие опасные дела, как вторичная дань с сильного племени в нарушение всех договоренностей или же переход по враждебной Печенежской степи, не берут случайных людей, а только наиболее проверенных и приближенных.

Этот сценарий описан и Ибн Фадланом в уже приводившемся отрывке о быте «царя русов». И, кстати, описание Ибн Фадлана напоминает жизнь в Вальхалле, то есть князь и дружина как бы готовились к смерти уже при жизни, и именно поэтому «царь русов» в отрывке такой бездеятельный – он как бы уже мертв. То есть гибель всей дружины в бою, где погиб князь, или же так называемое «самоубийство (или убийство) вослед» тоже являлось типичным или по крайней мере вполне допустимым для дружинной культуры и дружинного мышления (мы сейчас не затрагиваем вопрос о том, насколько применим был такой образ мышления на практике). Таким образом, существовал вариант, что не стоит жить и выживать, раз умер наш предводитель. «Мертвые сраму не имут» и «куда князь, туда и дружина». И на дружину тогда не падут проклятие и обвинения в том, что не уберегли князя и не до

конца исполнили свой долг перед ним. И в этой ситуации поиск достойного потомка или родича умершего, в котором возродился бы дух умершего правителя, оказывается допустимой дружинным сознанием возможностью сохранить жизни и не самоубиваться всей дружиной.

Вариант «(само) убийства вослед» подтверждают и археологические находки, где есть погребения правителей с рядовыми дружинниками. Возможно, существовал (и даже применялся) вариант «замены» смерти всех членов дружины смертью одного наиболее близкого (возможно, также добровольца или даже по жребию), который бы последовал за своим вождем в смерть, чтобы сопроводить его в Вальхаллу.

Кроме того, чтобы обезопасить живых от враждебных действий со стороны мертвого князя, необходимым считалось обеспечить ему достойное загробное существование. Первым и обязательным пунктом здесь было обустройство княжеской могилы. Самыми массовыми памятниками древнерусской культуры IX-XI вв. были курганы. Уже те физические усилия, которые затрачивало древнерусское общество на сооружение курганов – памятников предкам, свидетельствуют о важности тех проблем, которые были связаны со смертью сородича (особенно вождя, воеводы или князя). Само по себе сооружение надгробного памятника во всяком обществе было залогом связи поколений – общности предков и потомков⁵³.

Загробное существование князя мыслилось двояко – с одной стороны, покойный князь жил в собственной могиле-кургане, здесь с ним можно было общаться и навещать, с другой же стороны, он должен был отправиться в Вальгаллу, которая находится где-то неопределенно далеко. В некоторых случаях эти два варианта парадоксально совмещались и курган мыслился как такой «филиал» Вальгаллы с воспроизведением обстановки в ней⁵⁴. Для достойной жизни в загробном мире, где бы он ни находился, нужно было обеспечить мертвого правителя «правильными» проводниками

– в этой ипостаси выступали наиболее приближенные к нему при жизни дружинники и слуги, жена или «посмертная жена» (причем не просто жена, а девушка-медиум, какой она описана в «Похоровах знатного руса»⁵⁵), конь⁵⁶ (анalogии со смертью князя Олега). В захоронении обязательно должны присутствовать предметы вооружения (так как правитель не должен любить богатства, но должен любить оружие⁵⁷), а также драгоценности и ткани (чтобы показать статус умершего в загробном мире)⁵⁸. Другое дело, что, если судить по археологическим находкам и скандинавским источникам, в дальнейшем это богатство могло быть изъято в рамках ритуала «обезвреживания покойника» -- вождь, даже мертвый, не должен любить богатства, вещи теряют свой смысл, если лежат в могиле без использования, да и предметы, «побывавшие» в загробном мире, приобретали магические свойства, превращаясь в талисманы⁵⁹.

При этом отношение к самому умершему было двойственным – с одной стороны, действовало стремление обезопасить влияние смерти на благополучие коллектива (запереть умершего в могиле-кургане, успокоить, отправить в Вальгаллу, обычай обезвреживания покойника), а с другой – было желание сохранить умершего вождя среди своих близких, чтобы даже после смерти действовало его благотворное влияние⁶⁰. Мертвый одновременно рассматривался как опасный, но и полезный. Поэтому княжеские гробницы были не только местами памяти и почитания, но и местами культа и в дохристианский период⁶¹. И в этой ситуации поступок Ярослава Мудрого с изъятием тел своих умерших без крещения родственников из могил, посмертное крещение и обратное захоронение уже по христианскому образцу может быть рассмотрен как вполне закономерный акт такого общения с мертвыми⁶².

То есть жизнь в загробном мире предполагала в том числе и активное взаимодействие с миром живых⁶³ – мертвых навещали, в их честь слагались песни и устраивались

пиры, за ними следили, чтобы они не навредили живым, к ним могли подзахоранивать потомков и родственников умершего, от них ждали пророчеств и ответов на насущные вопросы, ибо магическая сила в загробном мире не теряется, а только возрастает. Вождь, даже умирая, не терял целиком своей личности и качеств вождя. Поэтому они и оставались такими значимыми для дружинной традиции длительное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мельникова Е.А. Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 155.
- ² Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., Наука, 1977. С.35.
- ³ Фетисов А.А. «Дружинная культура» Древней Руси. // ДГВЕ 2010. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 407-410.
- ⁴ Вдовченков Е.В. Происхождение дружины и мужские союзы: сравнительно-исторический анализ и проблемы политогенеза в древних обществах. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 28.
- ⁵ Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси. // Средневековая Русь. Выпуск 4. М., Индрик, 2004. С. 25.
- ⁶ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традиции. // ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., Вост. лит., 2003. С. 52.
- ⁷ Горский А.А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати. // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 226
- ⁸ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 43.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Петрухин В.Я. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? // Петрухин В.Я. «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 99.
- ¹¹ Плахонин А.Г. Этничность как фактор формирования элит Центральной Восточной Европы в IX-XIII вв. // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Т.1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск, Удмуртский университет, 2007. С. 142.
- ¹² Пенской В.В. Военно-техническая революция второй половины IX-X в. и проблема образования Древнерусского государства. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 200-201.
- ¹³ Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси в VI-XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX-начала XVIII в.: Очерки истории, СПб., «Дмитрий Буланин», 2006. С. 52.
- ¹⁴ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁵ Крадин Н.Н. Динамика процессов становления раннего государства на Руси. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 124.
- ¹⁶ Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военнополитическая элита Руси в X-XI вв. М., Индрик, 2012. С. 311.
- ¹⁷ Сапронов П.А. Русская культура IX-XX вв. Опыт осмысления. СПб., 2005. С. 239.
- ¹⁸ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁹ Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских отношений в раннесредневековый период (IX-XI вв.). // ДГСССР, 1981. С. 176.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия. // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000. С. 156.
- ²² Никольский С.Л. Указ. соч. С. 44.
- ²³ Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах соплеменников. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 169.
- ²⁴ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 305.
- ²⁵ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 323.
- ²⁶ Там же. С. 228.
- ²⁷ Михайлин В.М. Русский мат как мужской обценный код // Злая лая матерная... М.: Ладомир, 2005. С. 99.
- ²⁸ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 165.
- ²⁹ Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX - I пол. X вв. // ДГВЕ 1992-1993. М., 1993. С. 47.
- ³⁰ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 46.
- ³¹ Котляр Н.Ф. Указ соч. С. 47.
- ³² Долгов В.В. Указ. соч. С. 167.

- ³³ Королев А.С. Святослав. М., Молодая гвардия, 2011. С. 46.
- ³⁴ Долгов В.В. Указ. соч. С. 166.
- ³⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 50.
- ³⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность. Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2007.
- ³⁷ Михайлин В.М. Указ. соч. С. 99.
- ³⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия. //Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000. С. 253.
- ³⁹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁰ Петрухин В.Я. Похороны руса. Погребения знати Эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии. //Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 195.
- ⁴¹ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 328.
- ⁴² Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., Форум; Неолит, 2013. С. 400.
- ⁴³ Сапронов П.А. Указ. соч.. С. 215
- ⁴⁴ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 310.
- ⁴⁵ Петрухин В.Я. О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М.. 1998. С. 884.
- ⁴⁶ Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род. // ДГВЕ. М., «Восточная литература», 2000. С. 229.
- ⁴⁷ Пузанов В.В. От праславян... С. 325.
- ⁴⁸ Мельникова Е.А. Похороны князя-язычника в «ПВЛ». //ВЕДС. М., 2007. С. 151-156.
- ⁴⁹ Мельникова Е.А. Историческая память... С. 64.
- ⁵⁰ Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., Молодая гвардия, 2018. С. 139.
- ⁵¹ Пузанов В.В. От праславян... С. 325.
- ⁵² Петрухин В.Я. Древнерусский пантеон: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. //Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 80.
- ⁵³ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 246.
- ⁵⁴ Там же. С. 250.
- ⁵⁵ Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 199.
- ⁵⁶ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 247.
- ⁵⁷ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 58.
- ⁵⁸ Петрухин В.Я. Русь... С. 314-317.
- ⁵⁹ Флеров В.С. Указ. соч. С. 62-63.
- ⁶⁰ Петрухин В.Я. Похороны руса...С. 76.
- ⁶¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 254.
- ⁶² Петрухин В.Я. Русь... С. 399.
- ⁶³ Флеров В.С. Указ. соч. С. 56.

DEATH OF A PAGAN PRINCE IN ANCIENT RUS AND ITS REFLECTION IN THE "DRUZHINA CULTURE" (IX -XI CENTURIES)

© 2021 A.S. Fogel

Samara Medical University "REAVIZ"

The paper is devoted to the study of the peculiarities of the reflection of the deaths of the first pagan representatives of the princely dynasty of Rurikovich in the minds of the druzhina (prince's squad). The main attention is paid to the features of the position of the druzhina in the traditional society of Ancient Rus and its interaction with the princes. The author identifies the main aspects of the druzhina culture, reveals the symbolic and mythological meaning of life and especially the death of the prince in the perception of the druzhina. The paper covers the main options and complexes of actions of the druzhina in relation to the dead prince. The problem is considered on the basis of modern achievements of Russian humanities.

Keywords: prince, Rurikovich, Ancient Rus, representations, druzhina, state, druzhina culture, paganism, religious rites, early Middle Ages.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-5-13

Alexander Fogel, Candidate of History, Associate
Professor, Department of Humanities.
E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

УДК 94(47).06

НОВАЯ ЗАКАМСКАЯ ЛИНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАЗВАНИЯ И СТАТУС

© 2021 Э.Л. Дубман

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 1.08.2021

В статье рассмотрена трансформация названия Новой Закамской линии со времени ее возведения в 1730-х гг. в лесостепном Заволжье и до сегодняшних дней. На примере проектирования и строительства данного оборонительного рубежа показаны особенности формирования его как целостной системы укреплений. Определена протяженность линии и специфика складывания ее статуса как памятника историко-культурного наследия.

Ключевые слова: Новая Закамская линия, фортификация, засечная черта, оборонительная линия, ономастика, историко-культурный статус.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-14-24

В первые десятилетия XVIII в. в России наряду с другими преобразованиями «петровской» эпохи происходила модернизация отечественной военной инженерии. Западноевропейские фортификационные новации затронули прежде всего крепостное строительство северо-западного пограничья страны. Но они также оказали существенное влияние на технологии возведения и особенности использования протяженных оборонительных систем, защищавших южные и юго-восточные рубежи от нападений кочевников. Тема реформирования российского оборонительного зодчества вызывает большой интерес у исследователей, содержит ряд спорных и слабоизученных моментов и вплоть до настоящего времени сопровождается оживленными дискуссиями.

В данной статье мы рассмотрим только отдельные аспекты этой большой проблемы, касающиеся вопросов ономастики и статуса построенной в лесостепном Заволжье в первой половине 1730-х гг. Новой Закамской линии. Отметим прежде всего, что традиционные, постоянно используемые в делопроизводстве и повседневной жизни

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории. E-mail: dubmane@mail.ru

населения средневекового Московского государства названия таких систем укреплений, как «засечная черта», «засеки» и «черты», в XVIII в. практически выходят из употребления. Их начинают именовать теперь «линиями». Характерным примером подобных изменений становится применение этих терминов Петром I. В начальный период войны со Швецией на западном и юго-западном направлениях между Псковом, Смоленском, Брянском и лежащими южнее землями, где нередко встречались безлесные, открытые участки местности, он в 1705-1706 гг. указывал своим подчиненным строить «линии», перемежая их где необходимо «засеками» (термин «черта» при этом царем практически не использовался). Предупреждая о возможности нападений «не стройнова войска, но от набегу», государь требовал, «чтобы держали на линии крепкие караулы» и устраивали дополнительные оборонительные сооружения, валы и рвы, засеки, «равелины с полисадами, крепкими рогатками и шлогбаумами». По словам фельдмаршала Б.П. Шереметева, обозначение «засеки» использовалось и в последующие годы¹, то есть вплоть до Полтавской битвы. Авторы Военной энциклопедии считают, что именно этим собы-

тием закончилось употребление термина «засеки»². Но это не совсем так, он широко использовался при сооружении Новой Закамской линии, да и позднее.

Разнообразие терминологии, используемой Петром I, наблюдалось и в последующие годы. В своем указе от 15 ноября 1717 г. (далее везде старый стиль) царь, принявший активное участие в проектировании и руководстве сооружением Царицынской системы укреплений в междуречье Волги и Дона, вначале говорит о «сделании линии», а далее по тексту о неотложной потребности «... сделать черту» между Волгой и Доном³. Позднее он фактически отказывается от употребления термина «черта» и использует в своей лексике исключительно понятие «линия». Т.И. Лавринова, изучавшая историю возведения Царицынской линии, нашла в делах Сената выписку из царского указа от 31 января 1718 г., в котором Петр требовал: «... теми полками и всех чинов людьми зделать линею – вал и ров немалой, укладывая дерном, и по той линеи в пристойных местах зделать небольшие крепости... К строению той линеи и крепостей послать инженера из артиллерии»⁴. Термин «линия» («укрепленная линия») становится фактически единственным в делопроизводстве, сопровождающем процесс последующего строительства укреплений между Доном и Волгой⁵.

Позднее именно его использует как общеупотребительный И.К. Кирилов в своем знаменитом описании Российского государства, завершеном в 1727 г. Отметим, что, характеризуя систему укреплений между Волгой и Доном, Кирилов использует только понятие «линия», не обращая внимания на чередование в указе Петра I терминов «линия» и «черта»⁶. Приведем в качестве примера также проект нового штата крепостей, представленный в 1729 г. для утверждения Сенату Б.-Х. Минихом, возглавившим в это время инженерную службу русской армии. При перечислении крепостей и других укрепленных пунктов он несколько раз использует термин «линия»

(«Вокса с линиею и редутами», «Царицынская линия») и ни разу не употребляет словосочетание «засечные черты»⁷.

Окончательное утверждение этого понятия в практике массового оборонительного строительства, очевидно, происходит с 1730-1731 гг., когда правительство приступило к реализации грандиозного проекта, направленного на защиту от нападений кочевников южного и юго-восточного пограничья европейской России. Основу данного оборонительного рубежа должны были составить укрепления вновь возводимых Украинской и Новой Закамской, а также реконструированной Царицынской линий⁸.

Российские исследователи, изучавшие создание отдельных оборонительных систем данного проекта, употребляли исключительно термин «линия». Причем это понятие не являлось историографическим. Авторы в своих исследованиях использовали терминологию из источников конца 1720-х - 1730-х гг., где данное обозначение для протяженных оборонительных систем уже стало общеупотребительным. Фундаментальный труд крупнейшего специалиста по истории фортификации Ф.Ф. Ласковского, вышедший во второй половине XIX в., а также появившиеся в последние годы XX - начале XXI в. исследования Р.Г. Букановой, Э.Л. Дубмана, Т.И. Лавриновой, Е.А. Гуковой и других историков подтверждают этот вывод⁹. Характерно, что в трудах исследователей конца XIX - начала XX в., занимавшихся прежде всего проблемами российской колонизации, таких как Г.И. Перетяткович, Д.И. Багалеи, М.К. Любавский и других, также произошел быстрый переход от терминологии «засечных черт» к понятию «линий»¹⁰. В современных энциклопедических словарях рассматриваемое нами изменение понятий в начале XVIII в. также было отражено¹¹.

Переход к новому понятию, видимо, можно объяснить следствием его заимствования из переведенных на русский язык трудов специалистов по западноевропейской фортификации. Очевидно, это наблю-

далось в процессе возглавляемой самим Петром I практической деятельности русских и зарубежных фортификаторов. В России также происходило формирование специализированных военно-инженерных частей и создание инженерных училищ, для которых нужны были учебные пособия с единой образной терминологией¹².

Помимо того, его использование, очевидно, было обусловлено тем, что название «засечные черты» связывали с их возведением на залесенных территориях, где имела возможность устраивать протяженные полосы засек. Первая же половина XVIII в. в Европейской России была временем интенсивного освоения южной и юго-восточной лесостепи, где леса занимали лишь незначительные участки. Потому-то, вероятно, словосочетание «засечная черта» утрачивает свою актуальность и значимость, его заменяет понятие «линия». Такая эволюция в использовании терминологии и в реальной строительной практике была особенно характерна для Царицынской и Украинской линий. При их возведении совокупность отдельно располагавшихся крепостей, фельдшанцев и редутов соединяла в единое целое непрерывная система валов и рвов. Специфичной в данном отношении являлась лишь Новая Закамская линия в Заволжье. Ее начальный участок проходил в основном в широтном направлении на восток через степное пространство, но затем, начиная от Сергиевска, линия резко поворачивала на северо-восток в районы с преобладанием крупных лесных массивов. Потому-то почти треть всей ее протяженности – около 80 км – пришлось защищать засеками¹³.

Остановимся более подробно еще на одном аспекте рассматриваемой темы. Названия Царицынской и Украинской линий сохранились до настоящего времени практически без изменений. Несколько иначе обстоит дело с наименованием третьей из них, располагающейся в лесостепном Заволжье. В современной исторической ли-

тературе в основном используется два варианта ее именования – Ново-Закамская и Новая Закамская. Первое из них употребляется, как правило, в местных краеведческих публикациях и региональной публицистике, а также в делопроизводстве учреждений, занимающихся охраной и использованием памятников истории и культуры. Вторым вариантом наименования в основном используют исследователи, постоянно работавшие с источниками и более профессионально изучавшие процесс строительства и заселения. В связи с этим возникает вопрос, как происходило развитие указанных вариантов названия оборонительной системы с начала 1730-х гг. и далее на протяжении всей истории существования данного памятника российской фортификации?

Для руководства Военной коллегии и других высших государственных учреждений проектирование и строительство новой оборонительной линии представлялись как создание пограничной системы укреплений, призванных совместно с прочими (Украинской и Царицынской) защитить южный и юго-восточный фронт страны и обеспечить условия для освоения защищаемых ими территорий. Вместе с тем постепенно усиливается влияние руководства Казанской губернии на события, происходившие в лесостепном Заволжье, к югу от прохождения «старой» Закамской линии. Для него был характерен взгляд с севера на юг, в «меридиональном направлении», вниз по течению Волги, из-за Камы. Используемое название «Закамская черта» для губернской администрации было совершенно очевидным, так как она защищала сравнительно локальную территорию Закамья, подступы к тогдашнему «Казанскому краю». Пространство же, прикрытое новой оборонительной линией первой половины 1730-х гг., было более обширным, охватывало южную «самарскую» лесостепь Заволжья.

Несмотря на это во всех источниках первой половины – середины 1730-х гг., касающихся проектирования и строительства новой линии, употреблялось название «За-

камская». Оно использовалось в законодательных актах, в документации Сената, Военной коллегии, Канцелярии главной артиллерии и фортификации; в делопроизводстве Казанской губернии и самой Закамской экспедиции. Чтобы не путать ее с «Закамской чертой», построенной в середине XVII в., в текстах иногда называли ее «новой», но только в противопоставлении со «старой». Ни в период проектирования и строительства черты, ни при ее упразднении как уже функционирующего оборонительного рубежа во время деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) такие названия, как «Новая Закамская» или «Ново-Закамская» черта, никогда не применялись. Крепости на старой черте, построенные при Алексее Михайловиче Тишайшем, называли обычно «Закамскими пригородами» или «пригородками»¹⁴.

Сменивший Кирилова начальник Оренбургской экспедиции (комиссии) В.Н. Татищев, при котором происходило упразднение системы укреплений, построенной в 1731-1735 гг., и перевод ландмилицких частей с нее южнее на Самарскую линию, в своем «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском...» (рукопись этой работы была подготовлена автором еще в 1745 г. и передана в Академию наук) выделял две Закамские линии и о более поздней XVIII в. писал как о преемнице, построенной в 1650-х гг. Логика его рассуждений была следующей: «Закамская черта и Черемшанская [ее все же традиционно называли просто Закамской. – Э.Д.] есть продолжение Карсунской черты, строена от Волги по реке Черемшане, а чрез степи сделан вал и засеки при царе Алексее..., по которой города населены... Ерыклинск, Таинск, Билярск, Новошешминск, Заинск, Мензелинск. Но в 1730 году она перенесена далее и начата от Самары до Алексеевска, по Самаре от Алексеевска до реки Сока, где крепость Красноярская, чрез степь и далее по Осоку [описка – правильно Соку. – Э.Д.], вверх до Сергиевска, оттуда чрез Новошешминск и Заинск до Мензелинска

по старой, но в 1739 году она оставлена, а сделаны крепости по Самаре до Яика»¹⁵. Характерно, что Татищев не совсем правильно представлял себе маршрут новой линии за р. Б. Черемшан. Он исходил из того, что она является преемницей старой и фактически продолжала ее.

«Лексикон...» Татищева стал известен читающей публике только после его издания в 1793 г.¹⁶ Поэтому можно полагать, что представление россиян второй половины XVIII в. об оборонительных системах в Заволжье было сформировано трудами П.И. Рычкова. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук в начале 1750-х гг., еще работая над сопроводительным текстом к «Ландкартам или Чертежам географическим» (их готовил геодезии прапорщик Красильников «с товарищи») Оренбургской губернии, фактически смог заложить фундамент для подготовки впоследствии своей знаменитой «Топографии Оренбургской губернии». Кстати, на ландкартах Красильникова была вычерчена «Закамская линия» со своими основными укреплениями¹⁷.

Характерно, что представления Рычкова о времени создания и названии «старой» Закамской линии менялись. Так, в изданной в 1759 г. пространной «Истории Оренбургской», приведя краткое описание Закамской черты середины XVII в., он никак ее не называет. Рычков только высказал мнение, что черту возвели при Иване Грозном в XVI в., как и продолжающую ее на Правобережье Волги от Симбирска непрерывную систему оборонительных сооружений вплоть до Белгорода¹⁸. Несколько далее по тексту автор сообщает о канцелярии закамской линии (имеется в виду *новой*), но никак не расширявает этот термин¹⁹.

И только в вышедшей в 1762 г. «Топографии Оренбургской губернии» Рычков дает пространное и достаточно точное описание новой оборонительной линии, называя ее «Закамской»²⁰. Именно оно во второй половине XVIII - начале XIX в. стало классическим и вошло в издаваемые в это время

географические словари (лексиконы). Их составители, писавшие о линии, также называли ее просто Закамской и практически не упоминали старую Закамскую черту. Фактически они дословно приводили обширное описание оборонительной линии 1731-1735 гг., взятое у Рычкова со всеми его неточностями и ошибками²¹. О предшествующей ей засечной черте, построенной ранее в середине XVII в., в географических словарях ничего не сообщалось, ее как будто бы и не существовало²².

По нашим данным, впервые словосочетание «Новая Закамская линия» (как и «Старая Закамская») начал использовать в середине XIX в. капитан Генерального штаба М.И. Иванин. Он был первым, кто полностью обследовал линию, профессионально ее охарактеризовал и потом опубликовал подготовленные материалы в обширной статье о старой и новой Закамских линиях²³. Известный фортификатор и исследователь оборонительных сооружений России Ф.Ф. Ласковский в 1 книге своего трехтомника весьма кратко рассмотрел конкретные засечные черты, строившиеся до начала XVIII в. Засечную черту середины XVII в. в Закамье он называл Закамской, практически не дав ей сколько-нибудь подробного описания, но Симбирской черте и ее укреплениям Ласковский уделил значительно большее внимание²⁴. А вот в последней книге своего труда, посвященной послепетровской эпохе развития российской фортификации, Ласковский подробно, основываясь на репрезентативной источниковой базе, анализирует построенные в 1730-е гг. системы укреплений на Украине, в Волго-Донском междуречье и в Заволжье. Систему укреплений, возводившуюся Ф.В. Наумовым и И.А. Бибиковым, он называет Закамской, никак не сопоставляя ее со «старой» Закамской чертой²⁵.

После Иванина в широкий научный обиход название «Закамская черта» вводит в своей фундаментальной работе, посвященной колонизации Среднего Поволжья, Г.И. Перетяткович. Основываясь на вновь

выявленных архивных источниках, он привел подробный анализ строительства оборонительной системы, истории и расселения по ней гарнизонов в середине - второй половине XVII в.²⁶. Именно после выхода в 1882 г. его монографии Закамская система укреплений все чаще становится объектом изучения для историков. События же, происходившие в Заволжье позднее, в первой трети XVIII в., не входили в предмет изучения историка. Перетяткович лишь кратко упоминает о линиях по р. Сок и Самаре, не приводя их бытующих названий²⁷.

Наконец, в начале 1920-х гг. вслед за Иваниным название «Новая Закамская линия» использовал осматривавший ее укрепления в Заволжье будущий академик М.Н. Тихомиров²⁸.

В энциклопедических словарях и энциклопедиях конца XIX - XX в. Закамским линиям, как правило, уделялось мало внимания. Например, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона размещена лишь краткая статья о них, а обе системы укреплений просто названы Закамскими²⁹. В дореволюционной «Военной энциклопедии», изданной под редакцией В.Ф. Новицкого, приведены только данные о линии, построенной в 1730-е гг., которая также была названа просто «Закамская». Но вместе с тем авторы статьи в энциклопедии упоминают о том, что после Кичуйского «редута» (на самом деле «фельдшанца») Закамскую линию продолжила к Каме «старинная засека» с пригородами Заинском и Мензелинском (то есть засечная черта, построенная в 1650-х гг.)³⁰. Все тома «Военной энциклопедии» так и не удалось полностью издать, поэтому мы не можем судить, планировалась ли публикация специальной статьи о «старой» засечной черте в Закамье.

Авторы «Советской исторической энциклопедии» в статье «Закамская линия» кратко охарактеризовали только «Закамскую линию» 1731-1735 гг.³¹ В Большой советской энциклопедии сведения о данных оборонительных сооружениях практически отсутствуют. То же самое можно сказать и о

незавершенной исторической энциклопедии, вышедшей в конце XX в. Во втором ее томе статья о Закамской (закамских линиях) черте вообще не размещена³², а 4-5 тома оказались неизданными.

В конце XX в. в третьем томе обобщающего коллективного исследования по истории русского градостроительного искусства, посвященном новым городам и оборонительным сооружениям XVIII - первой половины XIX в., характеристика закамских линий также отсутствует. Только на приведенной в нем карте России указаны с последующим пояснением и с названиями Старая Закамская и Новая Закамская линии³³.

В конце XX - начале XXI в. появилось несколько основанных на репрезентативной источниковой базе работ, в которых было подробно рассмотрено строительство и использование оборонительных черт и линий Среднего Поволжья и Заволжья. Так, исследовавший всю их совокупность В.И. Лебедев особо выделил как самостоятельную Закамскую линию, построенную в середине XVII в., и «Сокскую», или «Ново-Закамскую», 1730-х гг.³⁴ Ю.Н. Смирнов в своей монографии, посвященной деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), для обозначения оборонительной системы от пригорода Алексеевска на р. Самаре до р. Кичуй постоянно, как наиболее приемлемое, использует словосочетание «новая Закамская линия»³⁵. Ряд монографических исследований укрепленных линий в Заволжье опубликовала Р.Г. Буканова. Для первой, основанной при Алексее Михайловиче в середине XVII в., исследователь традиционно использует название «Закамская черта»³⁶; для второй, построенной в правление Анны Иоанновны, - «Новая Закамская линия»³⁷. Именно Букановой принадлежит первая попытка рассмотреть историю формирования этих топонимов, хотя при этом она допускает определенные неточности³⁸.

И, наконец, в первом монографическом исследовании оборонительной линии в Заволжье начала 1730-х гг. и в ряде других своих работ Э.Л. Дубман, можно полагать,

окончательно закрепляет за ней название «Новая Закамская линия»³⁹.

Подведем итоги складывания историографической традиции, начатой еще в середине XIX столетия и доведенной до наших дней (работы М.И. Иванина, М.Н. Тихомирова, Р.Г. Букановой, Э.Л. Дубмана, в определенной степени Ю.Н. Смирнова и других исследователей), именования данной оборонительной системы - «Новой Закамской линией». Мы полагаем, что оно является наиболее удобным для использования и основывается на трудах профессиональных, использовавших репрезентативную источниковую базу, историков.

И все же имеется еще ряд спорных моментов, без рассмотрения которых вопрос о том, что же представляла собой оборонительная линия в Заволжье (как и на Украине), нельзя считать окончательно решенным. Особые сложности возникают при определении ее протяженности и состава локальных укреплений. Неясно, что понимали под данной «укрепленной линией» на разных этапах ее строительства и последующего использования. Этот, казалось бы, весьма простой вопрос вызывает достаточно серьезные споры среди исследователей, прежде всего, Украинской и Новой Закамской линий. Так, например, занимавшаяся изучением Украинской линии Е.А. Гукова цитирует решение правительства о том, что она должна иметь протяженность «268 верст и состоять из цепного реданного вала и 16 крепостей с большим количеством редутов»⁴⁰. Но далее исследователь приводит мнения ряда историков о совершенно иной протяженности непрерывной системы укреплений: Д.И. Журавского - в 800 верст, Б.В. Чеботарева - в 268, А.А. Скальковского - в 385 и, наконец, Х.-Г. Манштейна - в примерно 400 верст⁴¹. Сама же Гукова полагает, что при общей протяженности Украинской линии в 280 км длина самого рва и вала, прикрывавшего пространство между редутами, из-за их сложной конфигурации составляла около 400 км. Она пишет, что: «Украинская линия - ломанная, состоящая

из бесчисленного множества небольших прямых, отделяемых друг от друга особенного рода выступами или углами»⁴². Столь же разноречивые сведения о протяженности Украинской линии в трудах разных исследователей приводит в своей работе Г.П. Заика⁴³.

Действительно, трудностей при определении протяженности различных оборонительных линий возникает предостаточно. Кратко рассмотрим возникающие проблемы на примере сооружения Новой Закамской линии. В инструкции, врученной в конце зимы 1731 г. руководителю вновь созданной экспедиции Ф.В. Наумову, предписывалось осмотреть пространство Предволжья - по Царицынской линии и по притокам Дона - Иловле, Медведице и другим; а также Заволжья - ниже «Черемшанских форпостов» по рекам Сок, Ик, Самаре, Иргизу и иным левобережным притокам Волги. Здесь в «опасных местах» необходимо было поставить городки и поселить в них вновь созданные ландмилицкие полки⁴⁴. Обследовать все это гигантское пространство и выполнить столь значительный объем работ сравнительно небольшой группе специалистов, составивших костяк экспедиции Наумова, было практически невозможно. В результате в Сенате вынуждены были прислушаться к коррективам тайного советника и принять решение сузить район строительства линии до междуречья Волги от устья р. Самары до Ика⁴⁵. Проведенное летом 1731 г. обследование этой местности позволило сделать вывод, что участок от г. Самары по одноименной реке вплоть до устья Б. Кинеля дополнительно укреплять не нужно, потому что здесь «река вместо линии»⁴⁶. Строительство новой линии как непрерывной системы укреплений начали с возведения Кинельского редута, основанного в устье Б. Кинеля. Именно от него приступили к возведению непрерывной системы валов и рвов к р. Сок. Однако участок по р. Самаре с г. Самарой и его пригородом Алексеевским не был забыт. В 1733 - первой половине 1735 г. их военные гар-

низоны были включены в состав закамской ландмилиции и должны были служить «на караулах и в охранении» по линии. Кроме того, в 1734 г. в устье р. Падовки был построен Падовский ретраншемент, в котором должны были размещаться временные посты и разъезды казаков и отставных солдат Самары и Алексеевска. Таким образом, фактически все пространство по р. Самаре, от Волги и до Б. Кинеля вместе с городом, пригородом и ретраншементом, вошло в состав Новой Закамской линии и оказалось под юрисдикцией В.Ф. Наумова⁴⁷.

И, наконец, обследуя территорию Заволжья летом - осенью 1731 г. к северу от р. Б. Черемшан, руководство экспедиции пришло к выводу, что строить линию далее за р. Кичуй, где начиналась зона постоянных башкирских поселений, крайне опасно из-за возможности волнений этого народа. В столице согласились с этим предложением Наумова. Производство строительных работ к северо-востоку от крепости (в итоге ее заменили на меньший по размерам фельдшанец) на р. Кичуй как крайнего пункта линии было отложено. Это «временное» решение в итоге стало постоянным, определившим северо-восточную границу прохождения Новой Закамской линии⁴⁸. Помимо того, на протяжении всех пяти лет строительства линии серьезные изменения происходили при определении конфигурации ее отдельных участков. Нередкими были случаи, когда в противостоянии мнений руководства Военной коллегии и сотрудников экспедиции победу удавалось одержать Наумову и его офицерам, но зачастую они проигрывали. В определенной степени очертания и размеры линии, конфигурация ее укреплений и т.д. являлись нередко результатом компромиссных решений.

Судя по выписке из сенатских дел, подготовленной по итогам строительных работ и расселения ландмилиции на основе донесений инженеров Закамской экспедиции, протяженность Новой Закамской линии составила около 244 верст или немногим более 260 км. Приведенный в данном источнике

перечень основных оборонительных сооружений (крепостей, фельдшанцев, редутов и ретраншемента) и расстояний между ними показывает, что в состав оборонительной линии был включен также участок правого берега р. Самары от одноименного города до пригорода Алексеевска (в том числе и Падовский ретраншемент) протяженностью в 24,5 км.

Таким образом, судя по итоговой документации Сената и Закамской экспедиции новая оборонительная линия проходила от г. Самары на Волге до Кичуйского фельдшанца на р. Кичуй.

Возникает вопрос, насколько достоверными являются данные о размерах линии и ее отдельных участков, отраженные в документах середины 1730-х гг. Вплоть до настоящего времени полной инвентаризации укреплений и топографо-геодезических работ на всем протяжении Новой Закамской линии в Самарской области и Республике Татарстан с целью подготовки материалов о границах ее территории и протяженности не проводилось.

Но в 2012 и в 2020 годах такие работы с использованием современного оборудования для топографической съемки были осуществлены на территории ряда муниципальных районов Самарской области (Кинельского, Красноярского, Сергиевского, Исаклинского и Шенталинского) и выполнены на всем протяжении от Кинельского редута до границ с Республикой Татарстан (Черемшанская крепость) «самарского» участка линии, по которому проходила непрерывная система укреплений. Это обследование позволило более точно определить расстояния между основными оборонительными сооружениями линии. Выяснилось, что они лишь незначительно отличались от данных, полученных инженерами экспедиции Закамской экспедиции к середине 1730-х гг.⁴⁹

Следовательно, мы можем считать данные выписки из сенатских дел вполне достоверными при определении протяженности Новой Закамской линии, как ее

основной «непрерывной», полностью «закрытой» оборонительными сооружениями части, так и той, которая была прикрыта только течением р. Самары (от Волги до пригорода Алексеевска).

К настоящему времени сооружения Новой Закамской линии имеют статус объекта культурного наследия только в границах территории Самарской области. Начало этому процессу было положено в 1960 г. постановлением Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников в РСФСР», когда в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, были включены три объекта, относящиеся к сооружениям Новой Закамской линии («Земляной вал «Ново-Закамская черта» XVIII в. Красноярский и Сергиевский районы»; «Городище и двадцать пять курганов. Село Хорошенка. Красноярский район», «Городище, стоянка хвалынской культуры и девятнадцать курганов. Село Красный Яр. Красноярский район»).

В 2005 г. решением министерства культуры, молодежной политики и спорта Самарской области (уполномоченным на тот момент органом исполнительной власти Самарской области по государственной охране объектов культурного наследия, расположенных на территории Самарской области) сооружения Новой Закамской линии, расположенные на территории муниципальных районов Кинельский, Исаклинский, Шенталинский, были включены в перечень выявленных объектов археологического наследия Самарской области с названием «Ново-Закамская укрепленная линия (Исторический Вал)».

Данное решение было принято с целью устранения существующего противоречия, когда сооружения единого по своей сути объекта Новой Закамской линии, проходящие через территорию пяти муниципальных районов Самарской области, считались объектом культурного наследия только в границах двух районов - Красноярского и Сергиевского.

К настоящему времени в результате проведения в 2012 и 2020-х гг. указанных выше экспедиционных работ был подготовлен акт государственной историко-культурной экспертизы на единый в границах Самарской области объект археологического наследия «Новая Закамская линия» с определением границ территории указанного объекта и подготовлена информация для утверждения его границ с последующей постановкой сведений об указанном объекте археологического наследия в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН).

Все необходимые материалы были направлены в адрес Минкультуры России для принятия решения о включении в Реестр объекта культурного (археологического) наследия «Новая Закамская линия», расположенного на территории Самарской области, в качестве объекта федерального (общероссийского) значения.

Завершающим этапом данных работ должна стать подготовка материалов, направленных на обоснование включения объекта культурного (археологического) наследия «Новая Закамская линия» в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО.

Вместе с тем совершенно очевидно, что весь комплекс работ по выявлению объектов, относящихся к Новой Закамской линии, определение границ их территорий, включение в реестр, постановку на кадастровый учет сведений о границах территории необходимо провести и для сооружений, относящихся к Новой Закамской линии, расположенных на территории Республики Татарстан. Известно, что там в 2020-21 гг. проводились исследования, направленные на включение данного объекта в перечень выявленных объектов культурного наследия Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. Часть II. Опыт исследования

инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. СПб., 1858. С. 243-247.

² Военная энциклопедия. Т. 10. СПб., 1912. С. 488.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ-1.) Т. 5. (1713-1719). СПб., 1830. С. 518. № 3116.

⁴ Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718 - 1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012. С. 29, 92.

⁵ Там же. С. 3-4, 93-94; ПСЗ-1. Т. 6. №3484. С. 2; и др.

⁶ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 232.

⁷ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 9, 15-16.

⁸ ПСЗ-1. Т. 8. № 5673. С. 360-364; № 5778. С. 476-478; № 5800. С. 515; № 5808. С. 517-518; № 5993. С. 659; и др.

⁹ Заика Г.П. Українська лінія. Київ-Полтава, 2001; Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2009.

¹⁰ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 339; Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 197, 249, 298-335, 565 и др.; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 274-280, 309, 489, и др.

¹¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том второй. Д-К. М., 1996. С. 231; История Отечества: Энциклопедический словарь / Сост. Б.Ю. Иванов, В.М. Карев, Е.И. Куксина и др. М., 1999. С. 209; и др.

¹² См., например: Комиссаренко А.И. Создание Петром Великим инженерных войск и их роль в первой четверти XVIII века // Петр Великий - реформатор России: сб. ст. М., 2001. С. 71-78; Бенда В.Н. Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в. (на материалах Санкт-Петербурга и Москвы): автореф.... дис. докт. ист. наук. СПб., 2019; и др.

¹³ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 144.

¹⁴ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 89.

- ¹⁵ *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 280.
- ¹⁶ *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. СПб, 1793.
- ¹⁷ Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П.И. Рычкова 1755 года. Оренбург, 1880.
- ¹⁸ *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896. С. 18; *его же.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 55.
- ¹⁹ *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. С. 67.
- ²⁰ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 312-314.
- ²¹ *Полунин Ф.А.* Географический лексикон Российского государства или словарь... М., 1773. С. 94-95; *Максимович Л.Н.* Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. 2. 3-К. М., 1789. С. 5-7; *Щекатов А.М., Максимович Л.Н.* Географический словарь Российского государства...: В 7 ч. Ч. 2. М., 1804. С. 527-529.
- ²² См., например: *Щекатов А.М., Максимович Л.Н.* Географический словарь Российского государства.... Ч. 5. Р-С. М., 1807.
- ²³ *Иванин М.И.* Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 1. 1857. С. 57-78.
- ²⁴ *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. С. 30-32.
- ²⁵ *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. С. 42-43, 89-96.
- ²⁶ *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 140-167.
- ²⁷ Там же, с. 339.
- ²⁸ *Тихомиров М.Н.* К истории колонизации Самарского края // Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923 гг.). Самара, 1994. С. 86.
- ²⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1894. Т. 12. С. 157.
- ³⁰ Военная энциклопедия. Т. 10. СПб., 1912. С. 432-433.
- ³¹ Советская историческая энциклопедия. Гл. редактор Е.М. Жуков. Т. 5. Двинск -Индонезия. М., 1964. С. 599-600.
- ³² Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том второй. Д-К. М., 1996.
- ³³ Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII - первой половины XIX века. Под общей редакцией Н.Ф. Гуляницкого. М., 1995. С. 282.
- ³⁴ *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам Засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 52-53.
- ³⁵ *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 21-23.
- ³⁶ *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века. Уфа, 1999; *она же.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа, 2010. С. 170-204.
- ³⁷ *Буканова Р.Г.* Города-крепости Юго-Востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 87-100.
- ³⁸ Там же. С. 89-90.
- ³⁹ *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство.
- ⁴⁰ *Гукова Е.А.* Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.). С. 65.
- ⁴¹ Там же. С. 65.
- ⁴² Там же. С. 111-112.
- ⁴³ *Заїка Г.П.* Українська лінія. С. 9.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 2-8. *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 20.
- ⁴⁵ *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 20.
- ⁴⁶ Там же. С. 34.
- ⁴⁷ Там же. С. 131, 158-159.
- ⁴⁸ Там же. С. 178-181.
- ⁴⁹ Инвентаризация объекта культурного (археологического) наследия федерального (общероссийского) значения «земляной вал «Ново-Закамская черта XVIII в.», расположенного на территории муниципальных районов Красноярский и Сергиевский Самарской области (исполнитель ООО «Гефест»). Самара, 2012. Т. 1 // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области; Технический отчет по проведению инвентаризации выявленного объекта археологического наследия «Ново-Закамская укрепленная линия (Исторический Вал)» и актуализации сведений об объекте культурного

наследия федерального значения «Земляной вал «Ново-Закамская черта» XVIII в. Красноярский и Сергиевский районы» на территории городского округа Кинель, муниципальных районов Кинельский, Красноярский, Сергиевский, Иса克林ский, Шенталинский, Челно-Вершинский Самарской области и муници-

пального района Черемшанский Республики Татарстан в 2020 г. Государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по сохранению историко-культурного наследия Самарской области». Самара, 2020. // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области.

NEW ZAKAMSKAYA LINE: EVOLUTION OF NAME AND STATUS

© 2021 E.L. Dubman

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The article is devoted to the transformation of the name of the New Zakamskaya (Trans-Kama) line from the moment of its construction in the 1730s in the forest-steppe Trans-Volga region to the present day. Using the example of the design and construction of this defensive line, the author examines the features of its formation as an integral system of fortifications. The article contains the characteristics of the length of the line and the peculiarities of the formation of its status as a monument of historical and cultural heritage.

Keywords: New Zakamskaya line, fortification, notch line, defensive line, onomastics, historical and cultural status.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-14-24

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
ЮЖНЫХ СЛАВЯН В 1875-1878 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)**

© 2021 Ю.П. Аншаков, А.Ю. Шепелева, М.В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 27.07.2021

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с участием Русской Православной Церкви в деле организации помощи освободительной борьбе балканских славян в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Проанализированы различные аспекты помощи, оказанной Русской Православной Церковью южным славянам.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, освободительное движение южных славян, Балканы, Поволжье, пожертвования, Славянские комитеты.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-25-33

Восточный кризис второй половины 70-х гг. XIX века по своим последствиям имел огромное историческое значение. В его основе лежали проблемы освобождения христианских народов Балканского полуострова из-под власти Османской империи. Он самым существенным образом затрагивал геополитические интересы России в балканском регионе, заинтересованной в укреплении своего влияния на Балканах.

Русское общество всегда со вниманием и сочувствием относилось к борьбе балканских христиан за свое освобождение, в русском народе это сочувствие и помощь были совершенно бескорыстны и далеки от политических расчетов правящих кругов. Русский народ одушевлялся гуманными

идеями, идеями религиозной и этнической близости, историческими традициями единства и дружбы. В этом сложном и многогранном процессе значительная роль принадлежала Русской Православной Церкви, внесшей свой весомый вклад в дело помощи южным славянам, в том числе в Поволжье, население губерний которого самым активным образом откликнулось на призыв оказать помощь братьям-славянам. Сама борьба южных славян, стремившихся освободиться из-под власти Османской империи и создать свои национальные государства, воспринималась русским обществом в том числе и как война за «веру Христову». Восточный кризис начался летом 1875 г. с восстания в Боснии и Герцеговине, в июне следующего года в борьбу с Турцией вступили Черногория и Сербия, а в Болгарии с особой жестокостью турками было подавлено восстание, разразившееся в конце апреля 1876 г. Это были начальные этапы Восточного кризиса на Балканах, приведшего к русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Завершился кризис Берлинским конгрессом (июнь 1878 г.), изменившим карту Балкан.

На всем протяжении этих событий население России принимало самое деятельное участие в широком движении сочувствия

Аншаков Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, начальник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

Шепелева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, главный специалист отдела использования архивных документов, Самарский областной государственный архив социально-политической истории

Толкачев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии, Самарский федеральный исследовательский центр РАН. E-mail: hermess85@mail.ru

и помощи славянам. Следует сказать, что поволжское население было первым в России, которое откликнулось на призыв оказать помощь «единоверным братьям», и произошло это еще задолго до боснийско-герцеговинского восстания 1875 г., ставшего началом Восточного кризиса. И в этом именно Русская Православная Церковь сыграла определяющую роль. Сараевский архимандрит Сава Косанович в феврале 1872 г. получил разрешение Правительствующего Синода приехать в Россию для сбора пожертвований в пользу только что выстроенной православной церкви в Сараеве и для учреждения там православной школы. Архимандрит пробыл в России до ноября 1873 г., собрав деньгами до 4500 руб. и 10 ящиков с церковными книгами, одеждами и утварью. Совершая поездку по поволжским губерниям, Сава Косанович побывал в Саратове, Хвалынске, Казани, Нижнем Новгороде, и везде владыку ждал радужный прием и большие пожертвования, сбор которых организовывали высшие церковнослужители поволжских епархий. На пароходе с Савой Косановичем произошел и такой случай, характеризующий религиозные чувства, и не только русских. Капитан парохода с особым радушием встретил архимандрита, приказал отвести ему лучшую каюту, сказав при этом следующее: «В сем пароходе помещаются разные лица и разного характера, и потому вам со святынею нельзя поместиться между ними, почему я вам и предоставляю особое помещение. И если вам угодно, я на свой счет возвращу вас обратно. Я немец, чужой подданный, но православный и уважаю то, что достойно любви и уважения»¹. На собранные средства сараевская православная община купила в городе два двухэтажных дома, в одном из которых разместила женское училище на 130 учениц².

После получения в Поволжье первых известий о начале антитурецкого восстания в Герцеговине денежные пожертвования от церковных прихожан стали поступать чаще и в большем количестве. Во многом на-

правляли народ на оказание этой помощи славянам Балканского полуострова местные епархии. Так, архиепископ Казанский Антоний поручил пастырям своей епархии пользоваться всяким удобным случаем – и в храме, и вне его, чтобы донести прихожанам, в каком плачевном состоянии находятся славяне³. Собранные церковные пожертвования по распоряжению Синода по мере накопления направлялись в Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета⁴. В свою очередь, Славянские комитеты затем различными путями переправляли их на Балканы.

В конце августа 1875 г. по ходатайству Петербургского отдела Славянского комитета Александр II разрешил официальный сбор пожертвований в пользу Герцеговины и Боснии. Во всех церквях губерний Поволжья действовал кружечный сбор в пользу южных славян⁵. Прихожане, поволжская общественность не могли остаться равнодушными к напечатанному на страницах местных газет эмоциональному посланию сербского митрополита Михаила. В нем митрополит Михаил обращается к русскому народу от лица славянского населения Боснии, Герцеговины и Старой Сербии (Косово и Метохия). То, как он эмоционально описывал бедствия народа, вызывало искреннее сочувствие к страдальцам-славянам и негодование по отношению к туркам: «убийства, долголетняя ссылка и каторга в мрачных подземных тюрьмах, ...обесчещение женщин, матерей и сестер бедных райи, убийство невинных грудных детей или обваривание их кипятком в насмешку над святым крещением – вот какие неслыханные варварства совершаются на глазах просвещенной Европы». И это еще не весь перечень турецких злодеяний, приведенных в послании сербского митрополита. Свое послание митрополит Михаил заканчивал призывом, на который русский народ не мог не откликнуться: «Родные нам братья и сестры! ...услышите призывающий вас голос, полный мольбы..., во имя единой святой православной церкви, нако-

нец, во имя гуманности, братья русские, вы не откажетесь подать посильную помощь бедным, брошенным на произвол судьбы вашим братьям-славянам!». Также впечатляющим было обращение черногорского митрополита Иллариона, в котором он через Московский славянский благотворительный комитет призывал организовать в России сбор денежных и вещевых пожертвований для 25 тысяч герцеговинских беженцев, вынужденных искать прибежище в Черногории. «Жизнь нескольких тысяч страдальцев зависит от помощи, и притом скорой помощи вашей!» Этим воззванием заканчивал послание высший церковный иерарх Черногории⁶. И Русская Православная Церковь откликнулась на этот призыв двух высших церковных иерархов Сербской православной церкви. По предписанию епископа Самарского и Ставропольского Герасима послание сербского митрополита и аналогичное обращение черногорского митрополита Иллариона вместе с подписными листами для сбора пожертвований были разосланы по всем монастырям и церквям епархии⁷. Послания сербского и черногорского митрополитов нашли отклик среди церковнослужителей Поволжья. В качестве примера можно привести письмо священника г. Новоузенска (Саратовская губерния) Полиевкта Сведобова: «Послания высокопреосвященнейших митрополитов Михаила и Иллариона достигли и до нашего бедного городка. Нашлись и у нас добрые христианские души, которые с живейшим сочувствием откликнулись на зов святителей. Искренние слезы лились у них из глаз при чтении посланий, и вот плод этих искренних слез – 157 руб.»⁸. Послание митрополита Михаила было не только опубликовано на страницах газет Поволжья, но и было прочитано в церквях. Тем самым о бедствиях славян в Боснии и Герцеговине могли узнать не только грамотные жители, но и огромное количество крестьян, которые являлись прихожанами этих церквей. Об этом сообщал настоятель Крутомайданской Троицкой церкви Нижегородской губернии

Платон Мачицкий в письме видному общественному деятелю, публицисту, идеологу славянофилов И.С. Аксакову: «Честь имею сообщить вам, что в самый Новый год 1 января 1876 г. я прочитал в храме божием послание высокопреосвященнейшего митрополита сербского Михаила о бедствиях наших единоверцев-славян, и по произнесении особой речи в поминание простолюдинам-прихожанам о тех постоянно существующих бесчеловечных притеснениях и угнетениях, которые терпят наши собратья от варваров-татар [так в тексте] с самого их владычества над ними, и в вызове их сердечного сострадания к таковым несчастным страдальцам предложил им пригласительный лист для записи своих добровольных подаяний, по которому собранные деньги в количестве 21 руб.»⁹. Таким образом, широкому кругу населения Поволжья, как грамотному, так и неграмотному, становилось известно о событиях на Балканах.

А в февральском номере «Самарских епархиальных ведомостей» за 1876 год помещено отношение Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета от 31 октября 1875 г. следующего содержания: «... Всей читающей России известно воззвание митрополита Сербского. Председательствуя в международном комитете для помощи бедствующим христианам Боснии, Герцеговины и Старой Сербии, Архипастырь сербский выражает уверенность, [что] ... Славянский комитет заслуживал бы немедленного закрытия, если бы не принял к сердцу как невыносимых страданий наших славянских братьев в Турции, так и того нравственного унижения, до какого ниспало бы русское общество, не отозвавшись на зов их о помощи с усердием, достойным православной России»¹⁰. В Московский славянский комитет направил 80 рублей серебром священник самарского села Тимашево А.Цветков, организовав среди прихожан сбор пожертвований «в пользу страдальцев» – славян Балканского полуострова. Прихожане, услышав про страшные истязания, совершаемые турками над единоверными и

единокровными братьями-славянами, тотчас же решили сделать добровольный сбор по всему приходу. Жертвовал всякий кто чем мог, кто деньгами, кто холстом, кто хлебом, а кто какими-либо вещами¹¹. Прихожане Саратовской губернии к июлю 1876 года пожертвовали в Саратовскую консисторию более пяти тысяч рублей¹².

В дни Апрельского восстания в Болгарии в 1876 г. по инициативе видного самарского общественного деятеля П.В. Алабина приступили к изготовлению легендарного боевого Самарского знамени. Художественное шитье знамени было выполнено трудом искусных вышивальщиц-монахинь Самарского Иверского женского монастыря. В дальнейшем Самарское знамя приобретет неувядаемую славу, под ним вместе с русскими воинами сражались болгарские ополченцы в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Самарское знамя и поныне является одной из главных святынь болгарского народа¹³.

Наблюдая и предвидя, что в решении славянского вопроса церковь будет играть важную и возрастающую роль, Александр II в августе 1876 г. в обращении обер-прокурору Синода Д.А. Толстому предупреждал: «чтобы духовенство, касаясь этого важного в политическом отношении предмета, соблюдало надлежащую, свойственную духовному сану умеренность и воздержанность от произнесения возбуждающих и неосмотрительных речей»¹⁴.

С началом сербско-черногорско-турецкой войны в 1876 г. добровольцы со всех уголков России стали направляться на Балканы в Сербию для поступления в ряды сербской Тимокско-Моравской армии под командованием отставного русского генерала М.Г. Черняева (всего из губерний Поволжья на Балканах находилось около 400 волонтеров)¹⁵. Духовенство также влилось в ряды добровольцев. Так, известен священник Горизонтов из Саратовской губернии, принявший на себя обязанность служения в походной церкви при Джуниесской позиции¹⁶.

В сентябре 1876 г. из Казани и Самары при отправке первых партий волонтеров

в Сербию были проведены многолюдные торжественные молебны, санкционированные местными епископами. Обращаясь к саратовским добровольцам, епископ Тихон эмоционально описывал то, что происходит в Сербии, где «не только идет кровопролитная война между турками и славянами, но и совершается неслыханная до селе поголовная резня безоружных славян войсками злочестивых агарян». Он призывал «Христолюбивых добровольцев» как можно быстрее влиться в ряды сербских воинов, чтобы «вместе с ними ратовать за их жизнь, за их честь, за их свободу»¹⁷. Религиозные мотивы явственно присутствовали при проводах самарских добровольцев. Это нашло отражение и в самарской прессе: они «идут... в убеждении, что смерть на земле, облитой христианской кровью, будет угодна Богу, идут потому, что видения во сне указывают им путь в Сербию... Эти матери, жертвующие детей, эти просители смерти за веру, не знамение ли, говорящее, какой вопрос для России разрешается на Балканах. Какая грозная и сознающая себя сила рвется туда разрубить мечом цепи рабства.»¹⁸.

Успешно начав войну с Турцией, плохо вооруженные и плохо обученные сербские войска стали терпеть поражения. Сербь вынуждены были пойти на переговоры. Мирный договор Сербии с Турцией был подписан 16 февраля 1877 г. на условиях сохранения довоенного status quo Сербии. Сербский митрополит Михаил следующими словами охарактеризовал помощь со стороны России: «Ныне, когда ангел мира спускается на нашу орошенную кровью благодатную отчизну, первое чувство, рождающееся в груди каждого из нас - есть чувство глубокой благодарности к нашим русским братьям за оказанную нам истинно братскую помощь в то тяжкое время, которое пережил наш народ»¹⁹.

Фактор единства вероисповедания во многом являлся определяющим в деле помощи балканским славянам, и церковь, понимая это, внушала эту мысль прихожанам. Характеризуя умонастроения в верхневолж-

ской Твери, один из местных корреспондентов указывал в письме к секретарю Московского славянского комитета, выпускнику Тверской гимназии Н.А. Попову: «В настоящее время наше сочувствие основывается не на родстве с южными славянами, а на чувстве гуманности – в более образованной среде, с примесью сознания единства веры в простом народе»²⁰. Самое живое участие в судьбах балканских славян принимало податное население – крестьяне. Движение помощи носило демократический характер, это было сочувствие бедняка, который сам познал невзгоды и лишения. Во многом из крестьянских трудовых копеек складывались те большие суммы, которые пересылались славянскими комитетами на Балканы. Надо сказать, что крестьянство либо ничего, либо мало что знало о балканской политике правящих кругов России, также он было слабо знакомо со взглядами просвещенной российской общественности. И здесь именно церковь сыграла свою положительную роль, информируя во время проповедей прихожан о невзгодах балканских славян, о зверствах турок и призывая прихожан к пожертвованиям в пользу славян. Религиозный фактор, единство религии играли особую роль именно среди крестьянского люда. Так, путешествующий летом 1876 г. по Волге старший брат знаменитого театрального режиссера поэт, писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко в очерке «Славянское дело и русская глушь» описывает, как на одной из волжских пристаней проходил сбор пожертвований в пользу славян: «Братцы, за убиенных братьев во Христе!.. Православные, на помощь ...толпа отхлынула на пароход и выждала, пока с тарелочкой не обошли каждого из них. Ни одна рука не оказалась оскудевшей, медные пятаки, копейки валились туда, все это потом добытое на страдной летней работе!»²¹.

Хотя справедливости ради скажем, что существовали и иные, нелицеприятные оценки роли церкви. Так, некоторые представители печати выражали весьма скептическое мнение по поводу участия

церкви в освободительном движении балканских славян. На страницах журнала «Дело» за август 1876 г. внутренний обозреватель, подписавшийся криптонимом С.Ш., замечает: «наши монастыри из своих громадных богатств могли бы жертвовать, по крайней мере миллион, но они не дают ничего, в то время, когда жертвует немецкое духовенство и даже евреи»²². В.И. Немирович-Данченко приводит пример недовольства народа поведением некоторых священнослужителей.

« - Какой ты иерей, - приставал к попу один старик при мне. – В церкви народ на братий своих хотел собрать да за убиенных панихиду сослужить, а ты что - храм Божией запер, да и был таков.

- Нам от епархиального начальства не указано.

- Эх ты, а за свадьбы четвертные брать указано?»²³.

Кроме кружечных пожертвований со стороны прихожан многие служители духовных учебных заведений принимали решения перечислять в пользу славян 1% от своего месячного жалованья²⁴. Съезды духовенства принимали решения о сборе пожертвований во имя «...братской любви и сострадания к единоверным и единоплеменным братьям». Так, съезд духовенства 2-го благочинного округа Бугурусланского уезда Самарской епархии передал в августе 1876 г. в Московский славянский комитет 110 рублей на нужды южных славян²⁵. Все-го через Самарскую духовную консисторию в течение 1876 г. в Московский славянский комитет для переправки черногорскому митрополиту Иллариону было отправлено 21 717 руб. 53 коп., в пользу славян 21 719 руб. 77 ½ коп., в Санкт-Петербургский отдел славянского комитета 2102 руб. 33 коп.²⁶ В свою очередь в соседней Симбирской губернии консистория переправила в Москву к январю 1876 г. более 4 000 рублей²⁷. Подобных примеров помощи по губерниям Поволжья было немало.

Волна всеобщего народного воодушевления поднялась после объявления ма-

нифеста Александра II о войне с турками в апреле 1877 г. Суммы пожертвований, собранных в различных церковных приходах России для армии, были значительны: в 1877 г. – 600000 руб., а в 1878 г. – 120000 руб.²⁸

Следует заметить, что доминирующая идея русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – борьба за освобождение угнетенных православных народов Османской империи, соответствовала не только идеям Русской Православной Церкви, но и воззваниям Славянских комитетов, которые во многом стали посредниками между церковными приходами и государственной властью. Синод не имел возможности сам отправлять пожертвования на Балканы, и эта миссия, как уже отмечалось ранее, возлагалась на Славянские комитеты. Известный русский религиозный философ, историк, публицист, один из лидеров славянофильства А.С. Хомяков призывал славянские народы свергнуть вековое иго и с честью занять свое место среди прочих народов:

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг другу в объятья,
Скорей за отцовский булат.²⁹

Неоценимую помощь русской армии оказало духовенство поволжских губерний в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. по организации госпиталей, подвижных лазаретов и подготовке младшего медицинского персонала. Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах направляло во все епархии прошения принять деятельное участие в организации медицинской помощи. Так, в Саратове при конторе Архиерейского дома была устроена больница для 5 выздоравливающих больных³⁰. Начальница Балашовской женской общины обратилась к саратовскому губернатору М.Н. Галкину-Врасскому с заявлением о желании общины взять на воспитание десять девочек-сирот погибших воинов в возрасте 6-7 лет, где они будут обучаться «чтению, письму, закону Божию, рукоделию и вообще домашнему хозяйству»³¹. Многие священнослужители отправились на театр

военных действий как штатные священники при госпиталях или дивизиях, причем им полагались выплаты из средств местных управлений Общества попечения о раненых и больных воинах 300 руб. подъемных и 200 руб. ежемесячного жалованья³². Проводы воинских частей из Поволжья всегда сопровождались торжественным молебном и напутственным словом. Так было и в Нижнем Новгороде в первых числах мая 1877 г., когда на Балканы в действующую армию отправлялась 3-я пехотная дивизия. Начальник дивизии генерал-лейтенант Павел Петрович Карцов, чье имя стоит в одном ряду с именами М.Д. Скобелева и И.В. Гурко, человек далеко не сентиментальный, вспоминая эти проводы, замечал: «Самым потрясающим моментом было то, что когда преосвященный Иоаникий обратился ко мне, коленопреклоненному перед ним, с напутственным словом, исполненным сердечного к войскам сочувствия и надежд, возлагаемых на нас царем и родиной. В эту минуту, когда он благословлял меня иконою Богородицы, я случайно увидел, тоже стоящими на коленях, жену и детей моих. Представляю каждому судить, что в эту минуту происходило в душе моей. Она была проникнута святостью совершавшегося и каким-то необъяснимым ощущением, но в ней не было ни борьбы, ни страха. Такие минуты не поддаются никакому описанию, они только глубоко чувствуются и никогда не забываются»³³.

Русская Православная Церковь не осталась в войну в стороне от дела благотворительности. Она стала деятельно помогать раненым и больным воинам. Так, Казанская епархия одна из первых в Поволжье стала повсеместно собирать пожертвования на санитарные нужды действующей армии. В «Известиях по Казанской епархии» было размещено объявление с призывом к сильным пожертвованиям. Оно содержало следующие строки: «Если страдают наши святые воины, если только раненые, но пощаженные смертью, преждевременно умирают от недостатка удобных перевязочных

средств, кто виноват в том, кто ответствен? Мы все, частные люди, мы, Русское общество!»³⁴. В итоге епархией на ноябрь 1878 года была собрана денежная сумма в 5 130 руб. 66½ коп.³⁵ Всего же в Поволжье к концу войны «на санитарные нужды армии» различного рода пожертвований, включая сюда и церковные, было собрано более одного миллиона рублей, в том числе в Саратовской губернии 325 тыс. рублей³⁶.

Некоторые священнослужители уже как частные лица оказывали помощь раненым и больным воинам. Так, священник Крестовоздвиженской церкви г. Чебоксары Василий Владимирский обратился в Чебоксарскую городскую управу с предложением принять у себя в доме раненых, следовавших через Чебоксары³⁷.

С началом войны активизировались и собственно церковные пожертвования: так, в Казанской губернии духовенство направило в местное Общество Красного Креста на середину октября 1877 г. 4176 руб. 23 ½ коп.³⁸, к концу 1878 г. эта сумма увеличилась до 5130 руб. 66 ½ коп.³⁹ Старообрядческие общины также активно участвовали в сборе денежных средств на нужды армии. Так, проживавшие в г. Астрахань старообрядцы пожертвовали 1993 руб. по случаю войны с Турцией⁴⁰.

Следует сказать, что не только православные, но и представители иных конфессий не остались безучастными к военным событиям на Балканах. Так, астраханскими калмыками-буддистами были сделаны материальные и денежные пожертвования. После объявления войны с Турцией в апреле 1877 г. ламой Самтановым было передано 220 рублей 80 копеек астраханскому местному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах от калмыков, населяющих Астраханскую губернию. Также ими на нужды армии было добровольно поставлено 279 лошадей и 2555 голов рогатого скота⁴¹. Следует также сказать, что астраханские калмыки в Адресе к Александру II в ходе русско-турецкой войны высказывали «горячее желание быть участни-

ками на поле брани в рядах армии вашего величества за освобождение угнетенных христиан»⁴².

Подводя итоги, отметим, что единство веры во многом предопределило широкое участие самых широких слоев населения России, в том числе волжан, в национально-освободительном движении балканских славян. Русская Православная Церковь, действуя в тесном взаимодействии с государственными структурами, Славянскими комитетами, сыграла важную консолидирующую роль в деле борьбы южных славян за национальное освобождение на протяжении всего периода Восточного кризиса 1875-1878 гг.

Впоследствии духовенство балканских народов высоко оценило роль Русской Православной Церкви в освободительном движении южных славян в 1870-е гг. Так, болгарский экзарх Стефан в 1948 г. отмечал, что «если бы не ее [Церкви. – Примеч. авт.] вдохновенные призывы к русским правителям и русским людям, может быть, и доныне румыны, греки, сербы и болгары страдали под турецким игом»⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записка о поездке сараевского архимандрита С. Косановича в Поволжье в 1873 г. для сбора пожертвований в пользу православных школ и церквей Боснии // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875-1878 гг.: Сборник документов и материалов / Составители: Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, А.Н. Сквозников. Самара, 2009. С. 14-16.

² Там же. С. 14. Прим. 1.

³ *Скупат К.Е.* Русская православная церковь в освобождении балканских народов от ига Османской империи // Богословские труды, Московская патриархия. Сборник 28. М., 1987. С. 134.

⁴ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док. 17. С. 28-29.

⁵ См. об этом: Там же. Док. 16. С. 28; Док. 17. С. 28-29; Док. 19. С. 30-31.

⁶ См. об этом: Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док. 4,5. С. 18-20; *Аншаков Ю.П.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян в пери-

- од Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Русија и Србија на прелому века. Српске теме Андреја Шемјакина. Београд, 2020. С.132-133.
- ⁷ Самарские епархиальные ведомости. 1875. Самара, 1875. С. 522.
- ⁸ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док.10 С. 24.
- ⁹ Там же. Док.16. С.28.
- ¹⁰ Самарские епархиальные ведомости. 1876. 1 февраля.
- ¹¹ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док.47. С.57; *Аншаков Ю.П.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян... С. 134.
- ¹² Саратовские губернские ведомости, 1876, 16 ноября.
- ¹³ См. подробнее о Самарском знамени: *Аншаков Ю.П.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян... С. 135-136, 145-148.
- ¹⁴ *Гусев А.Д.* Совершенное и ожидаемое. (По поводу отставки гр. Д.А. Толстого). СПб., 1880. С. 24; См.: *Яковлев О.А.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и русское общество: дисс.... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 170.
- ¹⁵ О волонтерском движении в Сербию из Поволжья см.: *Шепелева А.Ю.* Добровольческое движение из поволжских губерний в Сербию в сербско-черногорско-турецкую войну 1876 г. // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2011. Т.13. №3(2). С.370-373; *Аншаков Ю.П.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян... С. 137-142.
- ¹⁶ Письмо главнокомандующего Сербской армией М.Г. Черняева к саратовскому епископу Тихону о военных действиях в Сербии. 11 октября 1876 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение ... С. 128.
- ¹⁷ Там же. Док.109. С.107.
- ¹⁸ *Аншаков Ю.П.* Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян... С. 137.
- ¹⁹ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док.166. С.159.
- ²⁰ *Воробьева И.Г.* Тверь и освобождение Болгарии в 1877-1878 гг. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М., 2006. С. 117.
- ²¹ *Немирович-Данченко В.И.* По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). М., 2008. С. 188.
- ²² *С.Ш.* На страждущих славян! // Дело. 1876. № 8. С.305.
- ²³ *Немирович-Данченко В.И.* По Волге... С. 193.
- ²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 291. Л. 61.
- ²⁵ Письмо благочинного священника Бугурусланского округа А. Цветкова в Московский славянский комитет о сборе пожертвований в пользу славян духовенством округа. Не ранее 28 августа 1876 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение ... Док.79. С. 81.
- ²⁶ Самарские епархиальные ведомости. 1877. 15 января.
- ²⁷ *Григорьев И.М.* Участие народов Среднего Поволжья в национально-освободительной борьбе южных славян в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Куйбышев, 1978. С. 36-37.
- ²⁸ См.: *Яковлев О.А.* Русско-турецкая война 1877-1878 гг... С. 172.
- ²⁹ *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. - Л., 1969. С. 133-134.
- ³⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 12 Д. 7. Л. 47.
- ³¹ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... Док.226. С.207-208.
- ³² *Сумина Е.В.* Общественное движение в России в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 173.
- ³³ *Карцов П.П.* Из прошлого. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. Часть вторая. 1876-1878 год. СПб., 1888. С.557.
- ³⁴ Объявление «Известий по Казанской епархии» с приглашением к добровольным пожертвованиям в пользу раненых и больных воинов. 15 октября 1877 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение С. 206.
- ³⁵ Казанские губернские ведомости.1878. 18 ноября.
- ³⁶ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение... С.10.
- ³⁷ Письмо священника Крестовоздвиженской церкви г. Чебоксары В. Владимирского в Чебоксарскую городскую управу о намерении принимать в своем доме раненых и больных воинов. 5 декабря 1877 г. // Чувашия в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (документы и материалы). Чебоксары, 2004. С. 41.
- ³⁸ Сообщение «Известий по Казанской епархии» о пожертвовании монастырями, церквями и духовенством епархии денег на санитарные нужды действующей армии. 15 октября 1877 г. // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение ... С. 207.
- ³⁹ Казанские губернские ведомости. 1878. № 85.
- ⁴⁰ Астраханские губернские ведомости. 1878. № 24.
- ⁴¹ Астраханские губернские ведомости. 1877. № 31.
- ⁴² Адрес калмыков Хошоутовского улуса Астраханской губернии к императору Александру II о желании принять участие в войне с Турцией. 10 сентября 1877 г. // Народы Поволжья и борь-

ба южных славян за национальное освобождение ... С. 201.

⁴³ Празднование 500-летия автокефалии Русской

Православной Церкви // URL: <http://archive.vestnik.ru/page/index/1948sn448.html> (дата обращения 14.06.2021).

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH I
N THE LIBERATION STRUGGLE OF THE SOUTH SLAVS IN 1875-1878
(BASED ON MATERIALS FROM THE VOLGA REGION)**

© 2021 Yu.P. Anshakov, A.Yu. Shepeleva, M.V. Tolkachev

Samara Federal Research Center of the RAS

The article is devoted to a complex of problems associated with the participation of the Russian Orthodox church in organizing of assistance to the liberation struggle of the South Slavs during the Balkan crisis of 1875-1878. The authors analyze various aspects of the assistance of the Russian Orthodox church to the South Slavs.

Keywords: Russian Orthodox church, liberation struggle of the South Slavs, Balkans, Volga region, donations, Slavs committees

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-25-33

Yuri Anshakov, Doctor of History, Professor, Chief of the Department of History and Archaeology, Samara Federal Research Center of the RAS.

E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

Anastasia Shepeleva, Candidate of History, Chief Specialist, Department of Work with Archival Documents, Samara Regional State Archive of Social and Political History.

Mikhail Tolkachev, Candidate of History, Senior Researcher, Department of History and Archaeology, Samara Federal Research Center of the RAS.

E-mail: hermest85@mail.ru

УДК 930+910.3

ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.

© 2021 О.Б. Леонтьева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

Формирование образа Волги в русской культуре пореформенного периода было связано с поисками сценария национальной идентичности: ценностей, образов, «мест памяти», которые могли сплотить нацию, создать ощущение живой связи времен и пространств. Свой вклад в решение этой задачи вносили не только литература и искусство, но также историческая и географическая науки: труды ученых предназначались для широкого круга читателей, характеризовались образностью изложения; представителей обеих научных дисциплин интересовала значимость пространства для человека. В научном дискурсе доминировал образ Волги и Поволжья как колонизируемого пространства, изначально «чужого», которое постепенно становится «своим». Труды историков и географов сыграли важную роль в становлении «волжского текста» русской культуры, сохранившего свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: образы пространства, историческая география, Волга, Поволжье, колонизация, национальная идентичность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-34-42

Едва ли найдется в России другая река, которая окружена таким ореолом сакральности, как Волга. Еще в начале XX в. над истоком Волги в Тверской губернии стояла маленькая деревянная часовня с образом Спасителя¹. Часовня была сожжена немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны, но затем восстановлена; в конце советской эпохи рядом с ней был поставлен памятный камень с надписью: «Путник! Обрати взор свой на Волги исток! Здесь зарождается чистота и величие земли русской. Здесь истоки души народной. Храни их. Камень сей заложен 22 июня 1989 года живущим и будущим детям России. Оглянись уходя»². Волга воспринимается как символ России, русской души, русского характера и часто наделяется именем «матушка».

Однако каким бы вечным и неизменным ни казался образ Волги в русской культуре, географические образы, как и любые

другие, непостоянны по своей природе. Основоположник российской гуманитарной географии Д.Н. Замятин подчеркивает, что образы пространства в культуре всегда аккумулируют в себе человеческий опыт, социальную практику; «посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации..., но и в экзистенциальном, феноменологическом плане»³. Поэтому образы пространства изменяются вместе с породившей их культурой, приобретают с ходом времени новые оттенки или изменяют свое смысловое наполнение; реконструкция логики этих перемен может дать ключ к пониманию хода развития культуры.

В настоящей статье ставится цель исследовать образ Волги, сложившийся в русской культуре второй половины XIX - начала XX в. Для страны, где недавно было отменено крепостное право и которая быстро шла по пути модернизации, важной

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории.
E-mail: oleontieva@yandex.ru

задачей был поиск сценария национальной идентичности – таких ценностей, образов, «мест памяти», которые могли бы сплотить нацию, создать ощущение живой связи времен и пространств. Свой вклад в решение этой задачи вносили литература, искусство, публицистика, а также науки – прежде всего историческая и географическая, поскольку именно они закладывают в сознание людей определенные представления об «общем прошлом» и «общем пространстве». Научные труды в тот период зачастую выполняли просветительскую миссию и предназначались не только для узкого круга коллег, но и для «любопытного читателя»; их текстам были присущи образность, метафоричность, запоминающиеся характеристики.

Образ Волги в русской пореформенной культуре многогранен, зачастую амбивалентен. Камертон звучанию волжской темы в искусстве задал Н.А. Некрасов, в поэзии которого Волга предстает и «колыбелью», любимым привольным краем – и «рекою рабства и тоски» («Волга! Волга!.. Весной многоводной / Ты не так заливаешь поля, / Как великою скорбью народной / Переполнилась наша земля...»⁴). Лирические образы Волги нашли визуальное воплощение в полотнах Ф.А. Васильева и И.И. Левитана, тема угнетенной силы русского народа – в «Бурлаках на Волге» И.Е. Репина. Бунташное, разбойничье прошлое Волги отразилось в исторической живописи, песнях и романах; первый художественный фильм, снятый в начале XX века в России, «Понизовая вольница», был посвящен Степану Разину. Образы пореформенного Поволжья – купеческого, быстро богатящего – запечатлены в драматургии А.Н. Островского, в прозе П.И. Мельникова-Печерского, А.М. Горького. В научном же дискурсе того времени доминировал образ Волги и Поволжья как колонизируемого пространства.

Оптика видения русской истории в науке второй половины XIX в. была задана С.М. Соловьевым, сформулировавшим знаменитое: «История России есть история

страны, которая колонизируется»⁵. В многолетней «Истории России с древнейших времен», характеризуя значение природы страны для ее истории, он связал коренной поворот русской истории XIII-XIV вв. с перемещением центра государственности из одного речного бассейна в другой: «Как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все»⁶. Концепцию Соловьева развил его ученик В.О. Ключевский, считавший колонизацию страны «основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁷. Ход колонизации, по мнению Ключевского, во многом определяли реки: «центр государственной территории определился верховьями рек, окружность – их устьями, дальнейшее расселение – направлением речных бассейнов»⁸. Подход к русской истории как к истории колонизации унаследовало и следующее поколение историков: М.К. Любавский, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов и другие; это дало импульс формированию новой научной дисциплины – исторической географии.

Историческая и географическая науки в пореформенной России сближались друг с другом благодаря тому, что представителей обеих научных дисциплин интересовала значимость того или иного пространства для человека, взаимодействие человека и окружающей среды. Вопрос о значении рек в истории со сходных позиций разрабатывали географ Л.И. Мечников и историк В.О. Ключевский. Л.И. Мечников в труде «Цивилизация и великие исторические реки» доказывал, что реки служат «двигательной силой» культурно-исторического развития, «чернорабочими культурами»: «река-кормилица внушает населению солидарность и стремление объединять

свои силы», «присуждает каждого члена общества к исполнению части общественной работы, полезность которой познается впоследствии»⁹. В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» писал, что русская река – «неизменная соседка» и кормилица русского человека, удобная летняя и зимняя дорога, указатель пути при переселении – «приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности... воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества»¹⁰. Этот общий подход определил направление историко-географического изучения Волги и прилегающего к ней региона – Поволжья.

Так, профессор Казанского, а затем Московского университета С.В. Ешевский трактовал историю заселения Северо-Восточного края Европейской России – земель по Верхней Волге и Каме – как важную страницу истории русского народа, становления его современного облика и национального характера. Излагая ход колонизации русскими переселенцами Верхне-Волжского края с XII по XVIII в., С.В. Ешевский последовательно проводил несколько концептуально-идеологических мотивов: он трактовал колонизацию как победу европейской цивилизации (носителями которой в крае являлись русские) над Востоком; подчеркивал вольный, стихийный характер колонизации края, что свидетельствовало, по мнению ученого, о предприимчивости и энергии русских крестьян-колонистов; наконец, акцентировал внимание на этнографических аспектах колонизации – смешении славянских переселенцев с местным «финским» (в современной терминологии – финно-угорским) населением. Ученый указывал, что «русское племя», вбивавшее в себя по ходу колонизации самые разнообразные этнические «элементы», представляет собой «следствие соединения различных народностей», в чем и заключается залог его исторической силы¹¹.

Истории колонизации Среднего и Нижнего Поволжья была посвящена двухтомная работа ученика С.М. Соловьева, Г.И. Перетятковича¹² – первый фундаментальный труд по данной проблеме, многие выводы и положения которого не устарели и в наши дни. Волга представала у Перетятковича как место исторической встречи Европы и Азии: издавна по ней шли «сношения между азиатским востоком и северо-западною Европою», а в низовьях Волги, через «Великие ворота» между Уральским хребтом и Каспийским морем, «проходила большая часть племен из Азии, колыбели народов, в Европу», что сделало Поволжье местом смешения разнообразных народов и заставляло самые разные государства стремиться к господству на волжских берегах¹³. Значительное внимание Перетяткович уделил географической характеристике Волги, подчеркивая, что особенности течения реки, строения ее берегов, природные условия территорий, по которым она протекает, сыграли ключевую роль в истории Поволжья. Медленное течение и отсутствие порогов делают Волгу удобным судоходным путем; разнообразие природных условий «стран», где протекает ее русло (бедные глинисто-песчаные почвы Верхней Волги, «богатая черноземная страна» между реками Камой и Самарой, «песчаные и негостеприимные степи» ниже по течению), определило сравнительную привлекательность этих земель для переселенцев; наконец, контраст между правым (возвышенным и утесистым, «горным») и левым (низменным, «луговым») берегом обусловил разные исторические судьбы двух берегов: горную сторону легче было заселять, застраивать и защищать под прикрытием укреплений¹⁴.

Русская колонизация Поволжья на страницах труда Перетятковича трактовалась как естественная и стихийная по своему характеру. Он доказывал, что заселение Поволжья славянскими «племенами» началось еще в долетописные времена; движение русского народа в Поволжье было «прервано и надолго остановлено татарским наше-

ствием», но возобновилось в XV-XVI вв. – а значит, веками продолжавшееся движение не зависело ни от «произвола власти», ни от «особенностей характера той или другой из действовавших личностей»¹⁵. Стремясь закрепиться на берегах Волги, Московская власть «подчинялась тем же мотивам, которые жили в это время и в отдельных личностях»; стремления государства совпадали с движением народа на плодородные средне-волжские земли, «удобные для земледелия, скотоводства и торговли»¹⁶. Колонизацию Перетяткович рассматривал как много-этапный процесс: завоевание Казанского и Астраханского царств в середине XVI в., подчеркивал историк, стало его кульминацией, но далеко не последним этапом. За покорением Поволжья следовало его «умиротворение» (подавление восстаний местного населения, борьба с «воровскими шайками»); заселение – строительство укреплений и поселений, распашка земель, переход местного населения к оседлости; наконец, «водворение здесь русской культуры» – миссионерская и просветительская деятельность, результатом которой в перспективе, по мнению ученого, должно стать «обрусение» местного населения. Многовековая колонизация Поволжья, по мнению Перетятковича, была далека от завершения даже ко времени написания его труда.

Главным деятелем, ключевой фигурой колонизационного процесса для Перетятковича был русский крестьянин. История колонизации Поволжья, с его точки зрения, свидетельствовала «о культурных способностях славян вообще и русского народа в частности» – «о смелости русского человека при заселении пустынной страны, подвергавшейся беспрестанным нападениям кочевников, о способности его найтись при новых и незнакомых ему условиях жизни», о его «энергии и предприимчивости»¹⁷. Решающую роль в освоении волжского края, по мнению исследователя, сыграла крестьянская община: она проявляла «энергию и самостоятельность» в деле окультуривания земли, принимала и поддерживала новых

поселенцев, да и само переселение на новые места, как правило, совершалось не в одиночку, а «в сообществе с земляками и односельцами»¹⁸. Наконец, заселение новых земель облегчала «мягкость славян и совершенное отсутствие у этих последних нетерпимости к другим племенам»: Перетяткович подчеркивал, что в распашке волжских земель вместе с русскими участвовали чуваша и мордва, а жителями новых селений под защитой укрепленных «черт» могли стать люди самого разного происхождения – служилые татары, «литвины», «немчины» и другие¹⁹. В целом исторические симпатии Перетятковича принадлежали «людям труда и порядка», «трудолюбивым земледельцам и предприимчивым промышленникам»²⁰; напротив, с явным осуждением он писал о понизовой казачьей вольнице – как о «людях, которые были не прочь пожить на счет трудового населения, пользуясь и зажиточностью предприимчивого купца, и скромным достатком трудящегося земледельца»²¹.

Здесь прослеживается полемика автора с видными историками и писателями пореформенного периода – Н.И. Костомаровым и Д.Л. Мордовцевым, чьи труды обычно относят к демократическому направлению российской историографии. Обращаясь к сюжетам из истории Понизового (в современной терминологии – Среднего и Нижнего) Поволжья, они прежде всего интересовались судьбой вольного казачества, которое столь часто становилось горячим материалом для народных восстаний и из-за которого «спокойно не проходило Волгою ни одно судно»²². Оба историка акцентировали внимание на социальной природе разбоев и восстаний как «результата ненормального состояния всего тогдашнего... государственного строя», закономерного ответа населения на «тягости, налагаемые правительством» и «произвол всякого рода начальствующих и обирающих народ лиц»²³. Оба указывали, что вольное казачество на Волге, как и в других местах, сложилось за счет беглых, которые не смогли «до-

лее выносить своего тяжкого положения» и стремились найти «обетованную землю, где труд не тяжок и не неблагоприятен, где человеку живется легко и свободно»²⁴. Костомаров особо подчеркивал, что «понизовой вольнице» удалось – пускай ненадолго – создать альтернативный социальный порядок, «при котором не было ни тягла, ни обременительных поборов, ни ненавистных воевод и дьяков, где все считались равными, где власти были выборные»; это и обеспечивало восстаниям быстрый успех на первых этапах – для посадских людей, мужиков, черни и бедноты «казацкая вольность представлялась... самым желанным образцом общественного строя»²⁵.

Именно поэтому, как доказывали Костомаров и Мордовцев, «казаки-разбойники» оставили на волжских берегах столь прочный след в исторической памяти, «много песен, которые и теперь не забываются народом»²⁶: «Их деяния воспевались в песнях; к ним относятся разнообразные предания; их образ в народном воображении сохраняется с марами (курганами) и городищами, усевающими приволжские степи... Народ сочувствовал удалым молодцам, хотя часто терпел от них; самые поэтические великорусские песни – те, где воспеваются их подвиги»²⁷. Образ исторического прошлого Волги на страницах произведений Костомарова и Мордовцева был связан с народными представлениями о «вольной воле»; Волга представляла как арена столкновений самодержавного государства с «вольницей», а современное историкам Поволжье – как территория «протестной памяти».

Если историки в своих трудах создавали выразительные образы географического пространства, то работы географов, в свою очередь, зачастую содержали информацию по историческому прошлому тех или иных регионов и были насыщены реминисценциями исторических трудов. Яркий пример тому – многотомное иллюстрированное издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей», вы-

шедшее на рубеже XIX-XX вв. под руководством вице-председателя Императорского Русского Географического общества (ИРГО) П.П. Семенова-Тян-Шанского и председателя Отделения этнографии ИРГО академика В.П. Ламанского. Подготовка этого издания стала продолжением других масштабных проектов, осуществленных Семеновым-Тян-Шанским под эгидой ИРГО: в 1860-1880-е гг. под его руководством вышел в свет пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи», а в 1880-е гг. – 12-томное иллюстрированное издание «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и бытовом значении».

В предисловии к первому тому «Полного географического описания нашего Отечества» редактор В.П. Семенов (сын и продолжатель дела П.П. Семенова-Тян-Шанского) так объяснял задачи труда: свести географические сведения, «разбросанные в малодоступных изданиях», «в одну общую картину»; подготовить о каждой «части России» книгу, которая была бы «строго научной» и в то же время «общедоступно изложенной и недорогой», и тем самым дать возможность «любопытным людям» «познакомиться с той или другой частью России не по одним только сухим данным учебника или путеводителя, а по более живому изложению, помогающему легче вдуматься в современное состояние и культурное значение того или другого уголка в общей массе нашего государства»²⁸. Каждый том содержал информацию о природе региона, его населении (с обязательным разделом «Исторические судьбы области») и о «замечательных местах и местностях». Географические, этнографические и исторические сведения сплетались воедино, чтобы создать в восприятии читателя запоминающиеся образы регионов империи.

Информация о Волге и Поволжье в «Полном географическом описании нашего Отечества» была представлена в двух томах: томе первом «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье» (здесь, в част-

ности, рассматривались Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии), и томе шестом «Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье», посвященном Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниям. Образы этих обширных регионов контрастировали друг с другом. Верхнее Поволжье вместе с Московской промышленной областью характеризовалось как «сердце России», Среднее и Нижнее Поволжье – как колонизируемая территория (и при этом – как «пример самой блестящей и прочной из русских колонизаций»); Верхнее Поволжье – как быстро развивающийся промышленный регион, Среднее и Нижнее – как край земледельческий и промысловый (главным промыслом был, конечно, рыболовный)²⁹. Указывалось, что в Верхнем Поволжье доминирует великорусская народность, а Среднее и Нижнее Поволжье представляет «такую пеструю этнографическую смесь, какую едва ли можно встретить в какой-либо другой области Европейской России»³⁰.

Характеристики столь разных регионов связывал воедино образ Волги – «главной водной артерии края», «великого транспортного пути, ключа всей восточной торговли»³¹. В исторических очерках, включенных в издание, подчеркивалось, что именно обладание Волгой превратило Московское государство в могущественную державу³². Значение Волги для внутренней и внешней торговли, как показывали авторы, еще более возросло со строительством железных дорог, когда к крупным торгово-промышленным пунктам, «нанизавшимся как бусы на нити по течению Волги», подошли с запада «железные пути», и Волга стала играть роль «громздного товарного собирателя для упирающихся в нее ветвей русской железнодорожной сети»³³.

Центральной темой исторических очерков о Верхнем, Среднем и Нижнем Поволжье в «Полном географическом описании нашего Отечества» была история колонизации и связанная с ней проблема исторического становления русской (в терминологии того

времени – великорусской) народности³⁴. В трактовке этих тем заметно влияние исторических трудов Соловьева и Ключевского, Ешевского и Перетятковича, Костомарова и Мордовцева. Верхнее Поволжье характеризовалось как территория, где в результате смешения пришлого славянского и коренного «финского» населения выработался «стойкий даровитый тип московского великорусса» («Если справедливо, что развитие многосторонних способностей в людях сильно содействует смешению различных племенных стихий, то это как нельзя лучше оправдывается на примере Московской области»)³⁵. Освоение Среднего и Нижнего Поволжья описывалось как долгий поэтапный процесс, включавший в себя «покорение», «умиротворение», «колонизацию», «просвещение и обрусение» края и продолжающийся на момент написания книги³⁶. Подчеркивалось, что в ходе этого процесса облик «великорусского племени» претерпел дальнейшие изменения в силу «этнографического смешения» с местным тюркским и финно-угорским населением; кроме того, в Среднем и Нижнем Поволжье наблюдался «разновременный наплыв переселенцев из разных частей России», причем значительную часть переселенцев составляли рискованные «гулящие люди» – «беглые, не помнящие родства, воровские казаки и понизовая вольница, а также сектанты разного толка» и раскольники. В результате, как считали авторы, в крае, «среди широкого раздолья своеобразно-дикой и богатой природы» (особенно в Заволжье, на левом, более опасном и медленно заселявшемся берегу) сложился особый тип «приволжского великоруса», несколько отличающийся от обитателей «более коренных великорусских областей» – «отважное, смышленное и полное жизни население», в котором «было более сильных характеров, духовных потребностей и колонизаторских способностей»³⁷.

Как можно заключить, во второй половине XIX – начале XX в. историческая и географическая науки сближались друг с другом в стремлении выработать общий подход

к изучению прошлого и настоящего России и ее отдельных регионов. Просветительский характер исторических и историко-географических трудов, образность стиля, живое эмоциональное отношение к «действующим лицам» исторического процесса свидетельствуют, что усилия ученых были направлены не только на решение научных задач, но и на формирование коллективной идентичности своей аудитории: память о прошлом родного края должна была органично сочетаться с представлениями о его месте в судьбе русского народа, с ощущением общности имперского пространства.

Представление о Волге в научном дискурсе пореформенного периода было связано прежде всего с образом пути, движения, соединения противоположностей: маршрута, по которому шла колонизация новых пространств; рубежа, который надо было пересечь, отправляясь с обжитого и защищенного правого берега на малозаселенный и опасный левый; места встречи и смешения славянских, финно-угорских и тюркских народов; наконец, «Великих ворот» между Европой и Азией.

История пространства в научных трудах того периода была неразрывно связана с историей людей. Поволжье представало в научных трудах как изначально «чужая» территория, которая лишь с ходом времени, в результате долгого процесса колонизации становится для русского народа «своей». Создавая выразительные образы-типажи «поволжан» – трудолюбивых земледельцев, предприимчивых промышленников, «понизовой вольницы» – ученые подчеркивали, что колонизация Поволжья изменяла не только облик этого края, но и самого русского человека, формируя такие его качества, как энергия, «самодетельность», предприимчивость. С точки зрения историков и географов, политическое господство на Волге заложило основы могущества России, а колонизация волжских пространств сформировала особый национальный тип русского человека, сложившийся в ходе взаимодействия со многими народами.

Формирование образа Волги в культуре пореформенного периода, на наш взгляд, – пример того, как научные исследования удачно находили свое место в общественно-политическом пространстве и путь к сознанию широкой аудитории. Труды историков и географов второй половины XIX – начала XX в. сыграли видную роль в становлении «волжского текста» русской культуры; на страницах научных исследований получили продолжение и развитие формировавшиеся в художественной культуре образы «бунташного» или купечески-предпринимательского Поволжья, а метафорическое представление о Волге как олицетворении судьбы русского народа приобрело научную убедительность. В народных песнях Волгу называли «матушкой»; в научных трудах аргументированно объясняли, чем она заслужила такое название.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 1: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. СПб.: Изд-е А.Ф. Девриена, 1899. С. 5.

² Ольгинский женский монастырь на истоке Волги. Официальный сайт. Режим доступа: http://olginmonastery.ru/o_monastyire/hramyi_chasovni_pamyatniki.html (дата обращения: 20.08.2021).

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 16.

⁴ Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда // Некрасов Н.А. Полн. собр. сочинений и писем в 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855-1866 гг. Л.: Наука, 1981. С. 49.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. С. 631.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т. 13-

14. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. С. 24.
- ⁷ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. С. 20.
- ⁸ Ключевский В.О. Русская история... Кн.1. С. 50, 52.
- ⁹ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб.: Изд-е редакции журнала «Жизнь», 1898. С. 95, 99-100, 118, 176.
- ¹⁰ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 1. С. 55-56.
- ¹¹ Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 216-218.
- ¹² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М.: Типогр. Грачева И.В., 1877. 331 с.; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г.Ульриха), 1882. iii, 399, ii с.
- ¹³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 25, 27.
- ¹⁴ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 2-23.
- ¹⁵ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 56-57, 232.
- ¹⁶ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 323-324, 327.
- ¹⁷ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 327; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. i-ii, 114.
- ¹⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 52; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 2-3, 40-41, 52, 138.
- ¹⁹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 58; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 105.
- ²⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 326; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 26, 33.
- ²¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 29.
- ²² Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 2. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. С. 15.
- ²³ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. С. 99; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 400.
- ²⁴ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. С. 130; Т. 2. С. 2.
- ²⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 2. С. 401.
- ²⁶ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 2. С. 8-9.
- ²⁷ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. М.: Чарли, 1994. С. 335.
- ²⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. V-VI.
- ²⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. ix, 164; Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: Изд-е А.Ф. Девриена, 1901. С. iii, 202, 231.
- ³⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 94; Т. 6. С. 152-153.
- ³¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 187, 193; Т. 6. С. 124.
- ³² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 77.
- ³³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. iv, 292.
- ³⁴ Очерк об исторических судьбах Московской промышленной области и Верхнего Поволжья был подготовлен А.А. Достоевским и С.А. Адриановым, о Среднем и Нижнем Поволжье – И.Н. Сырневым.
- ³⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. ix, 74, 98.
- ³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 124-125.
- ³⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 153-157, 184-185.

**THE VOLGA WAY IN THE SCHOLARLY DISCOURSE
OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

© 2021 O.B. Leontyeva

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The formation of the image of the Volga in Russian culture in the second half of the 19th – early 20th centuries was associated with the search for a scenario of national identity: such values, images, and “places of memory” that could unite the nation and create a sense of a living connection between times and spaces. Along with literature and art, the historical and geographical sciences contributed to the solution of this problem: scholarly works were designed for a wide range of readers and were characterized by imagery of presentation; historians and geographers were interested in the importance of different territories for humans. The image of the Volga region as a colonized space that was once “alien” but gradually becomes “ours” dominated the scholarly discourse. The works of historians and geographers played an important role in the formation of the “Volga text” in Russian culture, which remains relevant to the present day.

Keywords: images of territories, historical geography, Volga, Volga region, colonization, national identity

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-34-42

**ОРГАНЫ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1918-1921 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

© 2021 Е. В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 08.08.2021

В статье систематизирована сохранившаяся в архивных и опубликованных источниках информация о формировании организационных структур лесной промышленности и лесного хозяйства на примере Пензенской губернии. Прослеживается эволюция формирования на губернском уровне гублескомов, желескомов и расширение круга заготовителей дров за счет допуска к лесозаготовкам воинских частей и промышленных предприятий. Показана дестабилизирующая производственный процесс роль временных чрезвычайных комиссий и уполномоченных в 1920-1921 гг.

Ключевые слова: лесные отделы, гублескомы, желескомы, лесозаготовки.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-43-58

Революция 1917 г., Гражданская война, топливный кризис 1918-1921 гг. вызвали необходимость активного формирования органов управления лесного хозяйства и лесной промышленности. Данный процесс протекал в условиях создания нового госаппарата и поэтому сопровождался постоянными реорганизациями данных структур. В архивных документах информация о деятельности органов управления лесной промышленности и лесного хозяйства приводится без дополнительных комментариев, поскольку современники тех событий писали о хорошо известных им явлениях как о само собой разумеющемся, не требующем дополнительных пояснений. Поэтому исследователю истории данного периода трудно разобраться в хитросплетениях взаимодействия на лесозаготовках часто упоминаемых в докладах и телеграммах 1918-1921 гг. лесотделов, губсовнархозов, гублескомов, желескомов, чувыдров, губмежисполкомтопов. Сведения об организационных структурах лесной промышленности России периода Гражданской войны в науч-

ной исторической литературе приводятся зачастую фрагментарно и бессистемно. В наиболее капитальном историческом труде Д.А. Баевского¹, во многом сохраняющем до сих пор свою научную значимость, одна глава посвящена трудовым мобилизациям, еще одна – борьбе с топливным кризисом, охарактеризована деятельность Главного лесного комитета и проводившего топливную трудовую повинность Главного комитета по труду. Но функционирование местных губернских лесных комитетов (гублескомов) рассмотрено фрагментарно, исключительно на основе газетных сообщений без привлечения архивных материалов, что существенно обедняет исследование. Еще менее подробно рассмотрены лесозаготовки железных дорог и их местных структур – желескомов. Игнорирование региональной специфики – общий недостаток большинства монографий российских ученых, исследующих экономическую историю России и СССР.

История лесной промышленности и лесного хозяйства Среднего Поволжья периода 1917-1930-х гг. изучена слабо и фрагментарно. Современными историками наиболее активно исследуется процесс развития лесопромышленного комплекса СССР в

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvovojkov@yandex.ru

целом, а также Карелии и Урала, начиная с 1930-х-1940-х гг.² В монографии пензенских историков Т.Н. Кузьминой и Н.А. Шарошкина подробно рассмотрен состав отделов и подразделений Пензенского губсовнархоза периода Гражданской войны, в том числе и гублескома³. Но вопросы трансформаций организационных структур лесного хозяйства на уровне отдельных регионов, в частности, Поволжья, пока не нашли должного освещения в научной литературе.

Рассмотренные в статье многообразие лесозаготовительных организаций в 1918-1921 гг. и их постоянные реорганизации могут создать у читателя впечатление хаотического нагромождения фактов. Но завет российского историка Н.М. Карамзина остается в силе: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир»⁴. Не следует забывать, что именно в 1918-1921 гг. были заложены основы политики Советского государства в лесном деле, обусловившие в дальнейшем как значительные достижения, так и серьезные сложности функционирования лесного хозяйства СССР. В рамках данной статьи предпринята попытка на примере одной из губерний Поволжья дать подробный очерк формирования государственных органов, занимающихся охраной, управлением и эксплуатацией лесного фонда России, и обозначить контуры возникших в ходе этого процесса проблем, которые продолжали сохраняться и в последующие годы.

В соответствии с принятым СНК и ВЦИК «Основным законом о лесах» от 27 мая 1918 г. леса РСФСР были объявлены общенародным достоянием, отменялась «всякая собственность на лес». С учетом традиционно неблагоприятного состояния частных-ладельческих лесов в начале XX в., данная мера вполне соответствовала интересам общества и экономики России в целом. Высшим лесным органом становилось Центральное управление лесов (ЦУЛ) республики⁵. В нормативной базе первых послереволюционных лет ЦУЛ именовался также

Центральным лесным отделом (ЦЛО). На местах весной 1918 г. образовались лесные отделы губернских земельных управлений Наркомата земледелия. Следует обратить внимание, что Советская власть начала мероприятия по разработке лесного законодательства и формированию управленческих структур именно с лесоохранных, а не с лесопромышленных органов. «Основной закон о лесах» провозгласил принцип: «Хозяйство во всех лесах... должно проводиться: а) в интересах общего блага; б) на основах планомерного лесовозобновления»⁶. К сожалению, экстремальная обстановка военного времени заставила почти сразу отказаться от благих намерений. Леса в условиях топливного кризиса начали хаотично вырубаться на дрова с нарушением всех правил ведения лесного хозяйства⁷.

Усиливающийся топливный кризис потребовал от губернских лесных отделов, которые задумывались в первую очередь для решения лесоохранных и лесовосстановительных задач, быстрых конкретных действий по заготовкам дров. С 14 мая 1918 г. в составе Лесного отдела Пензенского губземуправления был образован лесопромышленный подотдел⁸. В июле-августе 1918 г. в Бессоновском, Засурском, Леонидовском⁹ лесничествах Лесной отдел организовал работы по заготовке дров¹⁰. В марте 1919 г. заготовки губернским лесным подотделом велись уже в 12 лесничествах губернии¹¹. В течение 1919–1920 гг. постепенно основной объем лесозаготовок губернии оказался сосредоточен на производственных участках губернского лесного комитета и железнодорожных лесных комитетов. Основной функцией лесных отделов в конечном итоге стал отвод лесных площадей многочисленным лесозаготовителям.

Наряду с системой органов лесного хозяйства создавались структуры лесной промышленности. Декретом ВЦИК и СНК от 2 декабря 1917 г. для регулирования экономической жизни при правительстве страны был учрежден Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)¹². На местах в конце 1917 –

начале 1918 г. были образованы губернские советы народного хозяйства (губсовнархозы, или ГСНХ). При губернских совнархозах были созданы лесозаготовительные отделы. Лесозаготовительный отдел ГСНХ в Пензенской губернии образовался 9-го октября 1918 г.¹⁵ Были организованы шесть производственных участков, и лесотдел «приступил к рубке дров на этих участках»¹⁴.

27 декабря 1918 г. постановлением СНК был утвержден Главный лесной комитет (Главлеском). Под руководством и контролем данного органа, возглавившего лесную промышленность, осуществлялись все лесозаготовки страны в 1919-1921 гг. Главная задача вновь созданного органа формулировалась в статье 7 декрета: «В целях обеспечения страны древесным топливом и лесными материалами Главному лесному комитету вменяется в обязанность принять чрезвычайные меры для спешного увеличения заготовок всеми организациями в центре и на местах, путем их своевременного финансирования, снабжения продовольствием, фуражом, инструментами, транспортными и другими средствами, а равно путем мобилизации технической и рабочей сил»¹⁵. Как видно из приведенного фрагмента законодательства, нарастающий топливный кризис в стране обусловил создание специального органа, которому должны были подчиняться все организации, ведущие лесозаготовки.

Соотношение полномочий в лесном деле между органами лесного хозяйства во главе с ЦЛО и лесной промышленностью, возглавляемой Главлескомом, было отражено в статье 3 декрета от 27 декабря 1918 г.: «Центральный лесной отдел Наркомзема с его губернскими и волостными лесными подотделами и лесничествами, оставаясь в ведении Народного комиссариата земледелия, всецело подчиняется в деле заготовок и лесного транспорта распоряжениям Главного лесного комитета, мобилизуя на производство заготовок все свои лесотехнические силы. *Примечание.* Лесокультурные, лесоадминистративные, лесоустро-

ительные, таксационные, лесоучебные и иные лесотехнические задачи остаются за Центральным лесным отделом Народного комиссариата земледелия»¹⁶.

Таким образом, с самого начала формирования нового госаппарата органы лесного хозяйства оказались в подчинении у структур лесной промышленности. Данная мера была оправдана в условиях военного времени и топливного кризиса, но создавала в дальнейшем опасность продолжения и в мирное время непредсказуемых и бесконтрольных вырубок лесов с нарушениями элементарных правил ведения лесного хозяйства. Исходя из общенациональных интересов, которые явно подразумевались в «Основном законе о лесах» в принципе «общего блага», приоритет при формировании нового госаппарата в лесном деле должен был быть отдан организационным структурам, обеспечивающим охрану и восстановление лесов, а не их рубку, обусловленную сиюминутными потребностями.

Работники лесного хозяйства на местах сознавали свою подчиненность интересам лесной промышленности. Специалист лесного хозяйства в статье о деятельности Пензенского гублесоотдела отмечал, что само лесное хозяйство в годы топливного кризиса «временно перестало существовать; лесничество и даже губернские органы были в подчинении лесозаготовительных организаций, и требования последних должны были исполняться, хотя бы и противоречили элементарным требованиям лесного хозяйства»¹⁷.

В соответствии с наименованием главного органа лесной промышленности на местах губернские и уездные структуры стали также называться лесными комитетами. Создание губернских лесных комитетов (далее – гублескомы, или ГЛК) в Поволжье произошло в первые месяцы 1919 г. По сведениям опубликованного отчета губсовнархоза, Пензенский гублеском был образован постановлением ГСНХ 15 января 1919 г.¹⁸

В Пензенской губернии в 1919 г. гублесотдел выступал в роли параллельного ле-

созаготовителя наряду со структурой Главлескома – губернским лесным комитетом. Руководитель Пензенского гублескома И.М. Юкин на съезде лесозаготовителей в августе 1919 г. заявил: «До сего времени у гублескома с гублесподотделом были самые добрососедские отношения»¹⁹.

Летом 1919 г. в Пензенской губернии разрабатывался проект объединения гублескома и гублесподотдела. На совместном заседании гублескома с представителями различных организаций 10 июня 1919 г. И.М. Юкин, отметив «неудовлетворительность работ от наличия двух хозяев – лесного комитета и лесного подотдела», проинформировал присутствующих, что «положения об объединении этих учреждений приняты в Пензенской губернии и в ближайшее время войдут в жизнь»²⁰. Дальнейшего развития данный проект не получил, но сама попытка свидетельствует о понимании на губернском уровне необходимости объединения в чрезвычайных условиях топливного кризиса и Гражданской войны всех лесозаготовок в рамках одной структуры.

Гублескомы производили заготовки дров и лесных материалов через систему производственных участков. Наряду с губернскими создавались также уездные лесные комитеты. Наибольшее распространение в Поволжье уездлескомы получили в Казанской и Саратовской губерниях. В опубликованном отчете Пензенского ГСНХ за январь-апрель 1919 г. приводилось обоснование отказа от массовой организации лесных комитетов в уездах: «Ввиду того, что большинство уездов Пензенской губернии не многолесны, гублеском организовывать уездлескомы не предполагает и лишь в одном Городищенском уезде таковой был организован в апреле сего года»²¹. Городищенский уездный лесной комитет в Пензенской губернии за несколько месяцев 1919 г. не сыграл той роли, которую ему отводили при его организации, поскольку просто не успел развернуть работу в заметных масштабах. Осенью 1919 г. Городищенский улеском был преобразован в производственный участок гублескома.

Механизм взаимоотношений на центральном и губернском уровнях ЦЛО как органа лесного хозяйства и Главлескома как органа лесной промышленности, определенный декретом 27 декабря 1918 г., неизбежно должен был уточняться и детализироваться в последующей нормативной базе. При этом центру не всегда удавалось поддерживать изначально установленный принцип: Главлеском и его губернские структуры – главные и единственные руководители лесозаготовок (и в целом лесной промышленности) в стране. В августе 1919 г. на съезде лесозаготовителей Пензенской губернии обсуждалась инструкция от 10 августа, выработанная межведомственным совещанием ЦЛО, Главлескома, Наркомата финансов и Наркомата госконтроля. В пунктах 1, 3 и 4 этого документа давалась схема организации лесозаготовок: «ЦЛО выполняет государственные заготовки в порядке принятия от Главлескома определенного наряда, в соответствии с каковым в смету Главлескома вносятся определенной статьей необходимые на эти заготовки суммы... Означенные... суммы переводятся Главлескомом по мере надобности в распоряжение ЦЛО, который разассигновывает их на места... Заготовка осуществляется техническими силами лесного ведомства под общим руководством и наблюдением ЦЛО, а также под контролем Главлескома...»²².

После прочтения данной инструкции при попытке представить себе процесс лесозаготовок на общероссийском и губернском уровне неизбежно появлялись вопросы. Например, если по декрету от 27 декабря 1918 г. об образовании Главлескома в его задачу входило «снабжение продовольствием, фуражом, инструментами, транспортными и другими средствами» всех лесозаготовок, то теперь по инструкции от 10 августа 1919 г. эта функция осталась у Главлескома только на центральном уровне при переводе денег ЦЛО (про фураж, инструменты и транспорт инструкция умалчивала). На губернском уровне основными лесозаготовительными структурами становились лесные

отделы губернских земельных управлений. Гублескомы же оказывались в роли контролеров-наблюдателей хода работ по рубке и вывозке леса, поскольку финансирования от Главлескома на эти работы для них не предусматривалось.

Как указывалось выше, в Поволжье гублескомы образовались в первые месяцы 1919 г. Примерно за полгода их существования был подобран штат сотрудников, начались поставки в эти губернские лесные комитеты из Главлескома продовольствия, фуража, инструментов для лесозаготовок и перевод денежных средств. Теперь же в соответствии с инструкцией надо было ломать только что созданную систему губернских лесозаготовок; перспективы дальнейшего существования самих гублескомов были туманными.

Вызывает также сомнения представленный в инструкции от 10 августа механизм перевода денежных средств. Сначала сам Главный лесной комитет должен запросить деньги на лесозаготовки у ВСНХ. Затем надо было перечислить их ЦЛО со сметой на конкретные заготовки по губерниям. И затем уже ЦЛО переводил финансовые средства губернским лесным подотделам. В условиях организационной неразберихи военного времени и экономического кризиса можно было с большой долей вероятности предположить процесс распыления финансовых средств. Главлеском оставлял «кусочек» себе на содержание аппарата, аналогично должен был поступить и ЦЛО, затем свою долю забирали губернские лесные отделы. Кроме того, если гублескомы сохранялись, то Главлеском должен был перевести часть выделенных на лесозаготовки денег и им тоже. Вместо двухчленной структуры Главлеском – гублескомы получалась четырехчленная с параллельным дублированием; и значительная часть финансов до конкретных лесозаготовительных участков просто изначально не могла дойти, оседая в управленческих структурах.

Поэтому вполне естественным выглядит заявление руководителя Пензенского

гублескома И.М. Юкина на съезде лесозаготовителей: «Когда инструкция обсуждалась в коллегии гублескома, то коллегия постановила инструкцию в жизнь не проводить, а оставить старый порядок, дабы не нарушать раз навсегда установленный аппарат... Лично я полагаю, что если мы будем придерживаться инструкции, то мы в деле заготовок много проиграем»²³. Была отмечена присутствующими и финансовая сторона вопроса. Лесничий Маисского лесничества Н.Н. Томсон в прениях подчеркнул: «Если принять в исполнение данную инструкцию, то мы, лесничество, ни одного полена дров Республике не дадим, хотя бы уже из-за одного того, что придётся каждый раз получать деньги на разработку из центра». Судя по отсутствию упоминаний в документах о реорганизации лесозаготовительных органов данный проект дальнейшего развития не получил.

Заготовку дров также вели лесозаготовительные и топливные отделы при уездных совнархозах. В Пензенской губернии осуществляли заготовку дров лесозаготовительные или топливные отделы при Керенском, Краснослободском, Мокшанском, Наровчатском, Саранском²⁴ уездных совнархозах²⁵. В опубликованном отчете Пензенского губсовнархоза за январь-апрель 1919 г. отмечалось: «Незначительные разработки были предприняты уездными С.Н.Х. (при финансовой поддержке гублескома), которыми обслуживались нужды главным образом правительственных учреждений уездов»²⁶. На съезде лесозаготовителей губернии И.М. Юкин отметил: «У нас в Пензенской губернии имеется один улеском, но зато при всех усовнархозах существуют отделы по топливу, которые разнятся от улескомов только тем, что они ведут заготовку исключительно на местные нужды»²⁷.

Кроме гублескомов и лесных отделов заготовку дров и лесных материалов в годы Гражданской войны вели и железные дороги. Еще в первые месяцы 1919 г. Сызрано-Вяземской железной дороге был выделен участок в 236 десятин в Павловском лесни-

честве, где и были начаты работы²⁸. Кроме того, весной 1919 г. отмечалась «самостоятельная заготовка» Московско-Казанской и Рязано-Уральской железных дорог²⁹.

10 мая 1919 г. был образован новый центральный топливный орган – Управление топливом и лесозаготовками НКПС (Цутоп), которому на местах подчинялись железнодорожные лесозаготовительные комитеты (желескомы)³⁰. В постановлении ВСНХ и Наркомата путей сообщения указывалось, что «в своей деятельности желескомы пользуются всеми правами гублескомов, определенными в положении о гублескомах и изданных к нему дополнительных циркулярах»³¹. По этому поводу руководитель Пензенского гублескома И.М. Юкин на съезде лесозаготовителей в августе 1919 г. обратил внимание присутствующих, что желескомы «уравнены в правах» с гублескомами: «Значит, за ними контроля с нашей стороны быть не может»³². В данном случае центр уже в мае 1919 г., то есть примерно через полгода после образования Главлескома, начал постепенный отход от принципа единого лесозаготовителя в условиях топливного кризиса, объединяющего и подчиняющего все организации, ведущие заготовки дров.

На территории Пензенской губернии работы вели железнодорожные лесозаготовительные комитеты (ЖЛК) Московско-Казанской, Сызрано-Вяземской, Рязано-Уральской железных дорог. На заседании лесозаготовительных организаций 23 июня 1919 г. представителей гублескома, горсовета и губтопа приводились данные, что Сызрано-Вяземской железной дороге было отведено для заготовок 700 десятин, Московско-Казанской – 1300 десятин, Рязано-Уральской – 500 десятин³³. Желескомы вели заготовки дров и шпал через систему производственных участков. Отчетов, приказов и делопроизводственной переписки по лесозаготовкам железных дорог 1919-1920-х гг. в архивных и опубликованных материалах сохранилось очень мало. Поэтому реконструкцию их деятельности приходится

осуществлять по отдельным отрывочным данным. Например, в 1920 г. в Городищенском уезде существовал 10-й лесозаготовительный участок Сызрано-Вяземской железной дороги³⁴. Участки объединялись в районы. Сохранился документ, отправленный в Пензенский губисполком 1 февраля 1921 г. управлением VI района разработок желескома Московско-Казанской железной дороги. В тексте упоминается, что рабочую силу на лесозаготовки данного района ЖЛК поставляли Городищенский, Рузаевский, Саранский, Наровчатский, Краснослободский, Инсарский уезды³⁵. В духе модных тогда сокращений районы лесозаготовок Сызрано-Вяземской железной дороги именовались в протоколах совещаний «Райжелсыз», Московско-Казанской железной дороги – «Райжелмоказ»³⁶.

В 1919/20 г. (хозяйственный или операционный год продолжался с октября по сентябрь) на гублескомы было возложено 41,5% общего задания по лесозаготовкам, на желескомы – 24%, на главки – 14,5%, на разные учреждения и организации – 16%, на частный лесозаготовительный аппарат – 4%; при этом выполнение задания составило у гублескомов и желескомов более 90%, главков – 52,5%³⁷. Таким образом, можно констатировать, что основными заготовителями древесного топлива в период острого топливного кризиса являлись структуры Главлескома и железные дороги.

Следует отметить, что здравый смысл все-таки возобладал. 2 марта 1920 г. был издан декрет СНК о передаче железнодорожных лесных комитетов и лесозаготовительного отдела Цутопа Наркомата путей сообщения в ведение Главлескома, в составе которого был образован особый железнодорожный отдел³⁸. Таким образом, наметившееся летом 1919 г. «двоевластие» гублескомов и желескомов в лесной промышленности на губернском уровне было изжито весной 1920 г. Но в центре возникли проблемы. «Таким образом в Главлескоме сразу стало два лесозаготовительных отдела вместо бывшего одного. Один ведал

заготовками желескомов, другой – гублескомов. Такое разделение неправильно по существу и вредно для дела. Каждое распоряжение, каждую бумагу, например, отвод лесосек, приходилось на практике согласовывать между двумя отделами. Однако этот явный абсурд был осознан руководителями ГЛК только через год, когда в июле 21 г. оба отдела, губзаг и желдор, были слиты в один лесозаготовительный отдел»³⁹.

Окончательно железнодорожные лесные комитеты были ликвидированы в 1921-1922 гг. Так, майским 1921 г. декретом ВЦИКа к августу расформировывались ЖЛК Сызрано-Вяземской, Рязано-Уральской железных дорог. ЖЛК Московско-Казанской дороги сохранился еще в 1922 г., когда он был передан из ведения ВСНХ в Наркомат путей сообщения⁴⁰. Но изначально задуманной в декрете 27 декабря 1918 г. централизации в лесной промышленности России так и не наступило. В 1919-1920 гг. активное участие в лесозаготовках стали принимать подразделения Красной армии и промышленные предприятия.

17 июля 1919 г. на заседании желескома Сызрано-Вяземской железной дороги с участием представителей гублескома и горсовета Пензенскому военкомату было отведено для заготовок дров 20 десятин в Головинщинском лесничестве⁴¹. На заседании при гублескоме 4 апреля 1919 г. наибольший объем лесосеки был предоставлен Военному комиссариату в Пушкинском лесничестве. Управлению спиртовых заводов губернии (Рауспирт) были отведены 10 десятин в Пензенском лесничестве, остальные площади для данной организации было решено выделить в Мокшанском лесничестве. Губернскому управлению промышленностью стройматериалов выделили 26 десятин в Пензенском лесничестве для 1-го и 2-го кирпичных заводов⁴².

30 июня 1919 г. и 17 июля 1919 г. на заседании коллегии гублескома и желескома Сызрано-Вяземской железной дороги с участием представителей гублескома, рауспирта и горсовета обсуждался вопрос

об отведении лесосек для 24 спиртзаводов губернии, большинству из них участки для заготовки дров были предоставлены⁴³. Кроме того, на том же заседании 17 июля были выделены лесные участки для губмуки и суконной фабрики⁴⁴.

Сохранившийся список заготовителей древесного топлива по Пензенской губернии за сентябрь - декабрь 1920 г. включал Трубочный завод и предприятия следующих главков: Главстекло, Главтекстиль, Главспичка, Центроспирт⁴⁵. В 1920 г. заметно явное расширение круга заготовителей дров среди промышленных предприятий по сравнению с 1919 г. К спиртзаводам, суконной и писчебумажной фабрикам добавились Трубочный и стекольные заводы, спичечные фабрики.

Таким образом, усиливающийся топливный кризис вынудил Совнарком и ВСНХ разрешить самостоятельные дровозаготовки железным дорогам, воинским частям, промышленным предприятиям и различным организациям. Осуществлять общее руководство и контролировать такое количество лесозаготовительных организаций гублеском был не в состоянии. Кроме того, на лесозаготовках в 1918-1921 гг. возникла проблема, называемая в архивных и опубликованных документах «конкуренцией» лесозаготовителей, которая отрицательно влияла на производственный процесс. Во-первых, в условиях ограниченного лесного фонда Поволжья удобно расположенных по отношению к городам, линиям железных дорог и сплавным рекам лесных массивов на всех лесозаготовителей не хватало. При этом некоторые промышленные предприятия, организации и кооперативы из-за недостатка средств, получив лесосеки, к заготовкам дров не приступали или, столкнувшись с многочисленными трудностями, прекращали работы сразу после их начала. Во-вторых, имеющиеся в каждой губернии ограниченные запасы продовольствия и инструментов распылялись по многочисленным мелким лесозаготовительным организациям, отличающимся не-

значительным объемом заготовок и низкой производительностью труда. Один из специалистов лесозаготовок отмечал: «Вместе с распылением заготовок дробится и то небольшое количество продовольствия, инструментов, технических средств, какие у нас имеются»⁴⁶. Кроме того, повышение отдельными лесозаготовителями единых расценок оплаты труда приводило к тому, что пришедшие на заработки местные жители в массовом количестве переходили с одного участка на другой или отказывались от работы, ожидая повышения расценок. На совещании при Пензенском гублескоме 10 июня 1919 г. И.М. Юкин в своем выступлении коснулся вопроса о самозаготовках различных организаций: «Каждый потребитель, становясь заготовителем, думает лишь о себе, и опыт переманивания рубщиков и возчиков путем повышения цен – перед нами»⁴⁷. В протоколе съезда лесозаготовителей Пензенской губернии, состоявшегося 7-8 апреля 1920 г., в числе «дефектов» работ были указаны «конкуренция некоторых организаций по премированию и переманивание благодаря этому из одних мест возки к другим» и «конкуренция разных лесозаготовителей, главным образом, желескомов, выдававших красноармейский паек (Павловское, Вышилейское леснич.)»⁴⁸.

В соответствии с декретом от 19 ноября 1919 г. была введена топливная трудповинность. На губернском уровне ее проведением занимался губернский комитет по труду (губкомтруд), в уездах – уездные комтруды. Губкомтруд и укомтруды также вошли в число государственных структур, занимающихся лесозаготовками. Но в Пензенской губернии не хватало квалифицированных кадров для укомплектования аппарата даже губернского комитета по труду, в уездах ситуация была еще хуже. Поэтому в течение 1920 г. комтруды работали с низкой степенью результативности. Кроме того, крестьянство уже и так несло тяжелое бремя продразверстки. Трудовая повинность по заготовке и вывозке дров ничего кроме возмущения и протеста вызвать не могла.

Поэтому результаты выполнения принудительных заданий по заготовке и вывозке дров повсеместно были значительно ниже запланированных⁴⁹. Как реакция властей на сложившуюся ситуацию 1920-1921 гг. стали временем образования многочисленных особых и чрезвычайных комиссий, которые создавались с целью активизации работ по борьбе с топливным кризисом.

Представляют интерес воспоминания руководящего работника Пензенского губсовнархоза В.М. Белова о создании подобной комиссии на губернском уровне: «Обстоятельства на фронтах Гражданской войны... требовали принятия чрезвычайных мер по снабжению фронта и предприятий, работающих для фронта, дровами... В связи с чем Пензенский губисполком учредил в своем подчинении чрезвычайного уполномоченного по заготовке и вывозке дров и леса к железным дорогам. Этим уполномоченным назначил заместителя председателя Губернского лесного комитета губсовнархоза т. Роут Якова Филипповича... В распоряжение этого «Чрезвычайного» был передан весь гужевой транспорт сел и деревень губернии, отбракованный от призыва в Красную армию людской состав. Этой форме мобилизации было дано название «Трудгужповин». А уполномоченный носил название «Чувыдров»⁵⁰... Этот уполномоченный своего аппарата не имел, пользовался аппаратом Гублескома... Начальники заготовительных участков в лесничествах имели двойное подчинение. Материальную ответственность они несли только перед Гублескомом, а административно они одновременно подчинялись и, пожалуй, больше подчинялись чрезвычайному уполномоченному, являясь его уполномоченными на местах. В их ведении на местах был гужевой транспорт и рабочая сила по трудоустройству. Эту работу по мобилизации людей и гужевого транспорта они вели через сельские и волостные советы, а также прибегая к содействию комитета бедноты»⁵¹.

Помимо специальных временных комиссий, создаваемых, как правило, по

инициативе местных властей, в Поволжье действовали уполномоченные Главтопа, Главкомтруда и реввоенсоветов фронтов. Особоуполномоченный Совета Оборонны Гроссберг весной 1920 г. пытался проконтролировать ход вывозки древесного топлива к Сызрано-Вяземской железной дороге на территории Пензенской и Саратовской губерний. 18 апреля 1920 г. им была разслана телеграмма в губиспокомы, губкомтруды и губчека и уездные органы по проведению трудповинности Городища, Нижнего Ломова, Кузнецка⁵² с требованием активизировать проведение повинности по вывозке дров. В заключении телеграммы указывалось, что непринятие должных мер будет расцениваться как неисполнение решения Совета Оборонны с последующим преданием суду ревтрибунала⁵³.

В Пензенской губернии была введена должность губернского уполномоченного фронтовой комиссии реввоенсовета Кавказского фронта, который должен был взаимодействовать с губкомтрудом и координировать деятельность районных уполномоченных. В инструкции уездным, районным и волостным уполномоченным фронтовой комиссии реввоенсовета Кавказского фронта указывались задачи по проведению трудповинности. Уполномоченные должны были совместно с уездным комитетом по труду (укомтрудом) объявлять мобилизацию населения уезда на выполнение заданий по трудповинности в рамках уезда. Райуполномоченные являлись руководителями работ по заготовке топлива, наблюдали за точным исполнением нарядов волуполномоченными и техническими руководителями.

Полномочия уполномоченным предоставлялись достаточно широкие. «Районным, уездным уполномоченным вменяется: проверять наличие запасов дров, торфа и лесных материалов по нарядам, о замеченных неправильностях немедленно доносить, а также принимать меры к устранению замеченных неправильностей, немедленно доносить, а также принимать

меры к устранению замеченных злоупотреблений или упущений вплоть до ареста...»⁵⁴.

Экстремальная ситуация вызывала к жизни рекомендации подобные вот этой в указанной выше инструкции уполномоченным: «Арест целых организаций может быть произведен с ведома губуполномоченного... Райуполномоченные под своим председательством созывают постоянные совещания, в которые входят волуполномоченные и председатели сельсоветов... Совещание производит раскладку между волостями и селениями... Если совещание будет отклоняться от предметов обсуждения, то райуполномоченный обязан его распустить и предать суду, а функции его исполнять единолично... Возчики круговой порукой отвечают и материально, и лично за целостность дров, поднятых на подводы с места заготовки, в случае недостачи их, об этом срочно сообщить райуполномоченному, который немедленно наводит беглое следствие, всю группу возчиков с лошадьми подвергает арестам и приостанавливает производство расчета»⁵⁵.

В сложной ситуации военного времени в 1920 г. в лесничествах была введена должность политрука «для фактического контроля над работой как технического персонала, так и милитаризованных рабочих». Общеизвестен факт наличия в годы Гражданской войны комиссаров в Красной армии, которые осуществляли контроль за командиром воинской части и проводили политическую работу с бойцами. Но в научной литературе почти совершенно не изучена деятельность политруков на лесозаготовках, выполнявших сходные функции с комиссарами воинских частей⁵⁶. Поэтому представляется целесообразным остановиться на данном сюжете более подробно.

Наблюдение за выполнением своих обязанностей работниками лесничеств и временно освобожденными от призыва в армию рабочими лесозаготовок и являлось двумя основными, но не единственными задачами политических руководителей лесозаготовок. В пункте 3 инструкции для

политруков лесничеств, составленной в Пензенском гублескоме⁵⁷, подчёркивалось: «Все лесозаготовки, ведущиеся в лесничестве, подлежат наблюдению политрука, кем бы они не велись, не исключая и желескомов». Попутно в обязанность новорожденных «комиссаров» лесозаготовок вменили контроль за всеми сторонами производственного процесса. «Политрук, прибыв в лесничество, обязан точно ознакомиться с постановкой заготовок в лесничестве, составить подробный доклад о всех замеченных им ненормальностях и упущениях, выяснить точное количество инструментов (пил, топоров, напильников и проч.) и инвентаря у каждого лесозаготовителя, как свободного, так и находящегося на руках у рабочих, лесной стражи и администрации (пункт 6). При проведении трудовой повинности политический руководитель должен был помогать райуполномоченному, проводящему мобилизацию населения на заготовки дров (пункт 10). Также политрук должен был разъяснять рабочим лесозаготовок «необходимость войти в положение государства, не повышая требований, развить максимум энергии в работе», одновременно ему было необходимо «возможно ближе ознакомиться с окрестным населением, его запросами, нуждами и настроением», «узнать количество инструмента (пил, топоров и проч.), имеющегося у населения, и вести усиленную политическую работу, объясняя важность лесных работ» (пункты 8 и 9)⁵⁸. Судя по приведенному перечню поручений политруку он должен был осуществлять буквально все возможные меры по повышению результативности вырубki и вывозки леса.

Общим моментом с комиссаром воинской части у политрука лесничества было наличие особых полномочий по отношению к администрации лесозаготовок, вплоть до отстранения руководителей. Следует отметить, что инструкция в данном случае буквально заклинала применять крайние меры только в чрезвычайных случаях: «...только в случаях явно незаконных действий административно-технического персонала

политрук должен отстранить от работ замеченное в злоупотреблениях лицо и направить его с подробным докладом, подтвержденным показаниями других, в гублеском. Вообще же к действиям, устраняющим руководителей, нужно отнестись чрезвычайно осторожно, помня важность момента и общий недостаток в техническом персонале» (пункт 7).

Сохранились сведения о том, что политические руководители действительно действовали в лесничествах Пензенской губернии⁵⁹. При оценке целесообразности введения института политруков лесничеств следует отметить, что, с одной стороны, налицо явное дублирование ими функций руководителей производственных участков гублескома и администрации лесничеств. С другой стороны, в условиях хаоса военного времени политрук в некоторых случаях мог выступить в качестве дополнительной подстраховки выполнения на данном участке заданий по заготовке и вывозке дров.

В 1921 г. в условиях усиления топливного кризиса процесс формирования чрезвычайных комиссий продолжился. 21 февраля 1921 г. председатель губисполкома Л.Х. Фридрихсон телеграфировал руководителю топливной комиссии при СТО В.А. Аванесову: «Для усиления работы по заготовке и вывозке дров образована оперативная тройка с широкими полномочиями в составе председателя губкомтруда, губвоенкома, председателя губревтрибунала»⁶⁰.

В докладе губисполкому уполномоченного М.Г. Долгова, командированного в Городищенский уезд «для ускорения вывозки дров к железным дорогам», описывается процесс создания на местах чрезвычайных структур: «По прибытии в Городищенский уезд, и видя слабость работы, я решил организовать по примеру губернии уездную оперативную тройку»⁶¹. На заседании 3 марта 1921 г. с участием председателей уездного исполкома, уездного комитета РКП (б), уездного комитета по труду, уездного военкома, заместителя председателя уездной комиссии по борьбе с дезертирством и дру-

гих руководящих работников была создана уездная опертройка. В ее состав вошли сам чрезвычайный уполномоченный М.Г. Долгов (председатель), уездный военный комиссар и председатель уездного комтруда. Уездная тройка в тот же день разработала приказ, регламентирующий план мартовской вывозки дров потребителям. Далее в докладе энергичного уполномоченного события развивались по ускоренному сценарию: «6 марта приказы были готовы и разосланы всем волкомтрудам, сельсоветам, лесозаготовителям, завлесозаводам, волуполномоченным, и приблизительно числа с 8 марта на местах стали производиться работы по плану мартовских перевозок». М.Г. Долгову пришлось столкнуться с сопротивлением лесозаготовителей и местных руководящих работников, поначалу игнорировавших новообразованную «опертройку» и ее председателя. Но победа осталась за энергичным и целеустремленным уполномоченным.

В июне 1921 г. в условиях очередного обострения топливного кризиса и угрозы остановки железных дорог по всей стране проводился топливный трехнедельник – период интенсивной заготовки дров. В Пензенской губернии 22 мая 1921 г. был образован губернский оперативный штаб по заготовке и вывозке топлива, приступивший к работе с 1 июня. Аналогичные штабы были созданы в уездах; обычно состояли из трех человек: председатель – уездный военком, члены – заведующий уездным отделом труда, председатель комиссии по борьбе с трудовым дезертирством⁶².

Функции подобных комиссий и их уполномоченных по общему руководству и организации работ по заготовке и вывозке дров неизбежно дублировались и перекрещивались с полномочиями гублескомов. Вместо ускорения лесозаготовок усиливались неразбериха и трудности взаимодействия различных организаций. Так, в телеграмме от 9 декабря 1920 г. из Пачелмы в губисполком сообщалось: «Пильщики (дров. – Е. В.) с работ сняты райтрудповином тов. Скады-

каевым, что считаю недопустимым, так как рабочих с заготовок дров снимать нельзя»⁶³. Уже упоминавшийся особоуполномоченный Совета Обороны Гроссберг 9 января 1921 г. в телеграмме, отправленной в губисполком и губкомтруд Пензенской губернии, требовал «прекратить вмешательство неответственных за работу железского органов, арестами и обысками в большинстве случаев необоснованными, дезорганизующих железском»⁶⁴. Подобные случаи неорганизованности и произвола были характерны для многих губерний России⁶⁵.

Гублескомы, которые в условиях дефицита специалистов в принципе не могли проконтролировать деятельность всех многочисленных лесозаготовителей и толпящихся за их спиной чрезвычайных комиссий и уполномоченных, превратились из главных руководителей лесозаготовок губернии, как планировалось в декрете 1918 г., в наиболее крупную местную лесопромышленную организацию. Начальник лесозаготовительного отдела Главного лесного комитета А.А. Апушкин писал: «В силу дезорганизации гублескомов и потому, быть может, в силу фактической их слабости замечается, наоборот, усиление в это время влияния на проведение лесозаготовок на местах всевозможного рода уполномоченных, как, например, Совета Обороны, Главтопа, фронтов и т.п. Они вели свои заготовки, имели свои аппараты, боролись с губ- и железкомами, появились на местах двойки, тройки, уполномоченные по вывозке..., которые только вносили дезорганизацию в дело, мешали планомерности в работе основных органов... Что же в это время делал Главлеском? Он смотрел, даже не удивлялся, и молча соглашался со всеми этими самочинными действиями с мест»⁶⁶.

Местные руководители, как правило, отрицательно относились к деятельности подобных временных чрезвычайных структур, особенно созданных представителями центра или фронтов. На VII партийной конференции Пензенской губернии (март 1920 г.) руководитель губкома и губиспол-

кома Л.Х. Фридрихсон высказался по этому поводу: «У нас ведется напряженная работа по продовольствию и по вывозке дров... Я понимаю, что нужен нажим. Но разве можно применять такой нажим? Пишутся мандаты, и уполномоченные с этими мандатами творят все, что им угодно»⁶⁷.

В наиболее полном виде отсутствие координации созданных для проведения трудповинности организаций было отражено в заслушанном на съезде лесозаготовителей Пензенской губернии, состоявшемся 7-8 апреля 1920 г., докладе губмежисполкомтопа. Ситуация была охарактеризована как «громадная неразбериха», проявившаяся в том, что «распоряжаются чувыдров, межисполкомтоп, чутрудповин, отдел управления и т.п.» и «неправильность постановки работ районных уполномоченных». Весьма показательна резолюция съезда: «Заслушав доклады гублескома, губмежисполкомтопа и губкомтруда совещание находит необходимым: для уничтожения неразберихи, как в деле заготовок, так и проведения мобилизации еще раз подчеркнуть давно перезревшую выдвинутую самой жизнью концентрацию всех заготовительных операций под руководством одного органа»⁶⁸. Перед нами явное пожелание вернуться к идее декрета от 27 декабря 1918 г. о лесных комитетах как главных лесозаготовителях.

Интересно отметить, что идея о необходимости создания какой-то особой структуры по вывозке дров была записана в резолюции «по вопросу о вывозке» еще на первом съезде лесозаготовителей Пензенской губернии 23–25 августа 1919 г.: «Организация особого транспортного органа при гублескоме с чрезвычайными полномочиями с введением в него представителей губисполкома и военного ведомства»⁶⁹. Примерно через год восприятие ситуации кардинально поменялось, специалисты лесного дела, работающие в гублескомах и гублесоотделах по всей стране, насмотревшись творящихся безобразий, стали шарахаться от особых комиссий и уполномо-

ченных. Но инерция «чрезвычайщины» продолжала действовать вплоть до лета - осени 1921 г.

Создание в 1920–1921 гг. такого количества чрезвычайных комиссий, штабов и уполномоченных по заготовкам дров было явно излишним. Для активизации работ на лесозаготовках вполне достаточно было занимавшихся трудповинностью комтрудов и осуществлявшего общее руководство по всем экономическим вопросам губернского исполнительного комитета (губисполком) местного совета. Также проводить топливную трудовую повинность обычно помогали уездные и волостные исполнительные комитеты (уисполкомы и волисполкомы). Тем более что ВЦИК в январе 1919 г., в декабре 1920 г. и январе 1921 г. рассылал в губернии обращения к губисполкомам с призывом усилить борьбу с топливным кризисом и оказывать содействие органам Главлескома⁷⁰.

Пензенский губисполком отличался активностью в деле организации дровозаготовок. Например, 11 января 1921 г. губисполком провел совещание по топливному вопросу с представителями гублескома, губкомтруда, Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской железных дорог, губпродкома. Губкомтруду было поручено «срочно откомандировать в худшие уезды своих инструкторов, давая им широкие полномочия по упорядочению работы на местах». Было решено «все учреждения на местах подчинить полностью контролю президиума уисполкома в отношении заготовки и вывозки дров»⁷¹. И на следующий день 12 января председатель Пензенского губисполкома Л.Х. Фридрихсон разослал уездным исполкомам телеграмму с требованием активизации мероприятий по проведению топливной трудповинности. В частности, давались указания, что «борьба с труддезертизмом должна вестись с такой же энергией, как с дезертирами фронта», руководителям уисполкомов необходимо «взять под свой тщательный контроль все учреждения, связанные с заготовкой и вывозкой дров».

О принятых мерах требовалось сообщить президиуму губисполкома «в сорока восьми часовой срок телеграммой»⁷².

Реакцией центра на возникший хаос в сфере лесозаготовок стало объединение всех основных топливных структур в 1921 г. в рамках Главного и губернских топливных управлений. Основное содержание проводимых мероприятий сводилось к реорганизации отраслевых топливных главков ВСНХ в управления в составе образованного летом 1921 г. Главного управления по топливу (ГУТ). Соответственно, Главлеском был преобразован в Центральное управление лесной промышленности (ЦУЛП). В Поволжье гублескомы в качестве лесных отделов были включены в состав губернских управлений по топливу (губуправтопов), подчинявшихся ГУТу, преимущественно в течение лета. В Пензенской губернии губуправтоп образовался 15 августа 1921 г., объединив губернский лесной комитет, губернский торфяной комитет и ведающий распределением топлива губернский топливный комитет⁷³.

За четыре года, с 1918 по 1921 г., организационные структуры лесной промышленности и лесного хозяйства пережили целую серию реорганизаций. В результате наметилась неблагоприятная с точки зрения сохранения лесных ресурсов страны тенденция подчинения лесного хозяйства интересам лесной промышленности. Кроме того, первый, но не последний раз в истории лесной промышленности Советской России остро встала проблема централизации лесозаготовок. Центр в 1919-1920 гг. не сумел выдержать вполне разумную линию на организацию главного лесозаготовительного органа губернского уровня – гублескома. Уже летом 1919 г. равноправными с гублескомами лесозаготовительными организациями стали железкомы. С образованием в 1920 г. многочисленных чрезвычайных комиссий и уполномоченных наступил хаос. Чрезвычайные междуведомственные комиссии создавались на короткий период времени для координации усилий по снабжению топливом. Но лекарство оказалось

хуже самой болезни. Из-за отсутствия четкого разграничения полномочий данных комиссий и лесозаготовительных организаций в большинстве случаев функционирование подобных временных органов становилось неэффективным и даже вредным для решения топливной проблемы. В 1921 г. государство было вынуждено вернуться к идее единого лесозаготовительного органа, создав губуправтопы с объединением всех топливных структур. С окончанием топливного кризиса в 1922 г. был взят курс на создание лесопромышленных трестов с параллельным существованием губернских лесных отделов, ведающих охраной лесов.

Результатом деятельности гублескомов, железкомов, армейских частей и промпредприятий в 1919-1921 гг. стало выживание общества и экономики в условиях топливного кризиса. Но цена, заплаченная за этот результат, была чрезвычайно высокой. В отдельных местах были подчистую вырублены наиболее ценные с экономической и экологической точек зрения леса вдоль железных дорог и вблизи населенных пунктов, захламливание лесов порубочными остатками вызвало грандиозные лесные пожары⁷⁴.

В середине и второй половине 1920-е гг. на страницах отраслевых журналов велась дискуссия специалистов лесного хозяйства о наиболее рациональных путях развития лесного дела в России. Но выработать единую концепцию развития лесопромышленного комплекса не удалось⁷⁵. Начавшаяся индустриализация снова, как и в годы Гражданской войны, подчинила интересы лесного хозяйства лесной промышленности. Кроме того, провести централизацию в лесной промышленности в последующие десятилетия так и не удалось. Например, железные дороги сохранили свои лесозаготовки как в 1920-е, так и в 1930-е гг. В 1930-е гг. в связи с возникшим топливным дефицитом к лесозаготовкам снова широко привлекались промышленные предприятия, в частности, в Куйбышевском крае и образованной в 1939 г. Пензенской области это были спиртзаводы, суконные и бумажные фабрики, стекольные заводы.

Современные специалисты отмечают: «За 73 года советской власти произошло 23 реорганизации всесоюзных и всероссийских органов управления лесным хозяйством... Это не способствовало устойчивому управлению лесным хозяйством»⁷⁶. К сожалению, эксперименты над лесами в начале XXI века не прекратились. Россия продолжает искать оптимальный вариант эффективного использования своих богатейших лесных ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баевский Д.А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода Гражданской войны. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 448 с.

² Зыкин И.В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021; Зыкин И.В. Народный комиссариат лесной промышленности Советского Союза в 1932-1940 годах и проблемы выполнения плановых заданий // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. № 4. С. 625-636; Зыкин И.В. Проблемы механизации вывозки лесных ресурсов в лесопромышленном комплексе Советского Союза в 1930-х гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5. № 1. С. 188-202; Шегельман И.Р., Кулагин О.И. Влияние трансформаций в системе управления лесным сектором СССР на эффективность его развития в конце 1930-х - начале 1940-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Выпуск № 30. С. 1-10.

³ Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Промышленность Пензенской губернии в 1901-1921 гг. Пенза: ГУМНИЦ ПГУ, 2014. С. 207-208.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Предисловие. М.: «Книга», 1988. С. X-XI.

⁵ Декреты Советской власти. Т. II. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959. С. 312-329.

⁶ Там же. С. 324.

⁷ Воейков Е.В. У истоков экологических проблем // Отечественная история. 2001. № 5. С. 150-154.

⁸ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее – ГБУ ГАПО). Ф. Р. 309. Оп. 1. Д. 104. Л. 102.

⁹ Бессоновка – райцентр современной Пензенской области, примыкает с севера к окраине города Пензы. Контора Засурского лесничества располагалась в расположенном на противоположном от Пензы берегу Суры поселке Ахуны, вошедшем позднее в черту города. Леонидовка – населенный пункт и железнодорожная станция в Пензенском районе современной Пензенской области.

¹⁰ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 309. Оп. 1. Д. 379. Л. 82, 91, 95, 96, 100, 105-106; Ф. Р. 442. Оп. 1. Д. 178. Л. 25, 27, 28, 32, 35.

¹¹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 9, 52.

¹² Декреты Советской власти. Т. I. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 172-173.

¹³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.

¹⁴ Краткий обзор деятельности и положения дел Пензенского губернского совета народного хозяйства за январь - апрель 1919 года. С. 80-81.

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. IV. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1968. С. 264.

¹⁶ Там же. С. 263-264.

¹⁷ Смелый. Деятельность Пензенского губернского лесного отдела за период 1919-1924 гг. // Природа и хозяйство Пензенского края. 1924. № 2-3. С. 148.

¹⁸ Краткий обзор деятельности и положения дел Пензенского губернского совета народного хозяйства за январь - апрель 1919 года. С. 81.

¹⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

²⁰ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 61 об.

²¹ Краткий обзор деятельности и положения дел Пензенского губернского совета народного хозяйства за январь - апрель 1919 года. Пенза, 1919. С. 82.

²² ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

²³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

²⁴ Керенск – уездный центр в Пензенской губернии, впоследствии переименован в Вадинск, райцентр современной Пензенской области. Краснослободск – райцентр современной Республики Мордовия. Мокшан и Наровчат – райцентры современной Пензенской области. Саранск – административный центр современной Республики Мордовия.

²⁵ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 403. Л. 7, 70, 82, 94,

- 156; Ф. Р. 442. Оп. 1. Д. 217. Л. 9–9 об.; Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 9–9 об.
- ²⁶ Краткий обзор деятельности и положения дел Пензенского губернского совета народного хозяйства... С. 82.
- ²⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 16 об.
- ²⁸ Краткий обзор деятельности и положения дел Пензенского губернского совета народного хозяйства... С. 81–82.
- ²⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
- ³⁰ *Крживецкий Н.* Предшественники ГУТа // Топливное дело. 1923. № 6. С. 36.
- ³¹ Сборник декретов и распоряжений по топливу (октябрь 1917 - апрель 1920 г.). Вып. 1. М.: Высший совет народного хозяйства, 1920. С. 28.
- ³² ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 об.
- ³³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 72 об.
- ³⁴ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 9, 10 об., 64 об.
- ³⁵ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 12.
- ³⁶ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 4.
- ³⁷ *Апушкин А.А.* Итоги трехгодичной лесозаготовительной политики Главлескома // Топливное дело. 1921. № 3–4. С. 18, 21.
- ³⁸ Декреты Советской власти. Т. VII. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1974. С. 289.
- ³⁹ *Апушкин А.А.* Указ. соч. С. 19–20.
- ⁴⁰ СУ РСФСР. 1921. № 57. Ст. 360; 1922. № 37. Ст. 443.
- ⁴¹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 70 об.
- ⁴² Там же. Л. 47.
- ⁴³ Там же. Л. 66–66 об., 70 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 70 об.
- ⁴⁵ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 715. Л. 250, 313.
- ⁴⁶ Экономическая жизнь. 1919. 22 августа.
- ⁴⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 61 об.–62.
- ⁴⁸ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Воейков Е. В.* Топливная трудовая повинность в Среднем Поволжье в 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 96–105.
- ⁵⁰ Чувыдров – чрезвычайный уполномоченный по вывозке дров.
- ⁵¹ *Белов В.М.* О работе в Пензенском губернском совете народного хозяйства // Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Серия книг. Т. 7. М.: Новые решения, 2016. С. 249.
- ⁵² Городище, Нижний Ломов, Кузнецк – райцентры современной Пензенской области.
- ⁵³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 80–80 об.
- ⁵⁴ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.
- ⁵⁵ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 18 об.
- ⁵⁶ В архивных документах по истории лесной промышленности 1918–1921 гг. в Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях автору не удалось обнаружить никаких упоминаний о политруках на лесозаготовках. Возможно, данное явление было особенностью именно Пензенской губернии данного периода.
- ⁵⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 31. Л. 61–61 об.
- ⁵⁸ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 31. Л. 61.
- ⁵⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 1. Л. 86 об., 117 об., 135.
- ⁶⁰ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 91.
- ⁶¹ Там же. Л. 150.
- ⁶² Там же. Л. 237, 250.
- ⁶³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 34.
- ⁶⁴ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 32.
- ⁶⁵ См., например: *Воейков Е.В.* Преодоление топливного кризиса в Самарской губернии в 1918–1921 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3. С. 96.
- ⁶⁶ *Апушкин А.А.* Указ. соч. С. 20.
- ⁶⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 36. Оп. 1. Д. 77. Л. 106.
- ⁶⁸ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об., 13.
- ⁶⁹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 10. Л. 21 об.
- ⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. VII. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1974. С. 448; Т. XII. М., 1986. С. 24–25, 356–357.
- ⁷¹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 4.
- ⁷² ГБУ ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 1.
- ⁷³ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 952. Оп. 1. Д. 9. Л. 155 об.
- ⁷⁴ *Воейков Е.В.* Лесные пожары в Среднем Поволжье: забытая экологическая катастрофа Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2020. № 4. С. 112–127.
- ⁷⁵ *Воейков Е.В.* Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы новой экономической политики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 23–32.
- ⁷⁶ *Редько Г.И., Редько Н.Г.* История лесного хозяйства России. М.: МГУЛ (Московский государственный университет леса), 2002. С. 390.

**BODIES OF THE FOREST INDUSTRY AND FORESTRY IN 1918-1921
(ON THE MATERIALS OF THE PENZA PROVINCE)**

© 2021 E.V. Voeikov

Penza Filial of Financial University under the Government of the Russian Federation

The author systematizes information from archival and published sources on the formation of organizational structures of the forest industry and forestry on the example of the Penza province. He traces evolution of the formation of provincial forest committees (gubleskoms) and logging committees for railways (zheleskoms) at the regional level, as well as the expansion of the range of firewood producers due to the admission of military units and industrial enterprises to logging. The author reveals the role of temporary emergency commissions and the commissioners in destabilizing the production process in 1920-1921.

Keywords: forest departments, provincial forest committees, logging committees for railways, logging.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-43-58

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ В КРЫМУ (1920- 1921 гг.)

© 2021 Н.Д. Борщик

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Статья поступила в редакцию 04.08.2021

В статье рассмотрен начальный этап организации советской статистической службы. Отмечено, что ввиду исключительной важности статистических данных для государственного управления советское правительство, несмотря на начавшуюся Гражданскую войну, уже в 1918 г. разработало первые нормативные акты для создания статистической службы. В Крыму функционирование органов советской статистики началось только с конца 1920 г. ввиду революционных событий на полуострове. Выявлены архивные документы, раскрывающие весь спектр проведенных работ по организации крымских губернского и уездных статистических бюро. Сделан вывод о том, что профессиональный кадровый состав крымских статистиков, их слаженные действия позволили принять участие в первой всероссийской переписи 1920-1921 гг. и получить вполне достоверные результаты.

Ключевые слова: История статистики, статистическое бюро, Крымский полуостров.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-59-64

Современное эффективное государственное управление невозможно без подробной количественной и качественной информации о собственных гражданах, состоянии материально-технической базы, природных ресурсов и т.д. Подобный свод статистических сведений является основой перспективного прогнозирования и планирования основ национальной безопасности, ключевых аспектов внешней и внутренней политики.

Отечественная статистическая служба прошла длительный путь своего становления и развития; ее эволюционирование дает богатый материал для исследователей. Существует множество публикаций, посвященных истории статистики в целом¹ и на отдельных временных промежутках², деятельности статистических органов³ и персоналий⁴. Достаточно популярным направлением в современной науке является регионалистика, в рамках которой изучена организация статистики в отдельных

местностях⁵, особенности подготовки и проведения там крупных статистических исследований⁶. Крымский полуостров в этом отношении является регионом, где практически нет специальных исследований, посвященных истории советской статистики на раннем ее этапе. И если до-октябрьский период развития статистики привлекал внимание региональных исследователей⁷, то организация и деятельность крымских советских статистических органов пока не получила освещения в научной литературе. В этой связи целью настоящей статьи является изучение организации крымской статистической службы, особенностей ее функционирования, проведения первых статистических исследований на полуострове.

Таврическая губерния к Октябрьским событиям 1917 г. была сложной административной единицей. В ее составе было восемь уездов, три из которых были «материковые»: Днепровский, Мелитопольский и Бердянский. На территории Крымского полуострова были расположены еще пять уездов: Перекопский, Евпаторийский, Фе-

Борщик Наталья Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения. E-mail: arktur4@rambler.ru

одосийский, Симферопольский и Ялтинский, а также три градоначальства: Керчь-Еникальское, Севастопольское и Ялтинское, территориально входившие в состав Таврической губернии, но административно имевшие собственные органы управления. Поэтому на полуострове существовали сразу три независимых друг от друга статистических органа: Таврический губернский статистический комитет, Керченский городской статистический комитет и Севастопольский городской статистический комитет¹. Кроме того, собственные исследования активно вели органы местного самоуправления. Например, Севастопольское городское общественное управление осуществило городскую перепись в 1886-1887 гг.⁸, Ялтинское – в 1892 г.⁹ Оценочно-статистическое бюро Таврического губернского земства успешно провело подворное описание крестьянских хозяйств в 1884-1887 гг. с публикацией поуездных итогов¹⁰; земство Перекопского уезда повторило обследование своего уезда в 1907 г., Мелитопольского уезда – в 1912 г.¹¹ Тем не менее, наличие результатов местных переписей не проясняло ситуацию в целом по губернии о количестве и качестве земельного и жилищного фондов, посевах и урожаях, ремеслах и промыслах, наличном и пришлом населении и пр.¹²

После Октябрьских событий 1917 г. во всех советских учреждениях велись статистические работы, центром которых стал ВСНХ (Высший совет народного хозяйства), созданный 14 декабря 1917 г. Но ВСНХ не мог обеспечить должного масштаба, единства и организованности статистических обследований. Нужна была централизованная система государственной статистики. С 8 по 10 июня 1918 г. состоялся Первый Всероссийский съезд статистиков, где обсуждались важнейшие проблемы организации советской государственной статистической службы в нашей стране. В результате Совет-

ским правительством был принят ряд законопроектов, первым из которых стал декрет СНК от 25 июля 1918 г. «О государственной статистике (Положение)», он стал основой формирования советских центральных статистических органов и обозначил цель их создания: «Общее попечение о развитии правильной постановки статистики в государстве и расширении статистических знаний; утверждение планов и программ всякого рода статистических обследований и переписей, производимых ведомственными установлениями, а также утверждение ежегодно составляемых ведомствами планов статистических работ, организационных планов и инструкций»¹³.

Учреждался единый общегосударственный орган – Центральное статистическое управление (ЦСУ). Первым управляющим Центрального статистического управления СССР при Совете Народных Комиссаров СССР был назначен Павел Ильич Попов, занимавший эту должность с 17 июля 1923 г. по 5 января 1926 г. ЦСУ должно было вести статистику всех важнейших отраслей народного хозяйства, руководить развитием статистики в стране и распространением статистических знаний. При ЦСУ был создан Совет по делам государственной статистики, который был призван разрабатывать планы статистических работ, согласовывать деятельность общегосударственных и ведомственных статистических органов, программы сбора данных и их обработок.

«Положение о местных статистических учреждениях» было подписано председателем СНК Х.Г. Раковским 12 марта 1919 г. Этот норматив устанавливал, что «уездные статистические бюро учреждаются в качестве самостоятельных отделов при уездных советах депутатов» и определял их важнейшие задачи:

«а) подбор сельскохозяйственных корреспондентов и организация статистических агентур малого действия; <...>

ж) руководство переписями и само производство переписей и анкет для выяснения годичных изменений в области сельскохозяйственной промышленности;

¹ Севастопольский городской статистический комитет после событий Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. и оккупации Севастополя прекратил свою деятельность, а его функции возложили на городское общественное управление.

з) созыв уездных статистических совещаний»¹⁴.

По постановлению I-й сессии ВЦИК, состоявшейся 2-7 февраля 1920 г., был принят «Декрет об обязательном учете статистических сил РСФСР», основные положения которого сводились к следующему. Для кадрового обеспечения Центрального статистического управления и подведомственных ему местных статистических органов, «а также доставки необходимых материалов, равно как и своевременного выполнения этих и прочих заданий, возлагаемых на ЦСУ и его местные органы и статистические организации разных ведомств» были обозначены категории граждан, подлежащих учету. К ним отнесли:

а) лиц, занимающихся научной и преподавательской деятельностью по статистике в качестве профессоров, лекторов, преподавателей, инструкторов и т.п.

б) лиц, окончивших курс высших русских и зарубежных учебных заведений, которые участвовали в практических семинарах и представляли работы по статистике;

в) лиц, прослушавших статистические курсы при Министерстве внутренних дел или ЦСУ;

г) лиц, «имеющих печатные труды по статистике», и пр.¹⁵

Советская власть в Крыму была окончательно установлена лишь в ноябре 1920 г. Одним из первых постановлений Крымского революционного комитета был приказ от 25 ноября 1920 г. о создании Крымского статистического бюро и его уездных отделений. Уже 27 ноября 1920 г. был обнародован приказ Крымревкома №38 «О порядке производства статистических работ», в котором, в частности, обращалось внимание, что «с сего числа все статистические работы в Крыму производятся только с разрешения Статистического совета Крымского статистического бюро»¹⁶.

Сохранились данные о производстве статистических работ различными статистическими отделами и подотделами при уездных революционных комитетах на на-

чальном этапе. Например, в Государственном архиве Республики Крым (далее ГАРК) есть сводка о деятельности отделов Севуревкома (Севастопольского уездного революционного комитета. – Н.Б.) за время с 1 марта по 28 марта 1921 г.: «за текущий период Статистическим подотделом по текущей статистике были собраны и обработаны сведения по следующим трем областям народного образования: по школьной статистике, по внешкольному образованию и по отделу искусств»¹⁷.

Статистическое управление Крыма было образовано по решению I Всекрымского съезда Советов из Крымского статистического бюро, созданного по приказу Крымского революционного комитета от 25 января 1921 г. Сначала называлось «Крымское областное статистическое управление», но позже по постановлению ЦИК Крыма было переименовано в «Крымское центральное статистическое управление», которое подчинялось КрымЦИКу. Первым заведующим Крымстатбюро стал Михаил Ефимович Бененсон, известный в прошлом земский статистик¹⁸. Во многом благодаря его усилиям 20 января 1921 г. состоялась Крымская статистическая конференция, где обсуждались в основном организационные вопросы¹⁹. Им была озвучена смета на содержание Крымского статистического бюро и его уездных отделений на январь 1921 г.²⁰ (табл. 1).

Запрашиваемые суммы были внушительными, поэтому заведующему Крымстатбюро М. Бененсону эту смету пришлось отстаивать во всех инстанциях Крымревкома, отправляя многочисленные отписки на возникшие вопросы: «смета бюро составлена на основании и по расчетам ЦСУ и исчисление расходов произведено по преподанным нормам»²¹. В это же время приходили донесения об организации уездных и городских статистических бюро из разных районов Крыма. В частности, в ГАРК сохранился протокол № 49 заседания Севастопольского военно-революционного комитета от 28 марта 1921 г., где выступал тов. Рубинов, заведующий уездного/городского статбюро.

Таблица 1. Смета на содержание Крымского статистического бюро и его уездных отделений на январь 1921 г.

Статья 1. Содержание Крымстатбюро	Содержание личного состава 88 служащих	1320000
	2. Канцелярские и хозяйственные расходы	346000
	3. типографские расходы	1000000
	4. пополнение библиотеки, выписка пособий и периодических изданий	-
	5. путевое довольствие и разъезды	750000
	6. Сдельные. Счетные и сверхурочные работы	400000
	7. Статистические курсы	800000
	8. Аванс ТРАМОТУ согласно его требованиям	1500000
	ИТОГО	6116000
Статья 2. Содержание уездных, городских и районных статистических бюро	1. Содержание личного состава	1575000
	2. Канцелярские и хозяйственные расходы	390 000
	3. Путевое довольствие и разъезды	560000
	4. Сдельные. Счетные и сверхурочные работы	--
	5. Организационные расходы по городской переписи	120000
	ИТОГО	2645000
ИТОГО		8761000
Расходы на подготовительные и картографические работы по производству предстоящей в 1921 г. переписи		800000
ИТОГО по смете		9561000

Он информировал, что «организация бюро уже вполне закончена»²². В документах Ялтинского статистического бюро за 1920 год имеются сведения о лицах, принятых на должности статистиков в период проведения переписи: Новицкая Елена Тихоновна, студентка 4 курса Петровской сельскохозяйственной академии, Шлифштейн Исаак Иосифович, студент 3 курса Харьковского политехнического института, Левин Николай Петрович, студент 4 курса Ново-Александровского сельскохозяйственного института, Юдович Вольф Моисеевич, инженер-механик. В статистическом бюро работал также чертежник Хренников Вла-

димир Николаевич²³.

Оперативная организация статистических органов на губернском и уездном уровнях позволила сотрудникам Крымского статистического бюро принять активное участие в первой всероссийской переписи, состоявшейся в августе 1920 г., но в Крыму из-за событий Гражданской войны отложенной на апрель-май 1921 г. М. Бененсон высоко оценил организацию и производство этого крупного статистического мероприятия, отмечая, что результаты обследования полуострова «получены вполне удовлетворительные»²⁴. Известно также, что с 15 августа 1921 г. Крымстатбюро

участвовало в работах по обследованию 5% хозяйств полуострова, предусмотренных годичной программой ЦСУ по секции текущей сельскохозяйственной статистики²⁵.

Таким образом, несмотря на объективные сложности, вызванные революционными событиями 1917 г. и последующей Гражданской войной, новому руководству удалось в кратчайшие сроки после установления Советской власти создать единую централизованную систему статистических органов, обозначить их нормативно-правовой статус. Благодаря усилиям правительства и планомерным действиям Центрального статистического управления в тесном сотрудничестве с региональными и местными статистическими службами, в стране было проведено крупнейшее статистическое мероприятие - Всероссийская перепись 1920-1921 гг., давшее массив разнообразной информации о населении, состоянии сельского хозяйства и промышленности. В Крыму организация органов советской статистики происходила в конце 1920 - начале 1921 г. Многие сотрудники, включая первого заведующего Крымстатбюро М.Е. Бененсона, имели значительный опыт проведения статистических исследований в земских статбюро или органах госстатистики Российской империи; подобная преемственность сыграла положительную роль в организации советской статистической службы в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История российской государственной статистики: 1811-2011. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. 423 с.
- ² Советская статистика за полвека (1917- 1967). М.: Наука, 1970. 315 с.
- ³ Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.
- ⁴ См., напр.: Миронова Н.А., Блынская Е.С. П.П. Семенов-Тянь-Шанский как основатель административной статистики в России / Роль статистики в принятии управленческих решений: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2012. С. 131-133.

- ⁵ Бондарева Г.А. Становление статистики в российской провинции: середина XIX столетия – 1917 г. (на примере Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 195 с.
- ⁶ Борицки Н.Д. Эволюция государственной системы учета населения России в XVII – XIX столетиях (на материалах Курского края): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 445 с.
- ⁷ Лугачева А.Л. Организация и развитие статистического дела в Крыму (1784–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2020. 190 с.
- ⁸ Севастополь по переписи 1886 и 1887 гг. Отчет о статистических исследованиях, произведенных в 1886-1887 гг. Севастопольским городским общественным управлением. Севастополь: Типо-литография Д.О. Харченко, 1888. Б/с.
- ⁹ Ялта по однодневной переписи 15-го декабря 1892 г. (Обработано санитарным врачом г. Ялты П.П. Розановым). Симферополь: Таврическая губ. тип., 1895. 60 с.
- ¹⁰ Памятная книга Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К.А. Вернера. Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1889. 695 с.
- ¹¹ Материалы подворной переписи Мелитопольского уезда 1912 г. Вып. 1: Таблицы сведений о крестьянском населении, скотоводстве, землевладении и землепользовании. Симферополь, 1915. 479 с.
- ¹² Борицки Н. Д. Проблемы и перспективы изучения описаний Таврической губернии конца XVIII- начала XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 23-36.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 733-736.
- ¹⁴ Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 – 7 об.
- ¹⁵ ГАРК. Ф. 2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 – 6 об.
- ¹⁶ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 176. Л. 1.
- ¹⁷ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 46. Л. 183.
- ¹⁸ ГАРК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 294.
- ¹⁹ ГАРК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ²⁰ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 176. Л. 23.
- ²¹ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 176. Л. 24 – 24 об.
- ²² ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 46. Л. 298 – 300 об.
- ²³ ГАРК. Ф. 2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
- ²⁴ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 176. Л. 70.
- ²⁵ Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 179. Л. 62.

ESTABLISHMENT OF SOVIET STATISTICAL BODIES IN CRIMEA (1920 – 1921)

© 2021 N.D. Borshchik

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

The article is devoted to the initial stage of the formation of the Soviet statistical bodies. The author points out that due to the exceptional importance of statistical data for public administration, the Soviet government, despite the outbreak of the Civil War, developed the first normative acts on the creation of a statistical service back in 1918. In Crimea, the functioning of Soviet statistical bodies began only at the end of 1920 due to revolutionary events on the peninsula. The author has identified archival documents revealing the entire range of work carried out on the organization of Crimean provincial and county statistical offices. He concludes that the professional staff of Crimean statisticians, their well-coordinated actions made it possible to take part in the first All-Russian census of 1920-1921 and get quite reliable results.

Keywords: history of statistics, statistical bureau, Crimean peninsula.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-59-64

СЛУЖЕБНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ ЛЕНИНГРАДА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

© 2021 А.А. Амосова

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 04.09.2021

Статья ставит своей целью изучение норм и практик служебного поведения советской элиты СССР в 1945-1950 гг. Основное внимание уделено политическим биографиям председателей органов местного самоуправления Ленинграда - Советов. Исследование опирается на методы устной истории и истории эмоций. Источниковой базой выступают документы из архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Крыма. Поколение ленинградских руководящих кадров пришло на государственные должности в конце 1930-х годов, после репрессий «большого террора». Представители советской элиты прошли проверку своих профессиональных навыков во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, они руководили форсированным послевоенным восстановлением народного хозяйства. В конце 1940-х годов эти люди стали жертвами так называемого «ленинградского дела».

Ключевые слова: Советская элита, поздний сталинизм, Ленинград, Ленинградское дело, история эмоций, повседневность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-65-83

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-78-00060).*

Целью данного исследования является анализ служебной повседневной жизни советской элиты Ленинграда и Ленинградской области в 1945-1950 гг. В статье данная проблематика будет рассмотрена с точки зрения ее политического, социального и эмоционального компонентов. Введение политического контекста будет способствовать выявлению специфики деятельности местных органов государственной власти – Советов в изучаемый период, а также позволит добавить новые штрихи к пониманию причин «Ленинградского дела». Анализ социального компонента позволит выявить социальные роли и служебные статусы, изучить характер и направленность деловых контактов в среде советских работников Ленинграда эпохи сталинизма. Исследование эмоциональных стандартов позволяет

индивидуализировать личностные черты представителей советской элиты. В результате служебной деятельности чаще всего возникают следующие виды эмоций: *практические* – вызванные успешностью или неуспешностью деятельности; *коммуникативные* – обусловленные служебным общением; *глотические* – связанные с потребностью в самоутверждении и признании.

Историография и источники

Служебная повседневность советской элиты Ленинграда и Ленинградской области 1945-1950 гг. изучена недостаточно. Исследования зарубежных ученых, по преимуществу англо-американских, посвященные кадровым вопросам сталинской эпохи, истории Ленинграда послевоенного периода, начались задолго до отечественных и не испытали влияния цензурных ограничений и табу¹. В этих работах ощутимо идеологическое влияние периода «холодной войны»,

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории СПбГУ. E-mail: a.amosova@spbu.ru

что проявляется в критических оценках политики Сталина и советской системы.

Изучение биографий руководства Ленинграда военного и послевоенного периодов берет начало с конца 1980-х гг., в рамках исследований по «Ленинградскому делу», проходивших на первых порах под контролем со стороны партии². В 1980-е годы появились газетные публикации, посвященные осмыслению причин репрессий, представившие биографические сведения об основных фигурантах³. Были предприняты попытки комплексно проанализировать деятельность ленинградских советских и партийных функционеров в связи с изучением «Ленинградского дела»⁴.

После распада Советского Союза появились работы о партийно-хозяйственной номенклатуре как социальном классе⁵. Своеобразную группу составляют воспоминания-исследования, созданные детьми первых лиц Ленинграда и страны 1940-х годов. Эти публикации стали следствием закономерного стремления родственников видных деятелей того времени разобраться в причинах трагических событий ушедшей эпохи, в том числе на основе собственных воспоминаний и впечатлений⁶.

Появились биохроники и тематические словари, содержащие краткую информацию о политической деятельности ленинградского руководства⁷.

Современное осмысление политической роли ленинградского руководства с точки зрения новых исторических источников нашло отражение в работах целого ряда российских исследователей⁸. Данные научные публикации рассматривают деятельность советской элиты сквозь призму мероприятий, реализованных под руководством советских и партийных работников Ленинграда.

В новейших исследованиях англо-американских ученых отчетливо проявляются четыре ключевых подхода к оценке причин «Ленинградского дела»: идеологический⁹, националистический (или «руссоцентристский»)¹⁰, «ленинградский»¹¹ и «бюрократи-

ческий» (патрон-клиентский)¹².

В начале XXI века «исследовательский голод» был утолен, однако это привело к появлению значительного количества работ, которые сделали ставку на громкий эффект публикуемого «материала», подкрепленного скудным количеством исторических источников, недобросовестно истолкованных¹³. Неспособность этих авторов выполнить объективное исследование, возможная ангажированность неизбежно привели их на путь тенденциозности, к созданию книг, рассчитанных на шумную сенсацию¹⁴. Схожие тенденции проявились и в новейших научных публикациях, увидевших свет в российских регионах¹⁵.

После распада СССР в России активно развиваются исследования, посвященные культурологии повседневности. Однако научная традиция изучения образа жизни отдельных социальных групп общества реализуется со второй половины XIX в. Теоретические аспекты культуры повседневности находят рассмотрение в работе Лукова М.В.¹⁶ В начале XXI в. появилось значительное количество исследований, освещающих повседневную жизнь советских людей: работы Е.Ю. Зубковой, Н.Б. Лебиной, А.Н. Чистикова, В.Л. Пянкевича, Ф.К. Ярмолича¹⁷.

Вкладом в осмысление бытовой и служебной повседневности советской элиты 1930-х - начала 1950-х годов стало исследование Т.Н. Никаноровой¹⁸. Автор вводит в научный оборот комплекс документов Комиссии партийного контроля, деятельность которой смело сравнивает с закрытым «сословным судом». Т.Н. Никанорова показывает, что документы КПК – источник противоречивый и не всегда достоверный¹⁹.

История эмоций, или эмоциология, считается изобретением XX в., хотя отдельные ученые прослеживают предпосылки возникновения данного научного дискурса в середине XIX в. или даже в более ранний период. Однако стоит констатировать, что исследованию истории СССР с точки зрения методов эмоциологии посвящено относительно небольшое количество работ²⁰.

В данной статье в дополнение к материалам нормативно-правового и делопроизводственного характера представлен комплекс источников личного происхождения о жизни и политической деятельности руководящих работников Ленинграда и Ленинградской области за 1945-1950 гг.: материалы личных дел, устной истории (на основе серии интервью с родственниками), анализ фоно- и фотоизображений из архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Республики Крым.

Нормы служебного поведения 1930-х - 1940-х годов

Социокультурные нормы применительно к разным обществам и формам политического устройства представляют собой систему стандартов общественно одобряемого и ожидаемого поведения, способствующую поддержанию стабильности в обществе.

Как известно, нормы могут быть формализованными («писаными»), т.е. зафиксированными в нормативных документах, и неформализованными («неписаными»), утвердившимися в традициях, обычаях. Контроль за соблюдением первых осуществляется благодаря судебному праву, вторых - реализуется благодаря общественному мнению (одобрению или осуждению).

В СССР в 1930-е - 1940-е годы формализованные аспекты нормативного служебного поведения руководящего советского работника, члена партии, определяли: Конституция 1936 г.²¹, Программа и Устав ВКП(б), Краткий курс истории ВКП(б), нормативные документы ЦК ВКП(б)²².

Указанные источники устанавливают требования к нормативному поведению (обязанности) государственного руководителя, которые предполагали: соблюдение трудовой и государственной дисциплины²³, соблюдение принципа демократического централизма²⁴, использование критики и самокритики²⁵, поддержание связи с трудящимися массами²⁶.

Соблюдение трудовой и государственной дисциплины означало, с одной стороны, обя-

зательное исполнение участниками трудовых правоотношений установленного порядка в организации и повышение деловой квалификации, с другой - точное и своевременное выполнение должностными лицами важнейших задач местного хозяйственного и культурного строительства²⁷, проведение на практике политики партии и решений партийных органов²⁸. Обязательным было соблюдение принципа субординации по отношению к вышестоящим коллегам.

Принцип демократического централизма требовал от глав городского и областного советов строгой субординации и другого рода: исполнения решений Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, деятельность в соответствии с Конституцией 1936 г.²⁹

Критика и самокритика считались важнейшим средством улучшения партийной и государственной работы, подразумевали выявление ошибок и недостатков в деятельности учреждений, организаций или отдельных лиц, помогали развернуть решительную борьбу за их устранение³⁰; открытое и честное признание своих ошибок³¹. Критика и самокритика были инструментом контроля за деятельностью партийной и советской элиты, а также населения страны в целом. Критика со стороны коллектива в форме обсуждения на партийных собраниях могла привести к уничтожающим последствиям для критикуемого, вплоть до увольнения с работы, исключения из партии, передачи дела в суд, не говоря уже о том моральном дискомфорте и стрессе, которые должен был испытать человек в процессе коллективного обсуждения его «ошибок». Стандартом поведения «критикуемого» на таких собраниях была самокритика: следовало раскаяться, рассказать правду, указать товарищам на причины своего морального падения, попросить об искуплении вины.

Принцип связи с трудящимися массами требовал от государственного руководителя умения прислушиваться к нуждам, учить и учиться у рабочего класса³². Исполнение данного пункта предполагало значитель-

ную доступность и простоту в общении советского работника, дабы не покрыться «бюрократическим налетом»³³.

Основной закон 1936 г. дает характеристику ненормативным поведенческим практикам (не только руководящего работника, но и любого гражданина СССР): «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа... Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж...»³⁴.

Теперь предпримем попытку охарактеризовать неформализованные нормы советской эпохи, распространявшиеся на советскую элиту. Система политического руководства СССР, сложившаяся незадолго до войны – в конце 1930-х годов, предполагала по сути единоличное руководство страной со стороны И.В. Сталина³⁵, в 1934–1952 гг. занимавшего должность секретаря ЦК ВКП(б). Такую форму государственного устройства в исторической литературе именуют по-разному: авторитарной, нэопатримониальной³⁶, социалистической монархией... Суть остается неизменной: к концу 1930-х годов И. В. Сталин создал систему, при которой принятие всех ключевых решений руководства страной было его личной прерогативой. Помимо официальных выступлений «политическая воля» вождя, определявшая нормативное поведение руководящего работника, транслировалась в форме высказываний, записок и даже в форме тостов.

Сам вождь выступал в качестве эталона нормативного поведения руководящего работника. Одними из главных неписаных сталинских норм были внешняя скромность и аскетизм советского лидера. Возникновение данной нормы было связано с образом жизни самого И.В. Сталина, не одобрявшего бытовые излишества.

Вождь навязывал своим кадрам ненормированный рабочий график: «Не вполне здоровый образ жизни – в том числе ночной, ... он навязывал едва ли не всему

партийному и государственному аппарату страны...»³⁷. На правительственных дачах советских работников стояли «вертушки» – телефонные аппараты закрытой правительственной телефонной связи. В любое время дня и ночи руководитель должен быть готов приступить к выполнению ответственного служебного задания.

В качестве поощрения и мотивации советские и партийные работники получали от государства значительные преференции, позволявшие им и их семьям жить гораздо более благополучно по сравнению с рядовыми членами советского общества: просторные квартиры и уютные дачи, обставленные добротной казенной мебелью, особое продовольственное снабжение, качественное медицинское обслуживание. Руководящие советские и партийные работники имели в своем распоряжении служебный автомобиль с водителем (иногда и не один), в хозяйстве могла быть кухарка, помощница по хозяйству.

Партийное товарищество как общественная норма советского времени после утверждения культа личности И.В. Сталина получила формальный статус: из понятия, обозначающего отношения между партийцами-единомышленниками, становится универсальным обращением к свободному человеку, вне зависимости от его должностного статуса. Отсутствие данного обращения в официальных документах, газетных публикациях, как правило, указывало на то, что данный человек находится вне советского нормативного поля, свидетельствовало о политической дискредитации³⁸.

Еще одной неписаной нормой можно считать любовь к вождю, веру в непогрешимость, мудрость и справедливость, исходившие от товарища Сталина.

Практики служебного поведения

Ленгорсовет и Леноблсовет были высшими органами советской власти Ленинграда и области, обладавшими особым статусом по сравнению с советами других городов страны. Эти структуры были одновремен-

но и типичны, и нетипичны для советской системы: в качестве второго по значению города СССР Ленинград занимал привилегированное положение, а ленинградские местные органы государственной власти имели прямые связи с Советом Министров РСФСР в Москве. На практике это означало, что в вопросах развития промышленности, жилищно-коммунальной сферы и других Ленинград имел ряд преимуществ³⁹. Статус партийно-советского аппарата города на Неве можно сравнивать скорее со столичным, чем с региональным. Деятельность советских структур по отношению к партийным всегда носила второстепенный, негласно подчиненный характер. Это проявлялось в дублировании функционала, а также в хозяйственно-распорядительном, прикладном уклоне, свойственном советам.

Руководящим государственным работником в сталинское время не мог стать беспартийный. Вступление в партию происходило по предложению партийной ячейки и без широкого одобрения кандидатуры было попросту невозможно. Перед тем как стать членом партии, необходимо было успешно пройти продолжительный «кандидатский срок» с целью проверки на идейную и моральную пригодность: с мест прежней работы на кандидата запрашивались характеристики.

Вступивший в ряды партии вместе с членским билетом получал доступ к новым возможностям для социального, профессионального и личностного развития: «Если хочешь быть начальником, ты должен быть коммунистом»⁴⁰. Прежде всего создавались благоприятные условия для получения образования, в том числе и высшего (через рабфак), «в счет партийной тысячи» коммунистов направляли в лучшие вузы страны. Рабочие факультеты в 1920-1930-е годы осуществляли подготовку в вузы молодежи, своевременно не получившей среднего образования. Эта система была законодательно оформлена декретом СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 г.⁴¹ Молодые коммунисты с вузовским об-

разованием могли претендовать на получение руководящего поста, а также на скорое продвижение по карьерной лестнице. Тем не менее далеко не все коммунисты стремились получить высшее образование: «В 1940 г. ...в ленинградской партийной организации доля коммунистов с высшим образованием составляла всего 9,8 %»⁴².

Несмотря на декларируемые прозрачность и демократизм выборной системы СССР на высокую должность положительно зарекомендовавшего себя коммуниста должны были «выдвинуть» авторитетные вышестоящие работники. Практика назначения в различных его проявлениях - от прямого назначения до рекомендации и утверждения - стала активно применяться начиная с 1920-х годов и была важнейшим условием при выборе советских и партийных руководителей⁴³. При отборе кандидатур учитывалось многое: происхождение (рабоче-крестьянское), взгляды (колебания в проведении линии партии, участие в оппозициях, подвергался ли репрессиям, был ли в плену⁴⁴), политическая активность (анализ послужного списка, участие в выборных органах). Принималось в расчет и семейное положение (наличие семьи и детей) – руководитель должен быть образцовым гражданином и порядочным семьянином.

После убийства С.М. Кирова в 1934 г. и последовавшими за этим масштабными репрессиями многие руководящие посты в Ленинграде стали вакантными. Его преемником на посту первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП (б) стал А.А. Жданов, политик, входивший в ближнее окружение И.В. Сталина. Он «...тогда совершенно не знал ленинградские кадры»⁴⁵, будучи переведен в город на Неве из Горького (Нижнего Новгорода), поэтому на ответственную работу в возглавляемом им аппарате, А.А. Жданов выдвинул группу молодых коммунистов, выходцев из регионов, рабоче-крестьянского происхождения, с опытом руководящей работы на низовом уровне.

В этот период на руководящие посты были выдвинуты: уроженец Владимирской

губернии П.С. Попков (с 1937 г. - председатель Ленинского районного совета депутатов трудящихся города Ленинграда⁴⁶), Акмолинской (Казахстан) – П.Г. Лазутин (с 1937 г. – заведующий советско-торговым отделом Ленинградского горкома ВКП(б) г.⁴⁷), Нижегородской – Н.В. Соловьев (с 1937 г. - секретарь Ленинградского обкома ВКП(б)⁴⁸), Тверской – И.С. Харитонов (с конца 1930-х годов – первый секретарь Приморского райкома ВКП(б) в Ленинграде⁴⁹), уроженцем Ленинградской области был И.Д. Дмитриев (с 1939 г. – секретарь Лужского райкома ВКП(б)⁵⁰). В ноябре 1941 г. на пост директора Ижорского завода под Ленинградом был назначен молодой коммунист, уроженец Тамбовской губернии – Андрей Алексеевич Кузнецов⁵¹ и многие другие. С 1939 по 1950 г. эти люди будут находиться во главе советских органов власти в Ленинграде и области.

«Созданная именно в 1936-1939 годах ленинградская команда Жданова во время войны вынесет на своих плечах все 872 дня блокады, а многие выходцы из нее будут работать на ключевых постах военной экономики СССР»⁵². В конце 1940-х - начале 1950-х годов они стали жертвами политических репрессий по «Ленинградскому делу», в материалах Центрального Комитета именуемого также «Делом о ленинградских работниках»⁵³.

После окончания войны перед органами советской власти Ленинграда стояли задачи по руководству скорейшим восстановлением народного хозяйства. В должности председателя исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся находился Петр Сергеевич Попков, занявший пост еще в 1939 г. В Смольном его за глаза называли «цыганом»⁵⁴ за темные волосы и смуглый оттенок кожи. Многие коллеги отмечали, что человеком он был простым, доброжелательным, демократичным, обладал чувством юмора⁵⁵.

Графологический анализ⁵⁶ подписи П.С. Попкова позволяет судить об авторе как о человеке обстоятельном и настойчивом;

заметный наклон букв вправо встречается у экстравертов - людей, склонных к открытому выражению эмоций; широкие горизонтальные черты свойственны энтузиастам, а заостренность линий указывает на честолюбивый характер (рис.1).

The image shows a handwritten signature in dark ink. The signature is written in a cursive style with a prominent upward curve at the end. To the right of the signature, the name 'П.С. Попков.' is printed in a standard Cyrillic font.

Рис. 1. Подпись П.С. Попкова, поставленная им в январе 1946 г. в заявлении-согласии баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР ⁵⁷

Опыт руководства городом в экстремальных военных условиях способствовал превращению председателя Ленгорисполкома из молодого выдвиженца в опытного профессионала, о чем свидетельствует его критическая манера ведения заседаний исполкома Ленгорсовета⁵⁸. Несмотря на высокий пост и опыт публичных выступлений, П.С. Попкову не всегда удавалось ясно и четко выражать свои мысли. Эту черту острый на язык А.А. Жданов охарактеризовал как «типичное не то»⁵⁹.

В указанный период одной из негласно закрепленных за П.С. Попковым обязанностей стало выполнение репрезентативных функций от лица всего Ленинграда⁶⁰. Возможно, причиной тому был не только высокий должностной статус, но и внешняя привлекательность: «Попков был очень симпатичный»⁶¹ (рис. 2).

В официальных выступлениях П.С. Попкова нередко звучит гордость за Ленинград и за успехи на доверенном ему участке работы – в городском хозяйстве («ощутимые успехи», «успешно и досрочно», «значительными достижениями»⁶²). В этих докладах проявляется и любовь к своему городу: «Все краше и благоустроеннее становятся улицы и проспекты нашего города»⁶³, «...сделать Ленинград еще лучше...»⁶⁴. Ленинградский патриотизм оказался свойственен большинству советских и партийных руководителей бло-

Рис. 2. Госпожа К. Черчилль и П.С. Попков у карты.
9 апреля 1945 г. Ленинград (ЦГАКФФД СПб)

кадного времени: «В годы войны любовь к родному городу пропагандировалась из Москвы по всей стране. Но в Ленинграде городской патриотизм имел более плодородную почву и стал ядром региональной идентичности»⁶⁵, что впоследствии явится основой для обвинения в сепаратизме.

В 1944 г. заместителем председателя Ленгорисполкома стал Петр Георгиевич Лазутин, в противоположность своему патрону человек неулыбчивый, скромный, серьезный и молчаливый, погруженный в работу⁶⁶ (рис. 3).

Рис. 3. Петр Георгиевич Лазутин, первая половина 1940-х годов⁶⁷

По свидетельствам современников, между председателем и его замом сложились крепкие служебные отношения, они даже бывали в гостях друг у друга вместе с семьями⁶⁸. Коллеги и родные в шутку называли их Петр I и Петр II⁶⁹. Графологический анализ подписи Лазутина характеризует ее автора как человека обстоятельного и целеустремленного. Геометрическая выдержанность и сбалансированность почерка свидетельствуют об уравновешенности, волевом характере личности. В подписи преобладают вертикальные линии, что чаще всего встречается в почерке людей, избегающих открытого проявления чувств и эмоций, интровертов (рис. 4).

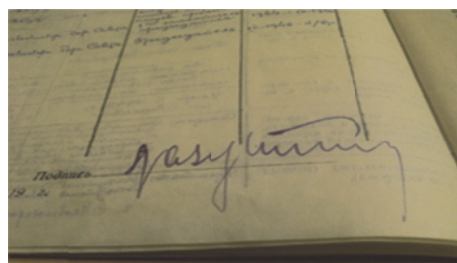

Рис. 4. Подпись П.Г. Лазутина, 1946 г.⁷⁰

С 1938 г. на посту председателя Ленинградского областного исполнительного комитета находился Николай Васильевич Соловьев, человек прямой, решительный и требовательный, прежде всего к себе⁷¹. Н. В. Соловьев был третьим по значению руководителем в Ленинграде после первого секретаря Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Алекс. Алекс. Кузнецова и П.С. Попова. О хорошем эмоциональном контакте между председателями исполкомов областного и городского советов свидетельствуют их совместные фотоизображения, запечатлевшие непринужденность, спокойствие, неформальный характер общения персонажей снимка (рис. 5).

Работу Н.В. Соловьева по руководству восстановлением сельского хозяйства в Москве оценивали как успешную. Так, в феврале 1946 г. в знак признания высоких результатов Ленинградской области в соревновании областей, краев и республик за высокий урожай в 1945 г. председателю Ле-

Рис. 5. Л.А. Говоров, Н.В. Соловьев, П.С. Попков. Ленинградская область. 1945 г.⁷²

ноблисполкома было вручено переходящее Красное знамя Совнаркома СССР⁷³. Подробный анализ задач послевоенного восстановления и развития сельского хозяйства Ленинградской области Н.В. Соловьев представил в серии докладов⁷⁴.

Деятельность по восстановлению народного хозяйства, разрушенного в годы войны, можно было назвать работой «на износ»: заданные высокие темпы, жесткий контроль со стороны правительства СССР и ЦК ВКП(б) создавали напряженную рабочую атмосферу. О высокой занятости отцов сообщают дети советских и партийных работников: «очень мало виделись – поздно приходил»⁷⁵, «...я знаю его только работающим... он даже в выходные всегда что-то писал, бумагами был завален весь кабинет, много курил ... работал без отпусков»⁷⁶. Курение как специфический способ снять нервное напряжение было широко распространено в то время. Данная привычка не была общественно порицаемой, ведь курил и сам И.В. Сталин.

Ленинградские руководители не были кабинетными работниками. Деятельное участие в решении различного уровня сложности рабочих проблем и вопросов как

стиль служебной повседневности сформировался в среде ленинградского руководства в период войны и блокады, когда они занимали ответственные посты в городском руководстве: П.С. Попков и Н.В. Соловьев с 1 июля 1941 года входили в состав комиссии по вопросам обороны Ленинграда – «большой пятерки» (комиссия по вопросам обороны Ленинграда), П.Г. Лазутин с 1941 г. – секретарь Ленинградского горкома по пищевой промышленности⁷⁷, а И.С. Харитонов (будущий преемник Н.В. Соловьева на посту председателя Леноблисполкома) – в военные годы был секретарем Ленинградского обкома ВКП(б).

Воспоминания коллег, родственников, фотоизображения свидетельствуют о том, что и в послевоенный период они были на виду, часто выезжали на мероприятия, встречались с трудящимися⁷⁸. В 1945–1946 гг. П.С. Попков успешно демонстрировал пример практической реализации сталинского принципа «связи с массами» (репрезентативные функции). Дочь П. Г. Лазутина, Наталья Петровна, так характеризует работу отца в послевоенный период: «Папа очень любил Ленинград и ленинградцев и очень хотел как можно больше сделать для восстановления города, промышленности, для улучшения жизни...»⁷⁹ (рис. 6).

Рис. 6. П.Г. Лазутин на закладке памятной доски в основание монумента Н.Г. Чернышевскому⁸⁰

Младшая дочь Н.В. Соловьева – Клара Николаевна, вспоминает, что ее отец, уже после переезда в Крым (в связи с новым назначением) никогда не ездил на работу на автомобиле – ходил пешком, по ленин-

градской привычке не любил засиживаться в кабинете⁸¹.

В послевоенный период многие руководящие работники Ленинграда получили повышение по службе как знак высокой оценки их работы в годы войны и блокады. В 1946 г. депутатами Верховного Совета СССР второго созыва были избраны П.С. Попков, Н.В. Соловьев (в Совет Союза) и в 1947 г. - П.Г. Лазутин (в Совет Национальностей⁸²).

В марте 1946 г. П.С. Попков, благодаря протекции А.А. Жданова⁸³, был назначен первым секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), новым главой Ленинграда по партийной линии. Однако на эту должность, в соответствии с принятой в то время практикой претендовали двое заместителей прежнего руководителя: второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустин и второй секретарь обкома И.М. Турко.

Менее удачливые коллеги не признали за П.С. Попковым реального права на занимаемый пост и продолжили согласовывать свою работу с прежним шефом – А.А. Кузнецовым, возглавившим в 1946 г. Управление кадров ЦК ВКП(б). П.С. Попков с обидой вспоминал: «...Меня обходили, считали, что я партийной работы не знаю. Потом приходили ко мне и докладывали: ...“Алексей Александрович так рекомендует”»⁸⁴.

С 26 февраля 1946 г. П.Г. Лазутин возглавил Ленгорисполком⁸⁵. Новое назначение он воспринял с удовлетворением⁸⁶, как заслуженную высокую оценку своей работы и профессиональных качеств. Ходили слухи, будто бы его даже планировали перевести в Москву на пост министра пищевой промышленности⁸⁷, но назначение не состоялось, чему он был искренне рад: не хотел уезжать из Ленинграда.

В 1947 г. председатель Ленгорисполкома выступил на митинге, приуроченном к 800-летию Москвы⁸⁸. Сохранившаяся фонозапись позволяет оценить ораторские качества П.Г. Лазутина и его эмоциональное состояние во время выступления. Волнение докладчика становится очевид-

ным в результате нескольких оговорок и последовавшего усиления громкости голоса. В своей речи Лазутин делает акцент на роли русской нации в истории страны: «русский народ», «русские земли», «русской нации»⁸⁹.

Такие пассажи встречались в выступлениях и других ленинградских руководящих работников послевоенного периода. Возможно, их вдохновил знаменитый тост Сталина на кремлевском приеме в мае 1945 г. о выдающейся роли русской нации в истории страны. «Ленинградцы» могли расценить эти слова как новый вектор сталинской идеологической политики. В этот период, с подачи А.А. Жданова, на вполне официальном уровне обсуждалась идея создания республиканского бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР с центром в Ленинграде. На то имелись веские основания: собственные компартии существовали во всех союзных республиках, кроме России. И если создавать такое бюро, то почему бы не разместить его в Ленинграде, второй столице и городе трех революций?

Выступление П.Г. Лазутин завершает здравицей в честь И.В. Сталина: «да здравствует вождь и учитель советского народа, великий Сталин»⁹⁰. Общественная демонстрация любви к вождю была не просто общепринятой нормой, а необходимым требованием системы. Эта любовь была симбиозом пиетета и страха, страха утратить политическое доверие вождя, что могло иметь далеко идущие последствия: начиная от «предупреждения» и завершая «исключением из партии»⁹¹.

В послевоенный период П.Г. Лазутин удостоивается личной аудиенции И.В. Сталина⁹²: успехи ленинградской промышленности были очень значительными - хотелось поделиться⁹³. Однако встреча прошла не столь удачно, как ожидалось. Сам председатель вспоминал: «Товарищ Сталин сказал, что: “Вы не занимаетесь развитием топливной базы”»⁹⁴.

Повышение по партийной линии состоялось после войны и у Н.В. Соловьева: на

XVII пленуме Крымского областного комитета ВКП(б), состоявшемся 30-31 июля 1946 г. в Симферополе, он был избран первым секретарем Крымской партийной организации (рис. 7).

Рис. 7. Н.В. Соловьев.
Фото из личного дела
председателя Крымского
областного комитета ВКП(б), 1946 г.⁹⁵

Есть мнение, что на высокую должность его продвинул А.А. Кузнецов, с которым были хорошие служебные отношения по прежней работе в Ленинграде. В своей автобиографии он напишет: «С 1935 г. моя работа проходила на виду и под руководством тов. Кузнецова А.А.»⁹⁶.

С 16 июля 1946 г. его преемником на посту председателя Леноблисполкома стал бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), Илья Степанович Харитонов⁹⁷. Его дочь, Элла Ильинична, вспоминает об отце как о человеке активном, трудолюбивом, внимательном⁹⁸ (рис. 8).

Перед новыми главами Ленинградских городского и областного советов были поставлены задачи по руководству восстановлением народного хозяйства в рамках ут-

Рис. 8. И.С. Харитонов
во второй половине 1940-х годов⁹⁹

вержденного в марте 1946 г. IV пятилетнего плана на 1946-1950 гг.¹⁰⁰

После смерти А.А. Жданова в августе 1948 г. ленинградская группа лишилась своего защитника и покровителя перед лицом И.В. Сталина. Вдобавок к этому раскол, возникший в среде соратников, сделал ленинградцев уязвимыми для политических конкурентов в лице Л.П. Берия и Г.М. Маленкова. Место А.А. Жданова в качестве идейного лидера Ленинградской партийной организации попытался занять его главный протеже – А.А. Кузнецов. В свою очередь, П.С. Попков, страдавший от скрытого служебного саботажа, предложил председателю Госплана Н.А. Вознесенскому взять шефство над Ленинградом¹⁰¹. Этот поступок можно расценивать как неловкую попытку политической интриги, целью которой было обретение нового покровителя взамен Жданова. Опрометчивость Попкова была самым радикальным образом истолкована в ходе фабрикации «Ленинградского дела».

Формальным поводом к организации «Ленинградского дела» послужил анонимный донос, поступивший в ЦК ВКП (б) вскоре после Ленинградской X областной и VIII городской партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 г.¹⁰² Один из членов счетной комиссии сообщил о подтасовке результатов выборов: избирались новые составы Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). После проверки выяснилось, что несмотря на объявление результатов единогласными против П.С. Попкова было подано четыре голоса, П.Г. Лазутина — два; небольшое количество голосов было подано против Я.Ф. Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф. Бадаева, и это из более тысячи голосов, отданных в поддержку делегатов¹⁰³. Объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время даже тогда, когда кандидаты избирались лишь подавляющим большинством¹⁰⁴.

Еще одним эпизодом, вплетенным в канву «Ленинградского дела», стала организация Ленгорисполкомом Всесоюзной оптовой ярмарки в Ленинграде 10-20 января 1949 г. Всероссийская ярмарка фактически получила статус всесоюзной в связи с участием представителей Казахстана, Грузии, Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии. Мероприятие было проведено во исполнение Постановления Бюро Совмина СССР от 11 ноября 1948 г. «О мероприятиях по улучшению торговли», не содержавшего никаких гласных ограничений для участия союзных, автономных республик, национальных округов, краев, областей¹⁰⁵.

Фабрикация уголовного «дела» началась еще до 1949 г.: «Попавший в список ощущал, что чья-то рука организует для него служебные неприятности... Он становился нервным, терял деловые качества, и уже сам прибавлял просчеты»¹⁰⁶. Один из коллег виделся с Попковым в Смольном незадолго до его снятия с занимаемых постов: «За столом Кирова и Кузнецова сидел больной человек. Особенно поразили меня

его бегающие глаза и какая-то жалкая, вызывающая к снисхождению улыбка потерянного человека»¹⁰⁷.

Ранее остальных своего поста лишился И.С. Харитонов (в декабре 1948 г.). Он был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б). С этого времени и до ноября 1949 г. (до ареста) Харитонов был слушателем Курсов секретарей обкомов и председателей облисполкомов при ЦК ВКП(б). Направление на такие курсы зачастую давалось для того, чтобы оторвать обвиняемого от прежнего окружения, изолировать, чтобы потом беспрепятственно его арестовать. В один из приездов домой во время такого обучения И. С. Харитонов сказал своей дочери Элле: «Ты не верь ничему, я не виноват»¹⁰⁸.

В 1948 г. его преемником на посту председателя Леноблисполкома стал Иван Дмитриевич Дмитриев. До партийной работы он был школьным учителем в Луге¹⁰⁹. В годы войны - секретарем Лужского райкома ВКП(б), возглавлял партизанское движение в Лужском районе.

15 февраля 1949 г. появилось Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О снятии с должностей А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова»¹¹⁰. В вину П.С. Попкову, вменялись: антигосударственные действия в связи с организацией ярмарки в Ленинграде¹¹¹, а также то, что Попков не стремился обеспечить связь Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), встав на путь обхода ЦК партии и «рваческих комбинаций», проводимых через различных самозванных «шефов» Ленинграда.

22 февраля 1949 г. на объединенном пленуме Ленинградских обкома и горкома партии, посвященном обсуждению данного постановления, П.С. Попкову было дано слово. Следуя советскому принципу самокритики, в своей речи он попытался объяснить причины своего «провала», оправдаться, но в конечном итоге только добавил оснований для обвинения. Первый секретарь Ленинградских обкома и горкома не скрыл, что высказывался за создание Компартии России, полагая, что тем самым облегчит

работу Центральному Комитету¹¹². Ответственность за проведенную в январе 1949 г. Всесоюзную оптовую ярмарку, он малодушно переложил на своего прежнего зама и товарища П.Г. Лазутина¹¹³.

Нелицеприятно высказывался П.С. Попков и о Я.Ф. Капустине, указывая на его тягу к спиртному. После своего выступления, окончательно деморализованный и дискредитированный в глазах коллег, глава Ленинграда не вернулся в президиум, а неловко спустился в зал. В ответ Я.Ф. Капустин упрекнул начальника в сибаритстве и лени: «...вы барином стали. Вы большущий барин... товарищ Попков треть года болел...»¹¹⁴. Объединенный пленум постановил снять П.С. Попкова с занимаемого поста с объявлением выговора. Его, как и многих снятых с постов «ленинградцев», направили на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б).

О постановлении Политбюро были проинформированы и другие партийные организации. Объяснительная записка зав. Особым сектором Крымского обкома ВКП(б) В. Симарзина описывает реакцию на Постановление первого секретаря Крымской партийной организации Н.В. Соловьева: «При мне Соловьев раскрыл протокол... и когда дошел до параграфа об антипартийном поведении Кузнецова, Попкова, Родионова и сразу изменился в лице, находясь некоторое время в оцепенении, сразу растерялся... находился в возбужденном состоянии и заявил, что «у меня с Кузнецовым было несколько стычек еще по Ленинграду, что он не раз слышал от Кузнецова очень непристойные высказывания в адрес Берия Л.П., что когда он узнал о том, что Попкова утвердили секретарем Ленинградского ГК и обкома, он (Соловьев) был крайне удивлен»... я такое неуравновешенное состояние Соловьева видел впервые»¹¹⁵.

16 июня 1949 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) своего поста лишился и П.Г. Лазутин¹¹⁶. После того как его сняли с работы, он не пал духом, хотел, чтобы его послали работать на малую

родину - в Алма-Ату¹¹⁷. Вероятно, оптимизм, который он демонстрировал в кругу близких, был не совсем искренним и объяснялся намерением скрыть переживания от жены и дочери. Проницательный и опытный сталинский руководитель мог догадываться о последствиях.

Пост председателя Ленгориполкома в июне 1949 г. занял Андрей Алексеевич Кузнецов, пробывший в должности недолго – до июля 1950 г.¹¹⁸ Сохранившиеся фотоизображения А.А. Кузнецова позволяют заключить, что он был человеком уравновешенным, скрытным, ответственным, уверенным в своих силах (рис. 9).

Рис. 9. Фото Кузнецова А.А.

Конец 1940-х – начало 1950-х годов¹¹⁹

5 августа 1949 г. Н.В. Соловьев был срочно вызван в Москву, где был снят с занимаемого поста¹²⁰. Его супруга, Вера Андреевна, позже вспоминала: «Четвертого августа неожиданно позвонил из Симферополя Николай Васильевич. Голос, как мне показалось,

тревожный: “Меня срочно вызывают в ЦК. Вылетаю завтра. Может, встретимся в Москве?” Ничего страшного не подозревая, я говорю: “Сейчас выехать не могу: у Клэрочки [дочери] на днях экзамен. Позвони, пожалуйста, из Москвы”. – “Хорошо...” Это был наш последний разговор»¹²¹.

Летом - осенью 1949 г. большинство выходцев из Ленинградской партийной организации, фигурантов «Ленинградского дела», были арестованы, а в квартирах, где проживали семьи, проведены обыски. Сейчас в научной и околону научной литературе активно обсуждается вопрос о том, имело ли место злоупотребление служебным положением в среде ленинградского руководства 1940-х годов? Отметим, что банкеты и подарки должностным лицам в советское время были неотъемлемой частью корпоративной нормы. На формализованном нормативном уровне постановление СНК СССР № 11 от 2 января 1945 г. «О запрещении расходования средств на устройство банкетов» ставило целью ограничение банкетной кампании. Однако организация банкетов в Москве, в Правительстве СССР и ЦК ВКП(б) в 1946-1949 гг., сигнализировала коммунистам на местах, что банкеты продолжают оставаться неформализованной нормой¹²². Достоверных сведений о ценных подарках руководящим работникам Ленинграда обнаружить не удалось. Имеются свидетельства лишь о том, что в 1949 г. во время визита первого секретаря Ленинградского обкома и горкома П.С. Попкова в Псков «устроили в честь его приезда обед, а затем за счет облисполкома преподнесли ему в подарок два ящика яблок и ящик сметков»¹²³.

Об отсутствии бытовой роскоши рассказывают многие дети первых лиц Ленинграда¹²⁴. Тем не менее достаток старались не выставлять на показ: «В 1946-1947 гг. бедность в стране была, мама сшила мне три платья», - рассказывает дочь И.С. Харитонova, - но я стеснялась их носить»¹²⁵. В процессе обысков выяснилось, что почти все имущество - с инвентарными номерами, а из личных вещей - в основном книги и пра-

вительственные награды.

В течение почти года шло следствие, а на практике - пытки и избиения, применение мер психического воздействия к обвиняемым. 30 сентября 1950 г. в Ленинграде в числе основной группы обвиняемых по «Ленинградскому делу» П.С. Попков и П.Г. Лазутин были приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания - расстрелу. Всего в Ленинграде было расстреляно 6 человек, в том числе: Алекс. Александр. Кузнецов, Н.А. Вознесенский, Я.Ф. Капустин, М.И. Родионов. Расстрелы других фигурантов «Ленинградского дела», в частности Н.В. Соловьева, И.С. Харитонova, были произведены в Москве в период с 28 по 31 октября 1950 г. Приговор основывался на обвинении по ст. 58 УК РСФСР: изменники Родины, шпионы, подрывники-диверсанты. В ноябре 1950 г. И.В. Дмитриев был также осужден по «Ленинградскому делу», получив тюремный срок на 3,5 года.

Из шестерых руководителей советских организаций Ленинграда и области за 1945-1950 годы репрессий удалось избежать лишь Андр. Алекс. Кузнецову. Возможно, спасло то, что он не находился в тесных служебных отношениях с верхушкой советской элиты Ленинграда, будучи вплоть до 1949 г. директором Ижорского завода, а может быть, ему пришлось пойти на сделку со следствием... В 1950 г. Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП (б) на него было наложено партвызыскание - «строгий выговор с предупреждением». К судебной ответственности он привлечен не был.

После смерти И.В. Сталина, 30 апреля 1954 г., Военной коллегией Верховного суда СССР приговор по «Ленинградскому делу» был отменен как фальсифицированный, а фигуранты дела, высшие советские и партийные руководители, - реабилитированы, многие - посмертно.

Практическая деятельность советского работника в период позднего сталинизма не всегда вписывалась в жесткие рамки формализованных норм. Имели место случаи, когда нормативно запрещенные виды

деятельности позиционировались на негласном уровне как служебная норма (банкеты). Представленный в статье перечень «писанных» и «неписанных» норм достаточно условен и может быть расширен. Однако в целом он отражает основные требования, которые система предъявляла к руководящему советскому работнику.

Следование общепринятым в СССР правилам служебного поведения представляло собой некий стандарт, ожидаемый от исполнения данной социальной роли, а потому такая деятельность могла носить как частично показной характер (любовь к вождю, энтузиазм), так и вполне искренний (любовь к Ленинграду). Низшие чувства в служебной повседневности советской элиты с наибольшей очевидностью проявились в период фабрикации «Ленинградского дела», основными из которых стали страх быть исключенным из партии, страх потерять должность и работу, страх за себя и свою семью, апатия, антипатия к прежним коллегам, наконец, трусость и предательство...

Можно ли считать, что ленинградцы пострадали именно за то, что после войны стали нарушать сталинские нормы государственной дисциплины и субординации? Полагаем, что нет. Борьба за политическое влияние в масштабах страны спровоцировала «Ленинградское дело». Многие родственники жертв «дела» убеждены, что оно было направлено прежде всего против Алексея Александровича Кузнецова, которого И.С. Сталин называл своим преемником. Однако тесное взаимодействие, поддержка друг друга ленинградцами, разъехавшимися по городам и весям страны в связи со служебными назначениями, страшили сталинское окружение, боровшееся за влияние на вождя и в конечном счете за власть. Есть также мнение, что ленинградские коллеги Кузнецова были привлечены к ответственности для придания «Ленинградскому делу» масштабности. «Дело» должно было стать показательным для всех партийных организаций страны: чрезмерная инициатива – наказуема.

При определенных недостатках личности А.А. Жданова (приписываемая ему слабость, даже трусость, слабая связь с массами) ему успешно удавалось консолидировать вокруг себя ленинградских руководителей, быть для них непререкаемым авторитетом. Под его руководством в тяжелейших условиях войны и блокады в среде ленинградских руководящих кадров складываются служебные отношения, основанные на доверии, дружбе и человеческой симпатии. А.А. Кузнецову, несмотря на все его заслуги и опыт, а также поддержку И.В. Сталина, стать таким же авторитетом, как Жданов, для своих коллег-ленинградцев не удалось. Они хоть и считались с его заслугами, но признавать его равным прежнему патрону отказывались: «Между собой [советские и партийные работники] могли говорить: “Кузнецов”, “Попков”, но всегда только “товарищ Жданов”, Жданов был величиной недосыгаемой»¹²⁶. Сложившиеся в войну отношения боевых товарищей, в результате служебных повышений, а в особенности после смерти А.А. Жданова, в значительной степени ухудшились, обострились, подтачиваемые скрытыми служебными и личными конфликтами, и в конечном счете ускорили фабрику «Ленинградского дела», приведшего к трагическим последствиям для его фигурантов и для самого Ленинграда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: *Conquest R. Power and Policy in the USSR: the Study of Soviet Dynasties*. London; Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1961. 485 p.; *Salisbury H. The 900 Days: The Siege of Leningrad*. New York: Harper & Row, 1969. P. 571–583; *McCagg Jr. William O. Stalin Embattled, 1943–1948*. Detroit: Wayne State University Press, 1978. 423 p.; *Hahn W. Postwar Soviet Politics: the Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–53*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1982. 242 p.

² *Кутузов В. А. Ленинградское дело // Диалог. 1987. №18. С. 15–21; Там же. №19. С. 15–23.*

³ *Афанасьев А. Победитель // Комсомольская правда. 15 января 1988; О так называемом*

- «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128; 2. *Гармаш П.* В Крыму // «Ленинградское дело» / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л.: Лениздат. 1990. С. 241-260; *Гармаш П.* Живая память // Крымская правда. 1988. 28 октября; *Гармаш П.* Секретарь обкома // Крымская правда. 1988. 17 августа; *Демидов В.* «Ленинградское дело»: Попытка реконструкции // Звезда. 1989. № 1. С. 144-145; *Зимарина Н.* «Ленинградское дело» // Аргументы и факты. 23 апреля 1988. С. 6; *Сидоровский Л.* Честное имя: жертвы «Ленинградского дела» — глазами родных, близких, строками документов // Смена. 1988. 24 июня; 25 июля; *Сидоровский Л.* Несколько страниц из «Ленинградского дела» // Аврора. 1989. № 4.
- ⁴ Ленинградское дело / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. 413 с.
- ⁵ *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз. История власти, 1945–1991. М.: РГАС, 1998. С. 65–66; *Пыжиков А.В.* Конфигурация и функционирование власти в СССР. 1945–1953 гг. М.: Институт социально-политических исследований Российской академии наук, 1999. С. 26–27; *Пыжиков А.В.* Ленинградская группа. Путь во власть (1946–1949) // Свободная мысль. 2001. С. 92–96; *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь. 2003; *Чистиков А.Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада советской России 1920-х годов. СПб., 2007.
- ⁶ *Маленков А.Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992; *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004; *Вознесенский Л.А.* Беззаконие. . . «по закону» // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А.М. Кулегина. СПб., 2009. С. 26–27; Воспоминания Валерия Филипповича Михеева // Судьбы людей: «ленинградское дело». СПб., 2009. С. 96–114; *Михеев В.Ф., Михеев Г.Ф.* «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (часть I) // Новейшая история России. 2012. № 3; Там же. 2013. № 1.
- ⁷ Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003; Городская власть Санкт-Петербурга: Биохроника трех столетий. СПб., 2007. 528 с.
- ⁸ *Зубкова Е.Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 104; *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьба людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А.М. Кулегина. СПб., 2009. С. 49; *Шульгина Н.И.* «Ленинградское дело»: Не пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289; *Болдовский К.А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2010. № 3. С. 121–126; Его же. Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР, 1945–1953 гг. // Дисс. . . канд. истор. наук Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. С. 212, 214–219; *Амосова А. А.* Преданный забвению. Политическая биография Петра Попкова. СПб.: Алетейя, 2013. С. 168–189; *Павлов М.Ю. А. А.* Кузнецов и органы государственной безопасности: к вопросу о причинах возникновения «Ленинградского дела» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (57). С. 127–132. *Павлов М.Ю.* «Ленинградская группа» и нарушение сталинских принципов власти // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. № 11. С. 111–115.
- ⁹ См. напр.: *Yorlizki Yoram.* Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946–1953 // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74, N 4. December. P. 699–736.
- ¹⁰ См. напр.: *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the limits of postwar russocentrism // Russian review. 2004. Vol. 63, N 2. April. P. 247–254.
- ¹¹ См. напр.: *Ruble Blair A.* Policy Innovation and the Soviet Political Process: The Case of Socio-economic Planning in Leningrad // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 1982. Vol. 24, N 2. June. P. 161–174; *Ruble Blair A.* The Leningrad Affair and the Provincialization of Leningrad. // Russian Review. 1983. Vol. 42, N 3. July. P. 304–313.
- ¹² См. напр.: *Parrish M.* The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. Westport, 1996; *Tromly B.* The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56, N5. July. P. 707–729;
- ¹³ *Миронин С.С.* Сталинский порядок. Сер. «Загадка 37 года». М., 2007. 272 с., *Миронин С.С.* Дело генетиков. Сер. «Загадка 37 года». М., 2008. Прудникова Е. А. 1) Хрущев. Творцы террора. М., 2007; 2) 1953. Роковой год советской истории. М., 2009; 3) Последний бой Лаврентия Берии. М., 2009. *Кремлёв С. 1)* Берия. Лучший менеджер XX века. М., 2008; 2) Имя России: Сталин. М., 2008; 3) СССР — империя добра. М., 2009; 4) Дневники Берии — не фальшивка! Новые доказательства. М., 2012; 5) Великий Сталин. Вождь народа. М., 2013. *Рыбас*

- С. Ю. Московские против питерских: Ленинградское дело Сталина. М., 2013. Кузнецhevский В.Д. «Ленинградское дело»: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была потоплена в крови. М., 2013. Кузнецhevский В. Д. Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931-1953 гг. М., 2016.
- ¹⁴ Критический анализ данных работ представлен в статье: Amosova A.A., Brandenberger D. Debates over the 1949 «Leningrad Affair» in the Contemporary Russian Popular Press // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. № 9. P. 1487-1497.
 - ¹⁵ Сушков А.В., Беделъ А.Э. «Ленинградское дело»: к вопросу о кадровой политике Смольного в первые послевоенные годы // Манускрипт. 2018. № 10 (96) С. 60-68.
 - ¹⁶ См., напр.: Луков М.В. Культура повседневности. К истории вопроса. Библиотечное дело. 2010. №7 (131). С. 6 – 13.
 - ¹⁷ См. напр.: Ярмолич Ф.К. Организация интеллектуального досуга жителей гор. Ленинграда в конце 1940-х-начале 1950-х гг. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. №2. Т.4. История. 2012; Его же. Культурно-просветительская организация досуга ленинградцев в конце 1940-х-начале 1950-х гг. // Советское общество и советский человек: мифы и реальность. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Казань. 2012; Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб, 2008.), Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. М., 1999.
 - ¹⁸ Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры / Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2018.
 - ¹⁹ Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры / Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2018.
 - ²⁰ Тематический выпуск журнала Slavic Review (Emotional turn? Feelings in Russian History and Culture / Ed. J. Plamper // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2. P. 229—334; Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Палмера и др. М., 2010; Иванцов И.Г. Повседневность провинциального города 1920-1930-х годов, культурная история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП(б) // Культурная жизнь Юга России. 2014. Т. 2. № 53. С. 68-72; Пянкевич В.Л. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.
 - ²¹ Конституция (Основной закон) Союза Социалистических Республик. 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956. С. 3-17.
 - ²² см., напр.: Постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» // Партийная жизнь. № 1. 1946. С. 476-484.
 - ²³ Программа и устав ВКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 42.
 - ²⁴ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». 1938. С. 333.
 - ²⁵ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс. 1938. С. 345.
 - ²⁶ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс. 1938. С. 345-346.
 - ²⁷ Конституция (Основной закон) Союза Социалистических Республик. 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956. С. 13.
 - ²⁸ Программа и устав ВКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 42.
 - ²⁹ Конституция (Основной закон) Союза Социалистических Республик. 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956. С. 6-9.
 - ³⁰ Самокритика // Большая советская энциклопедия. Т. 50. 1-е издание. М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия». 1944. С. 189-190.
 - ³¹ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». 1938. С. 345.
 - ³² История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». 1938. С. 345.
 - ³³ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». 1938. С. 346.

- ³⁴ Конституция (Основной закон) Союза Социалистических Республик. 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956. С. 15-16.
- ³⁵ Делалой М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937-1938). Типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 455.
- ³⁶ Gorlizki Y. Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1946-1953// The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. № 4. P. 699-736.
- ³⁷ Наследники // Ленинградское дело. 1990. Л.: Лениздат. С. 25.
- ³⁸ См., напр.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о снятии с должностей А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова. 15 февраля 1949 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 61.
- ³⁹ Cattell D. T. Leningrad: Case Study of Soviet Local Government // The Western Political Quarterly. 1964. Vol. 17. No. 2. June. P. 189.
- ⁴⁰ Интервью автора с Г.Ф. Михеевым и Т.А. Михеевой 10 октября 2018 г. // Из личного архива А. А. Амосовой.
- ⁴¹ Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. Т. 21. М., 1975. С. 308.
- ⁴² Ленинградская партийная организация в цифрах. 1917-1953. Л., 1974. С. 80.
- ⁴³ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 169.
- ⁴⁴ Личное дело: Лазутин Петр Георгиевич // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 196640. Л. 3-4.
- ⁴⁵ Демидов В.И., Кутузов В.А., Кутузов А.В. Андрей Жданов. Очерки политической биографии. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета. 2017. С. 66.
- ⁴⁶ Личное дело: Петр Сергеевич Попков // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 1783. Л. 4.
- ⁴⁷ Личное дело: Лазутин Петр Георгиевич // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 196640. Л. 1.
- ⁴⁸ Личное дело: Соловьев Николай Васильевич. // ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 13. Д. 1128. Л. 4.
- ⁴⁹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 144.
- ⁵⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 150.т р
- ⁵¹ Личное дело: Кузнецов Андрей Алексеевич // ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 93. Д. 865. Л. 1-2.
- ⁵² Волынец А. Жизнь замечательных людей: Жданов. М.: Молодая гвардия. 2013.
- ⁵³ Дело о пересмотре дел и реабилитации лиц, осужденных по обвинению в контрреволюционных преступлениях // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 439. Л. 105.
- ⁵⁴ Интервью с Э. И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора; Капица П. Это было так // Нева. Л., 1988. № 5. С. 139.
- ⁵⁵ См., напр.: Шумилов Н.Д. В блокаде. М., 1977. С. 156; Машанский Ф.И. Суровый экзамен// Листки блокадного календаря. Вып. 1. Л., 1988. С. 60.
- ⁵⁶ Анализ фотоизображений и графологический анализ почерков в рамках гранта РНФ. № № 18-78-00060 проводился исполнителем проекта – Булаховой А.Д.
- ⁵⁷ Личное дело депутата Попкова Петра Сергеевича // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 48. Д. 44. Л. 8.
- ⁵⁸ См., напр.: Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения ноябрь 1941–декабрь 1942 гг.: Сборник документов. СПб., 2017. 439 с.
- ⁵⁹ Ленинградское дело / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 41.
- ⁶⁰ Вручение ордена Ленина представителям города Ленинграда // Ленинградская правда. 1945. 28 января.
- ⁶¹ Интервью с Э. И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁶² Попков П.С. Председатель Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся // Ленинградская правда. 1946. 27 января.
- ⁶³ Попков П.С. Председатель Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся // Ленинградская правда. 1946. 27 января.
- ⁶⁴ Попков П.С. О восстановлении и развитии городского хозяйства Ленинграда // Пропаганда и агитация. 1945. № 14-15 (июль - август). С. 27.
- ⁶⁵ Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 15.
- ⁶⁶ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁶⁷ Фото из личного архива Лазутиных – Сивцовых.
- ⁶⁸ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁶⁹ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁷⁰ Личное дело Петра Георгиевича Лазутина // ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 196640. Л. 6 об.

- ⁷¹ Гармаш П. Жизнь и судьба // Ветлужский край. 2003. 18 апреля. С. 3.
- ⁷² Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.: Норма, 2009. С. 183.
- ⁷³ Ленинградской области вручено переходящее Красное Знамя Совнаркома СССР // Ленинградская правда. 1946. 3 февраля.
- ⁷⁴ См., напр.: Соловьев Н. Возрождение хозяйства Ленинградской области // Пропаганда и агитация. 1945. № 1. С. 17-22.
- ⁷⁵ Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁷⁶ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁷⁷ Личное дело: Лазутин Петр Георгиевич // ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 196640. Л. 3 об.
- ⁷⁸ Интервью с Харитоновой, Сивцовой, из личных бесед с Соловьевой.
- ⁷⁹ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁸⁰ Из личного архива Лазутиных – Сивцовых.
- ⁸¹ Из личных бесед с К.Н. Соловьевой.
- ⁸² Стенограмма предвыборного совещания избирателей Володарского района, посвященного встрече избирателей с кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР Лазутиным П.Г. // ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 5. Д. 1214.
- ⁸³ Ленинградское дело / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 41.
- ⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 4. Л. 19–20.
- ⁸⁵ Личное дело: Лазутин Петр Георгиевич // ЦГАИПД СПб. Ф. 1721. Оп. 1. Д. 196640. Л. 1.
- ⁸⁶ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁸⁷ Интервью с Н.П. Сивцовой (Лазутиной) 27 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁸⁸ Лазутин П.Г. Выступление на митинге, посвященном 800-летию Москвы // Российский государственный архив фонодокументов. Ф.1. Оп. 1. Ед хр. 81(5).
- ⁸⁹ Лазутин П.Г. Выступление на митинге, посвященном 800-летию Москвы // Российский государственный архив фонодокументов. Ф.1. Оп. 1. Ед хр. 81(5).
- ⁹⁰ Лазутин П.Г. Выступление на митинге, посвященном 800-летию Москвы // Российский государственный архив фонодокументов. Ф.1. Оп. 1. Ед хр. 81(5).
- ⁹¹ Подробнее об иерархии партийных наказаний см. Cohn E. The high title of a communist: Postwar Party discipline and the values of the soviet regime. Dekalb: Nothern Illinois UniversityPress. 2015. P. 33-41.
- ⁹² По всей видимости, в 1947 г. или 1948 г.
- ⁹³ Роковой пленум // Ленинградское дело / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 83.
- ⁹⁴ Станограмма заседания объединенного пленума обкома и горкома ВКП(б) от 22 февраля 1949 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 49. Д. 5. Л. 163.
- ⁹⁵ Личное дело: Соловьев Николай Васильевич // Государственный архив Республики Крым. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3761. Л. 11.
- ⁹⁶ Личное дело: Соловьев Николай Васильевич // Государственный архив Республики Крым. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3761. Л. 6.
- ⁹⁷ Личное дело: Харитонов Илья Степанович // ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 311298/4. Л. 25.
- ⁹⁸ Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ⁹⁹ Из семейного архива Харитоновых.
- ¹⁰⁰ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т. 3. 1945-1985. С. 7.
- ¹⁰¹ Ленинградское дело. Л., 1990. С. 78.
- ¹⁰² Зимарина Н. «Ленинградское дело» // Аргументы и факты. 1988. № 17.
- ¹⁰³ Демидов В.И., Кутузов В. А. Последний удар... // Ленинградское дело. Л., 1990. С. 5–174. Там же. С. 65.
- ¹⁰⁴ Демидов В.И., Кутузов В.А. Последний удар... / Ленинградское дело. Л., 1990. С. 65.
- ¹⁰⁵ О так называемом «Ленинградском деле». С. 127.
- ¹⁰⁶ Афанасьев А. Победитель // Реабилитирован посмертно. М., 1988. С. 461.
- ¹⁰⁷ Афанасьев А. Победитель // Реабилитирован посмертно. М., 1988. С. 463.
- ¹⁰⁸ Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ¹⁰⁹ Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ¹¹⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о снятии с должностей А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова 15 февраля 1949 г. // Судьбы людей: «ленинградское дело». СПб., 2009. С. 50-51.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Ч. 2. Д. 1520. Л. 125.
- ¹¹² Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 56.
- ¹¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 4. Л. 12.
- ¹¹⁴ Ленинградское дело / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 85.
- ¹¹⁵ Постановления бюро Крымского областного комитета ВКП(б)// ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3008. Л. 264.
- ¹¹⁶ Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1949 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076. Л. 58.

- ¹¹⁷ П.Г. Лазутин родился неподалеку от Алматы, в городе Петропавловске.
- ¹¹⁸ Личное дело: Кузнецов Андрей Алексеевич // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 93. Д. 865. Л. 2.
- ¹¹⁹ Личное дело: Кузнецов Андрей Алексеевич // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 93. Д. 865. Л. 1.
- ¹²⁰ Гармаш П. В Крыму // «Ленинградское дело» / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л.: Лениздат. 1990. С. 242.
- ¹²¹ Гармаш П. Жизнь и судьба // Ветлужский край. 2003. 18 апреля.
- ¹²² Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры / Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2018. С. 179.
- ¹²³ Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры / Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2018. С. 183.
- ¹²⁴ Интервью с Г.Ф. Михеевым и Т.А. Михеевой 10 октября 2018 г. // Из личного архива автора; Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ¹²⁵ Интервью с Э.И. Харитоновой 19 октября 2018 г. // Из личного архива автора.
- ¹²⁶ Интервью с Г.Ф. Михеевым и Т.А. Михеевой 10 октября 2018 г. // Из личного архива автора.

LABOR DAILY LIFE OF THE SOVIET ELITE IN LENINGRAD IN THE ERA OF LATE STALINISM

© 2021 A.A. Amosova

St. Petersburg State University

The article presents the research of the working norms and practices of the Soviet elite in the 1945-1950. The main attention is paid to the political biographies of the chairmen of Leningrad local government (Soviets). The research is based on methods of the oral history and the history of emotions; its source base includes documents from the archives of St. Petersburg, Moscow, and Crimea. The studied generation of Leningrad leading cadres came to government positions in the late 1930s, after the repressions of the "Great Terror". The members of the Soviet elite passed the testing of their professional skills during World War II and the Blockade of Leningrad, and directed the forced postwar reconstruction of the national economy. In the late 1940s, they became victims of the so-called "Leningrad affair".

Keywords: Soviet elite, late Stalinism, Leningrad, Leningrad affair, history of emotions, everyday life.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-65-83

УДК 94(420).05

ДУХОВЕНСТВО И УПРАВЛЕНИЕ АНГЛО-ШОТЛАНДСКИМ ПОГРАНИЧЬЕМ ПРИ ПЕРВОМ ТЮДОРЕ

© 2021 А.А. Бельцер

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева

Статья поступила в редакцию 30.07.2021

Использование духовенства в государственном управлении было традицией средневековой Англии, в том числе и в пограничных с Шотландией графствах. Первый Тюдор также привлекал представителей духовенства для дипломатических миссий, участия в местном управлении и даже в военно-административной сфере. Ричард Фокс, епископ Даремский, пожалуй, был наиболее ярким примером подобного участия прелатов в управлении. Но особая роль Фокса в делах англо-шотландского пограничья была связана не столько с его духовным саном, сколько с его близостью к монарху. Здесь прослеживается стремление Генриха VII контролировать провинциальное управление с помощью преданных лиц, не связанных с элитами региона.

Ключевые слова: Тюдоры, англо-шотландское пограничье, духовенство, тюдоровская Англия, местное управление, пограничная администрация, Ричард Фокс.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-84-89

Проблема взаимоотношений светской власти и церкви относится к числу ключевых для средневекового общества. Церковь была одновременно и одной из опор светской власти, и одним из соперников в борьбе за влияние. В исторических исследованиях круг вопросов, связанных с данной проблематикой, также неоднократно привлекал внимание. Одним из вопросов, вызывавших интерес историков, было участие представителей духовенства в управлении государством, насколько активно монархи привлекали на службу клириков, какие функции им поручали. Актуальны эти вопросы и для периода раннего нового времени, когда происходила перестройка взаимоотношений монарха и общества, формировались новые политические институты.

В Англии формирование нового политического режима, «новой», абсолютной,

ренессансной монархии связано было с правлением последних Йорков и первого Тюдора. Генрих VII, архитектор монархии Тюдоров, остается значительно менее привлекательным в глазах исследователей, нежели его предшественники и потомки. В то же время особенности его правления продолжают вызывать дискуссии среди исследователей¹. Историки обращали внимание на персонал администрации и окружение первого Тюдора и отмечали наличие целого ряда церковных деятелей рядом с монархом. Для Англии, как и для остальной Европы, присутствие в высших эшелонах власти представителей духовенства не было редкостью. Достаточно вспомнить кардинала Генри Бофора, фактически управлявшего страной при малолетнем Генрихе VI, архиепископов Йоркских Лоуренса Бута и Томаса Ротерхэма при Эдуарде IV. Генрих VII в этом плане как раз стал продолжателем традиции. Важную роль в его ближайшем окружении играли такие церковные деятели, как Джон Мортон, Уильям Уорэм, Ричард

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения. E-mail: abelhist@yandex.ru

Фокс, Томас Сэвидж. Они кроме церковных постов занимали и должности в высшем государственном аппарате².

Церковные иерархи традиционно играли важную роль и в региональном, местном управлении. Одним из наиболее проблемных английских регионов традиционно были северные графства, особенно те, что граничили с Шотландией и входили в состав пограничных марок. Отдаленный от центра, граничащий с враждебным государством и оттого подверженный постоянным крупным и мелким нападениям край постоянно представлял головную боль для английской администрации. К вопросу о том, как монархия первого Тюдора использовала представителей духовенства в управлении пограничным краем, мы и обратимся.

На территории графств, входящих в состав пограничных марок, распространялась власть трех церковных иерархов – епископа Карлайлского, епископа Даремского и архиепископа Йоркского. В состав диоцеза Карлайлского входили графства Камберленд и Уэстморленд. Даремская епархия представляла собой палатинат с иммунитетными правами, занимающий часть графства Нортумберленд и окормляющий все графство в духовном плане, Архиепископство Йоркское включало в себя все земли севернее Трента. Резиденцией архиепископа служил Йорк, и именно в этом графстве находился основной массив земель епархии, но на пограничье архиепископ Йоркский был владельцем иммунитета Хексам на территории Нортумберленда. Владея землями в пограничных графствах, прелаты издавна играли важную роль в жизни этих земель, принимая участие в отражении шотландских набегов, дипломатических визитах к шотландскому двору.

Одной из сфер приложения деятельности епископов была система местного управления. Начиная с 1420-х гг. прелаты регулярно включались в состав мировых судей³. При Генрихе VII представители духовенства также регулярно входили в состав мировых комиссий. В состав мировых судей

Уэстморленда входили Джон Мортон, архиепископ Кентерберийский (1495, 1496, 1499 гг.), епископы Даремские Ричард Фокс (1495, 1496, 1499 гг.) и Уильям Сенхаус (1503), епископы Карлайлские Ричард Белл (1485, 1495) и Уильям Сенхаус (1496) и Ричард Редмэн, епископ Сент-Асафский (1496)⁴. Мировую комиссию Нортумберленда почтили своим присутствием архиепископы Кентерберийские Джон Мортон (1495, 1496), Генри Дин (1502) и Уильям Уорэм (1504), епископ Карлайлский (1506), епископы Даремские Ричард Фокс и Уильям Сенхаус (1504), Томас Сэвидж, архиепископ Йоркский (1506). Кроме того, в число мировых судей входили приоры монастырей в Тайнмуте (1504, 1506) и Хексаме (1507), а также два клирика из окружения Томаса Сэвиджа – Томас Магнус и Томас Далби (1507 г.)⁵. В Камберленде в состав мировых судей входили Джон Мортон, архиепископ Кентерберийский (1489, 1495, 1499 гг.), епископы Даремские Ричард Фокс (1495, 1499 гг.) и Уильям Сенхаус (1503), епископы Карлайлские Ричард Белл (1487, 1489, 1495) и Уильям Сенхаус (1499) и Ричард Редмэн, епископ Сент-Асафский (1495)⁶.

Как мы видим, в число мировых судей включались преимущественно главы епархий. При этом Джон Мортон, архиепископ Кентерберийский, а затем и последовательно сменившие его Генри Дин и Уильям Уорэм добавлялись во множество мировых комиссий по всей Англии и в работе мировых судей северных графств реального участия не принимали. Увеличивается число клириков в составе мировых комиссий во второй половине царствования первого Тюдора, с 1490-х годов, когда епископом Даремским становится Ричард Фокс, один из близких к королю людей, а затем архиепископом Йоркским становится еще один близкий к монарху человек, Томас Сэвидж. Следует отметить, что на территории Даремского палатината действовала отдельная мировая комиссия, которая назначалась епископом Даремским.

В соответствии с традицией главы епархий северных диоцезов активно использо-

вались для дипломатических переговоров. В 1487 году в состав комиссии по продлению англо-шотландского перемирия вошел Ричард Белл, епископ Карлайлский⁷. После ухода Белла его преемник Уильям Сенхаус также принимал участие в различных дипломатических миссиях. Так, в 1497 году он участвовал в переговорах по поводу брака английской принцессы Маргариты и шотландского монарха⁸. Затем он принимал участие в переговорах по вопросам торговли между двумя странами⁹. В числе делегации на переговорах с Шотландией Сенхаус находился и в 1500 году¹⁰. Неоднократно для дипломатических миссий использовался Роберт Редмэн, епископ Сент-Асафский. В 1488 году он возглавил посольство для заключения вечного мира с Шотландией¹¹. В состав комиссий по переговорам с Шотландией Редмэн был включен в 1491 году¹². В этот период епископ Сент-Асафский вообще активно принимал участие в англо-шотландских переговорах.

Начиная с 1494 года в дипломатических сношениях с Шотландией активное участие стал принимать Ричард Фокс, ставший епископом Даремским. Мы видим его в комиссии по урегулированию пограничных вопросов с Шотландией в мае 1494 года¹³. В 1495 году он входит в состав делегации на англо-шотландских переговорах по поводу заключения мира¹⁴. В 1496 году Фокс принимает участие в переговорах о браке дочери Генриха VII с шотландским королем Яковом IV¹⁵. В 1499 году король опять поручает епископу Даремскому обсуждение этого вопроса с шотландцами¹⁶. Даже перейдя с Даремского диоцеза на пост епископа Винчестерского, Фокс продолжает привлекаться к переговорам с шотландцами¹⁷.

В переговорах с шотландцами принимали участие и другие церковные иерархи, в частности, архиепископ Кентерберийский Генри Дин¹⁸. Кроме того, к ним привлекался и Джон Стонуэлл, приор монастыря в Тайнмуте. В 1505 году он принимал участие в выплате приданого за принцессой Маргарет¹⁹.

Прелаты северных диоцезов активно привлекались и к работе структур, отвечающих за порядок в пограничных графствах. Томас Сэвидж, архиепископ Йоркский, возглавил Совет, созданный в северных землях. Пограничные графства входили в сферу компетенции Совета, неслучайно и сам архиепископ, и двое его доверенных лиц Томас Магнус и Томас Далби вошли в состав мировой комиссии Нортумберленда²⁰. Переписка архиепископа с властями Йорка показывает, что он достаточно активно занимался делами управления северными землями²¹.

Наиболее активное участие в управлении пограничными графствами и в целом в урегулировании ситуации на пограничье принимал Ричард Фокс, епископ Даремский. Ричард Фокс был одним из ревностных сторонников Генриха Тюдора еще в бытность того графом Ричмондом и даже был секретарем графа. В августе 1485 года Фокс сопровождал претендента в высадке в Англии и находился в его лагере во время битвы при Босворте²². После победы Тюдора на Фокса полился дождь наград в виде различных государственных и церковных должностей. Оставаясь секретарем Генриха VII, он был введен в состав королевского совета. Фокс сопровождал короля в его путешествиях и исполнял обязанности лорда-хранителя малой печати. Затем он стал в марте 1487 года епископом Эксетерским²³. Оставаясь при монархе, епископ выполнял различные его поручения, в частности, отправился в Эдинбург для переговоров с шотландцами. В 1492 году Фокс был переведен на кафедру Бата и Уэллса²⁴. Став епископом Батским, Фокс по-прежнему находился при особе монарха и выполнял его поручения. Он принимает участие в переговорах с Францией, сопровождает монарха в высадке на континенте и последующем заключении мира. В декабре 1494 года Ричард Фокс стал епископом Даремским.

Новый епископ Даремский сразу активно включается в дела управления краем. В марте 1495 года вместе с Томасом Ховардом, графом Сарри, он включается в комис-

сию по набору ополчения для отпора шотландцам²⁵. В апреле он возглавляет поиск утаенных королевских земель в Уэстморленде²⁶. В мае 1495 года епископ назначается одним из заместителей Стража пограничья всех трех марок. Как уже упоминалось, Фокс включается в состав делегации для переговоров о браке дочери Генриха VII Маргариты с шотландским королем²⁷. Одновременно Фокс был включен в состав мировых судей северных графств.

Поскольку во второй половине 1490-х годов отношения с шотландцами ухудшились, поскольку Яков IV поддержал Перкина Уорбека, претендующего на английский трон, епископу Даремскому пришлось выступить и в роли военного администратора. В 1497 году он упоминается в качестве участника похода возмездия в Тевинтдейл²⁸. К владениям епископа Даремского относился Норэм, один из наиболее укрепленных пограничных замков, занимающий важное стратегическое положение. Ричард Фокс должен был уделить большое внимание обороне замка. В августе 1497 года Норэм был осажден шотландской армией. Две недели гарнизон во главе с епископом успешно отражал атаки врага, и Яков вынужден был снять осаду. В последующих мирных переговорах Фокс также принял участие²⁹.

Фокс регулярно поддерживал переписку с Томасом Дарси, лейтенантом восточной и средней марки. Дарси советовался с епископом, в частности, по поводу персонала пограничной администрации. В число должностных лиц пограничной администрации попали и люди, связанные с Фоксом³⁰. Несмотря на то, что не сохранилось переписки между епископом Даремским и монархом в этот период, судя по всему, она существовала. В 1498 году в королевских расходах упоминаются выплаты неким Бассету и Торпу, посланцам к епископу Даремскому³¹. Кроме того, в письме Дарси от мая 1495 года, написанном в Лондоне, Фокс жалуется, что из-за болезни не мог присутствовать при дворе в то время, когда прибыл слуга Дарси, чтобы помочь в решении дел³².

Активно включился епископ и в борьбу с самоволием жителей двух пограничных иммунитетов, Тайндейла и Риддесдейла. Эти области славились своими разбойными набегами по обе стороны границы и представляли постоянную головную боль для английской администрации³³. В церковном плане эта территория относилась к епископству Даремскому, и это давало Фоксу определенные возможности. Жителям Тайндейла и Риддесдейла было предписано явиться к епископу в кафедральный собор Дарема в течение шести дней. Духовенству иммунитетов было предписано отказывать жителям во всех церковных таинствах, кроме последнего причастия, до тех пор, пока не будет возмещен ущерб от грабежа. Затем последовала серия отлучений от церкви обитателей Тайндейла и Риддесдейла³⁴. Мера оказалась довольно действенной. Часть разбойников отдалась на милость епископа и отказалась от ношения доспехов и вооружения во всех случаях, кроме как в конфликтах с шотландцами или другими королевскими врагами³⁵.

В 1500 году Ричард Фокс был назначен одним из заместителей генерального Стража всех пограничных марок, коим был малолетний Генрих Тюдор, герцог Йоркский, сын короля³⁶. Этот пост, с одной стороны, был признанием заслуг епископа, с другой, - позволял обеспечить пограничную администрацию надежным и способным управленцем, человеком, пользующимся полным доверием монарха. В 1501 году Фокс был переведен на более богатую Винчестерскую епархию, но продолжал привлекаться к шотландским делам. Совета престарелого епископа спрашивали и при Генрихе VIII в 20-х годах XVI века³⁷.

Таким образом, мы видим, что представители духовенства продолжали играть важную роль в управлении пограничными землями, занимаясь не только политическими, но и военными вопросами. Наиболее активно в этом плане использовались те прелаты, которые пользовались доверием монарха. Только наличие доверия со сторо-

ны первого Тюдора позволяло епископам не только самим активно принимать участие в управлении регионом, но и способствовать проникновению в местную администрацию своих слуг. Поэтому наиболее активным администратором себя проявил именно Ричард Фокс, один из наиболее доверенных людей короля. Именно это доверие и обеспечило Фоксу пост епископа в стратегически важной Даремской епархии. В целом такая политика шла вполне в русле сложившихся к этому времени в Англии традиций, с одной стороны, и характерного для первого Тюдора стремления контролировать наиболее важные регионы с помощью преданных лиц, зачастую чужих для этих областей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Carpenter C.* The Wars of the Roses: Politics and the Constitution in England, c. 1437-1509. Cambridge, 1997. Gunn S. Henry VII in Context: Problems and Possibilities // *History*, vol. 92, no. 3 (307), 2007. PP. 301-317.
- ² *Казаков И.В.* Генрих VII Тюдор: «новый» король и его двор // *История и историография зарубежного мира в лицах*. Вып. 1. Самара, 1996. С. 42-53.
- ³ Dodd, G. Reason, Conscience and Equity // *History*. 2014. Vol. 99: P. 213-240. <https://doi.org/10.1111/1468-229X.12052>
- ⁴ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1914: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 1. 1485-1494. P. 504. Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P.664.*
- ⁵ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P.653.*
- ⁶ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1914: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 1. 1485-1494. P. 484. Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P.634.*
- ⁷ *Dobson B.* Richard Bell, prior of Durham (1464-78) and Bishop of Carlisle (1478-95) // *Transactions of Cumberland and Westmorland society*. 2d series. 1965. Vol.65. P.217.
- ⁸ *Rotuli Scotiae in Turri Londinensi et in capitulari Westmonasteriensi asservati. Vol. 2. L., 1836. P. 522.*
- ⁹ *Ibid. P. 524.*
- ¹⁰ *Ibid. P. 542-543.*

- ¹¹ *Ibid. P. 487.*
- ¹² *Ibid. P. 497.*
- ¹³ *Ibid. P. 513.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 516.*
- ¹⁵ *Ibid. P. 517.*
- ¹⁶ *Calendar of documents relating to Scotland preserved in Her Majesty's Public Record Office. L., 1881. Vol. 4. P.333.*
- ¹⁷ *Rotuli Scotiae in Turri Londinensi et in capitulari Westmonasteriensi asservati. Vol. 2. L., 1836. P. 548.*
- ¹⁸ *Ibid. P. 550.*
- ¹⁹ *Letters of James the Fourth, 1505-1513 / Ed. By R. Mackie. Edinburgh. 1953. P. 13.*
- ²⁰ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P.653.*
- ²¹ *York civic records, vol. iii (1504-36) // Ed by Angelo Raine, Wakefield. 1942 P. 3-6.*
- ²² *Бернар Андре.* История жизни и достижений Генриха VII / Пер. с лат., вст. ст. и комм. Д.В. Кирюхин. М. - СПб., 2017. С. 56. *Batten Ch.* Life of Bishop Richard Fox // *The Register of Richard Fox while Bishop of Bath and Wells, A.D. MCCCXIICII-MCCCCXCIV. L., 1889. P. 7.*
- ²³ *Batten Ch.* Life of Bishop Richard Fox // *The Register of Richard Fox while Bishop of Bath and Wells, A.D. MCCCXIICII-MCCCCXCIV. L., 1889. P. 12.*
- ²⁴ *Ibid. P. 25.*
- ²⁵ *Calendar of documents relating to Scotland preserved in Her Majesty's Public Record Office. L., 1881. Vol. 4. P.325*
- ²⁶ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P. 34*
- ²⁷ *Rotuli Scotiae in Turri Londinensi et in capitulari Westmonasteriensi asservati. Vol. 2. L., 1836. P. 517.*
- ²⁸ *Etty C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483-1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006. P.158.
- ²⁹ *Batten Ch.* Life of Bishop Richard Fox//*The Register of Richard Fox while Bishop of Bath and Wells, A.D. MCCCXIICII-MCCCCXCIV. L., 1889. P. 46-47.*
- ³⁰ *Etty C.* Tudor Revolution?... P.157-158.
- ³¹ *E101/414/16 folio 46r (Payments), 1498 // https://www.dhi.ac.uk/chamber-books/folio/LL_E101_414_16_fo046r.xml (дата доступа 03.08.2021). E101/414/16 folio 12r (Payments), 1498// https://www.dhi.ac.uk/chamber-books/folio/LL_E101_414_16_fo012r.xml (дата доступа 03.08.2021).*
- ³² *Etty C.* Tudor Revolution?... P. 160.
- ³³ *Robson R.* The Rise and Fall of the English

- Highland clans. Tudor response to a Mediaeval Problem. Edinburgh, 1989.
- ³⁴ *Etty C. Tudor Revolution?...* P. 159-160.
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Calendar of Patent Rolls. Henry VII. L.: HMSO, 1916: Nendeln: Kraus reprint, 1970. Vol. 2. 1495-1509. Vol 2. P. 225.*
- ³⁷ *Etty C. Tudor Revolution?...* P. 161. Original Letters, illustrative English History. 3d series. / Ed. By H. Ellis. Vol. 1. L, 1846. P. 319-324.

CLERGY AND RULE ON THE ANGLO-SCOTTISH BORDERS UNDER THE FIRST TUDOR MONARCH

© 2021 A.A. Beltser

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The use of clergy in public administration was a tradition of medieval England, including in the counties bordering Scotland. The first Tudor also engaged representatives of the clergy for diplomatic missions, participation in local government and even in the military-administrative sphere. Richard Fox, Bishop of Durham, was perhaps the most striking example of such participation of prelates in government. But Fox's special role in the affairs of the Anglo-Scottish borderland was connected not so much with his spiritual rank as with his proximity to the monarch. Here we can trace the desire of Henry VII to control the provincial administration with the help of loyal individuals who were not associated with the elites of the region.

Keywords: Tudors, Anglo-Scottish borders, clergy, Tudor England, local government, border administration, Richard Fox

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-84-89

«КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ»: ОПОЛЧЕНИЕ В ИСТОРИИ АНГЛИИ ЭПОХИ СТЮАРТОВ

© 2021 Д.О. Гордиенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 16.08.2021

В статье приводятся результаты исследования, посвящённого вопросам развития истории вооружённых сил Великобритании в «долгом» XVII веке. Основой национальной военной системы Англии было ополчение. Работа рассматривает аспекты развития институтов современного государства в правление династии Стюартов. Показан процесс развития ополчения и становления регулярной армии. Исследована роль ополчения в политических событиях Века революций: правление Карла I, Войны Трёх королевств, эпоха Реставрации, Славная революция, показана ретроспектива событий XVIII века.

Ключевые слова: модерное государство, милитаризация, ополчение, регулярная армия, гражданская война, мятеж, Раннее Новое время.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-90-97

Национальная вооружённая система «старой доброй» Англии основывалась традиционно на ополчении – ещё со времен англо-саксонских королей основная масса воинов были членами так называемого *фирда*; при нормандских королях появилось рыцарское ополчение – *ост*. Эти две руки единого «тела» – английской милиции – просуществовали до начала Раннего Нового времени. Коллизии политической истории Британии, перемешиваясь с континентальными трендами, начинают настойчиво (и даже назойливо) выражать недовольство стремлением англичан полагаться только лишь на ополченцев в качестве основы королевского войска во времена, когда поля битв Европы все более прочно завоевываются массами войск, основанных на принципах регулярства.

Отличительным достоинством английского ополчения, навязчиво подчеркиваемого участниками многочисленных памфлетных дискуссий вплоть до позднего XVIII в., была его дешевизна. Не стоит также

забывать и то обстоятельство, что некоторые подразделения милиции шли за своим феодальным сувереном, реально выполняя свои старые вассальные обязательства не только перед Короной, но и конкретным лордом, который полностью мог положиться на своих людей¹. В отличие от наемников, Короне ополчение практически ничего не стоило в денежном эквиваленте (убыток, причиненный политическими кризисами, вызванными попытками неумелого использования ополчения за пределами Англии – что было юридически неправомерным – стоил на поверку дороже самой затратной регулярной армии). В конце XVI в., на излете правления Королевы-Девы Елизаветы Тюдор, чье правление (несущее мир) проходило в атмосфере не глобальных, но постоянных конфликтов (в основном на континенте, но и в Ирландии и на Севере Англии), Корона (фактически подтвердив положения Последних Плантагенетов) юридически обязала подданных в соответствии с их происхождением, земельной собственностью и доходами состоять в отрядах милиции (в графствах и городах)², вооружаться и проходить достаточно регулярную военную подготовку³. Таким образом, власти на-

Гордиенко Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения. E-mail: stuartssergant@yandex.ru

деялись призвать в случае военной угрозы (самая знаменитая, благодаря Тюдоровской легенде о «золотом веке», «гроза 1588 г.») до ста тысяч человек. В дальнейшем, на протяжении «долгого XVII в.» -- эпохи царствования государей из династии Стюартов (1603-1714 гг.) – Англия (без кельтской периферии Шотландии и Ирландии) обладала достаточно грозным (на бумаге) войском, численность которого застилала глаза противника развертывания в Трех королевствах регулярной армии (символа королевского произвола и «тирании»). По мнению последних, такой огромной массы ополченцев без труда должно было хватить для решения всех задач, которые власти могли бы поставить перед вооруженными силами.

В то же время во времена Елизаветы большая часть заморских авантюр (подавление герильи в Ирландии, экспедиции в Нидерланды против папистов Филиппа II Испанского и легистов в Северной Франции и Бретани) предпринималась руками наемных воинов. Голоса в пользу постоянной армии раздавались, но сложности финансового плана по части содержания регулярных сил разумно перевешивали все остальные доводы «рго»⁴. При Якове I (продолжившаяся, но оскудевавшая с каждым годом помощь Соединенным Провинциям и экспедиционный корпус, отстаивавший честь «зимней королевы Богемии» Елизаветы, дочери короля Якова) также основой английского экспедиционного корпуса выступали наемные воины⁵.

Выставить милиционеров на поле боя за пределами Англии было с юридической точки зрения весьма сложно, практически невозможно. Ополчение было войском внутреннего применения. Однако в начале правления Карла I произошел эпизод, который вызвал возмущение попыткой Короны использовать территориальное ополчение в конфликте за пределами Туманного Альбиона, – Карл ввязался в войну с Францией (формальным поводом к которой стали нарушения правительством Людовика XIII брачного контракта его сестры, молодой

английской королевы; фактически же Англия решала спорные моменты в коммерческих отношениях с Бурбонами). Англичане оказали помощь гугенотам Ла Рошели – дав приют вождям оппозиции (во главе с членами семейства де Роан⁶), высылая корабли королевского флота для поддержки братьев по вере. Решая частный вопрос – пытаясь захватить стратегически важный остров Рё правительство Карла I (персональная ответственность была возложена на Джорджа Вильерса, 1-го герцога Бекингема) не сумело подготовить эффективного, обученного десантного корпуса. Проблема была не в том, что англичане понесли большие потери и опозорились, не сумев захватить небольшую крепость – власти пытались использовать в качестве «пушечного мяса» милиционеров, принуждая их вступать в королевскую армию⁷. Проблемы экспедиции к острову Рё, отсутствие в нужный момент небольшого, но обученного постоянного войска, дорого (во всех смыслах) обошлись молодому Карлу I.

В начале 1630-х гг. правительство уверенно взяло курс на усиление (фактически создание заново) аппарата насилия – приоритет был отдан королевскому флоту (который явно готовился к возможному противостоянию с Соединенными Провинциями), однако и наместник Ирландии 1-й виконт Уэнтворт пытался создавать на Изумрудном острове отряды постоянной армии (нацеленной в первую очередь на охранение режима власти англичан – Корона активно проводила протестантскую колонизацию древней Гибернии, кельты ненавидели англичан, и события начавшегося на заре Революции ирландского восстания подтвердили правоту действий Уэнтворта, успевшего к тому времени стать 1-м графом Старффорд и сложить свою голову на плахе в Лондоне⁸). Однако ревность английской оппозиции к реальному усилению власти Короны (хоть и вне пределов Англии) привела к падению наместника Ирландии и роспуску его армии (что не в последнюю очередь повлекло за собой решимость ир-

ландцев взбунтоваться⁹). Нельзя утверждать, что администрация Ранних Стюартов была политически слепа – по меньшей мере с 1623 г. будировалась проблема подготовки милиционеров (как все осознавали, единственного инструмента аппарата насилия в стране, где нет регулярной армии) приближенно к стандартам сильных европейских армий (для англичан первой половины XVII в. это была армия Соединенных Провинций, в которой служило множество уроженцев Британских островов), однако качество подготовки ополченцев было различным – валлийские милиционеры У. Комптона, 2-го барона Комптон и 1-го графа Нортгемптон (сын и наследник которого пал, сражаясь за короля в 1643 г., внук так же был верен Карлу I) были на достаточно высоком уровне подготовки; но милиционеры Северного Райзинга Йоркшира (встретившие через несколько лет шотландских ковенантеров, вторгшихся на Север Англии), собранные весной 1636 г. сэром Хью Чолмли, отвечавшим за ополчение, для отражения возможной агрессии голландцев, показали крайне низкий уровень выучки¹⁰.

В 1630-х гг. на континенте активным образом разворачивались очередные этапы общеевропейской драмы – Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.). Некоторое количество англичан (и огромная масса уроженцев кельтской периферии – в первую очередь шотландцы) служили в войсках противоборствующих сторон. Тридцатилетняя война справедливо считается событием в истории Раннего Модерна, когда начался коренной перелом в развитии национальных вооруженных систем – не отвергая концепт территориального ополчения (и активно его развивая, от использования милиции в войнах позднего Людовика XIV и вплоть до идеи «армии – вооруженного народа» второй половины XIX столетия), государства, сражавшиеся на полях Люцена, Нердлингена и Рокруа, ставку делали на регулярные армии. Постоянные армии Старой Европы рождались в горниле общеевропейского военного противостояния.

В английской традиции вооруженным конфликтом, который вытаскил, против силы, на авансцену истории институт регулярной армии, стала так называемая Гражданская война – два десятилетия смут Великого мятежа и Британских войн (от Ирландского мятежа 1641 г. до Реставрации монархии 1660 г.). К началу смуты (начавшейся с событий в Шотландии – восстания 1637 г. и началом в 1639 г. войны между королем и ковенантом¹¹) Англия подошла без регулярной армии. Из числа постоянных войск была только малочисленная королевская придворная гвардия (основанная, как считается, в начале царствования Генриха VII¹²; на начало правления Карла Мученика жалование получали 265 чел. в двух ротах¹³) и незначительные гарнизоны в крепостях. Король, начавший в августе 1642 г. собирать верных ему людей (в ответ на угрозы и шантаж применения силы со стороны оппозиции), и его противники в основу своих армий положили старое доброе ополчение. Кавалерия обеих сторон (и роялистов, и парламентариев, вопреки сложившемуся старому тезису, прочно укрепившемуся в советской исторической науке¹⁴) рекрутировалась на базе дворянского ополчения. Отряды пехоты поставляли милиционеры территориальной милиции.

В сложившейся ситуации парламентарии оказались в заранее выигрышном положении – на их стороне был богатый Юг королевства. Особенно ценным была верность делу оппозиции столичного города Лондона¹⁵. Лондонское ополчение, базировавшееся на известных со времен Плантагенетов ливрейных компаниях (отрядах, в рамках которых тренировались ополченцы цеховых корпораций¹⁶), могло выставить в бой несколько отлично укомплектованных и снаряженных полков пехоты (от шести до двенадцати, в зависимости от напряжения мобилизации) и некоторое количество конницы. Районы, которые контролировали сторонники парламента (вне зависимости от боевых качеств выставленных ими контингентов), располагали значительными

материальными ресурсами, которые можно было потратить на содержание армии «круглоголовых» (это превосходство не означает, что противники короля не испытывали сложностей с финансированием своих отрядов – как и королю, парламентариям приходилось выбивать из населения деньги; но враги Карла I в вопросах финансирования армии оказались более успешными, чем их король). К 1644 г.¹⁷, определенно побеждая, парламентарии проводят реформу вооруженных сил – упорядочивают вопросы подчинения и финансирования, создавая так называемую Армию нового образца¹⁸. Так, в истории Великобритании впервые появляется регулярная армия – вооруженные силы, решившие проблемы конфликта со своими противниками на островах (разгромив короля Карла I и бойцов кельтской периферии, а затем и молодого Карла II в Шотландии), вмешивавшиеся в конфликты, которые вела военная хунта Оливера Кромвеля за пределами Трех Королевств (экспедиция в Вест-Индию и захват тамошних колоний Испании вроде Ямайки или сражения отряда генерал-майора Моргана в составе армии виконта Тюренна во Фландрии), являвшаяся одним фактом своего присутствия (по аналогии с теорией А.Т. Мэхэна «армией в действии»)¹⁹ основой режима Протектората во внутренних вопросах развития Англии и покоренных ею Шотландии и Уэльса до осени 1658 г.²⁰ Во времена II Республики регулярная армия подвела Британию к порогу гражданской войны и спасла ее (в лице Д. Монка и его войск) от новой смуты²¹ (впрочем, и ополчение, лондонская милиция играли зачастую ключевую роль в политических кризисах после 3 сентября 1658 г., выступая в роли «преторианцев»²²).

Когда весной 1660 г. началась эпоха Реставрации монархии, то первоочередным вопросом для Карла II стали проблемы реорганизации аппарата насилия – огромная армия (до 80 тыс. личного состава, при Кромвеле фактически контролировавшая оккупированные ею территории бывших Трех Королевств Карла I) и мощный воен-

но-морской флот²³ были катастрофически разорительными для казны²⁴. У населения огромные налоги вызывали возмущение; армия была символом тирании властей – что короля, что лорда-протектора. Карл II сохранил флот – в преддверии нового конфликта с Голландией он был необходим, но пошел на роспуск сухопутной армии²⁵, то есть мало денег – мало солдат²⁶.

Традиционные взгляды, господствовавшие в Англии в конце XVI – начале XVIII вв., делали ополчение основным элементом национальной вооруженной системы, поэтому Англия эпохи Реставрации (до начала 1680-х гг., когда Карл пошел на незначительное увеличение численности сухопутных сил) имела крайне слабую сухопутную армию. Три Королевства должны были полагаться на ополчение, с восстановленными штатами времен поздней Елизаветы I (на взгляд иностранцев, Карл II располагал огромным ополчением – численностью «как они говорят 100 тыс. человек», «из которых только город Лондон представляет 40 тыс.», прекрасного качества: «они говорят, что иногда они не намного уступают другим солдатам, благодаря постоянной муштре, свирепости нации и свободе, которую они всегда должны защищать, когда случается, что им приходится браться за оружие против внешнего врага»²⁷).

Корона после 1660 г., безусловно, рассматривала милицию в качестве важнейшего фактора внутренней политики – инструмента для решения домашних проблем²⁸. Однако политические неурядицы начала правления Карла II (восстание сторонников секты Пятой монархии в январе 1661 г. – страх перед тем, что в следующий раз некому будет защитить население от сектантов, сквозит в воспоминаниях Д. Бёрнета²⁹; венецианский резидент Ф. Дживарина описывает, как в подавлении мятежа принимали участие королевские гвардейцы и милиционеры Лондона, равно как Карл возвращался в столицу из Портсмута под охраной поднятого территориального ополчения³⁰), опасения высадки голландского десанта в

ходе II и III англо-голландской войны³¹ (Соединенные Провинции с конца XVI в. располагали одной из первых и весьма мощных регулярных армий) или отправку английского контингента во Фландрию для борьбы с голландцами³², английский корпус в Португалии³³, необходимость вести первую для Англии колониальную войну в эпоху модерна в Африке («Танжерское сиденье» 1661-1684 гг.) и банальную борьбу с контрабандистами на побережье, показывали важность ополчения как источника для пополнения (или формирования) частей регулярной армии, но не основы для вооруженных сил. К тому же Корона обоснованно видела в ополченцах людей, имевших определенные политические взгляды, которые могли расходиться с мнением королевской власти. В 1670-х гг. Лондон столкнулся с открытыми волнениями в Шотландии (апогеем которых стало дело у Босуэльского моста в 1679 г., запечатленное в художественной литературе, в том числе у сэра У. Скотта), подавленными не только административным гением 1-го герцога Лодердейла и верными ему отрядами ополченцев-скоттов, но в первую очередь чинами регулярной армии Карла II (21 декабря 1677 г. шотландские епископы прямо рекомендовали для защиты от выступления мятежников: «... гарнизоны могут постоянно содержаться... для поддержания постоянного страха и благоговения у недовольных...», полтора года спустя все было решено частями регулярной армии³⁴).

Чуть позже Корона столкнулась с необходимостью реагировать на начавшуюся в английских колониях в Северной Америке так называемую «войну короля Филиппа» - вторую и самую мощную эпопею сопротивления индейцев колонизаторским действиям англичан³⁵. Англичане весь конфликт вынесли на плечах ополченцев (благо, вся система обороны континентальной части владений Короны в Америке основывалась на подразделениях милиции³⁶), но опасения за исход дела вынудили Лондон начать формирование сводного отряда регулярной

армии, который должно было отправить через Атлантику (эта проблема наложилась на обострение ситуации в Танжере, где также требовались подкрепления, который перебрасывал флот). Эта операция не была реализована, а колониальные власти справились силами ополченцев.

Предоставляя монарху (делегировавшему реальные или номинальные функции по управлению армией генерал-капитану - сначала «отцу Реставрации» Д. Монку, 1-му герцогу Эбемарлу, затем бастарду Монмуту³⁷) контроль над вооруженными силами в виде двух Актов об ополчении (Militia Acts, 1661 и 1662 гг., воссоздавали традиционные для предыдущего периода основы для взаимоотношений легально вооруженных подданных и суверена³⁸ - однако сохраняя традиционное руководство отрядами ополчения за местным самоуправлением³⁹), коллективный парламент эпохи Реставрации понимал, что тот, кто контролирует вооруженные силы, может иметь огромный перевес в политической борьбе - весь опыт английской (шире Британской) истории 1640-1650-х гг. подтверждал этот тезис. В условиях двух тяжелых европейских и одной колониальной войны королю нельзя было отказать в осуществлении его главнейшей (и древнейшей) прерогативы - быть верховным вождем вооруженной нации. Однако парламентарии понимали, что офицеры ополчения, будучи частью политически активной нации, вероятно, могут и их поддержать, и стремились ограничить размеры регулярной армии (в первой половине эпохи Реставрации - 3-4 тыс. чинов, то есть сопоставимо со штатами одного только полка швейцарской гвардии Людовика XIV), выставя милицию основой вооруженных сил⁴⁰.

Своеобразным «звездным часом» (и «лебединой песней») английского ополчения стали события лета 1685 г.⁴¹ После смерти Карла II корону Трех Королевств унаследовал его младший брат Яков II, воцарившийся при значительной поддержке всех слоев населения (несмотря на католическое

вероисповедание нового суверена, что вызвало существенные противоречия ранее и послужило поводом для так называемого Исключительного кризиса). Однако в начале мая в Шотландии мятеж поднял Арчибалд Кэмпбелл, 2-й маркиз Аргайл – проблема была улажена силами ополченцев и шотландскими аристократами, личными врагами клана Кэмпбеллов, оставшихся верными королю Якову⁴². В начале июня на западном побережье Англии высадился Джеймс Скотт, герцог Монмут (старший из бастардов Карла II, выдвинувший себя в качестве протестантской альтернативы своему дяде-католику Якову). Не обладая явными сторонниками в частях регулярной армии, Монмут сделал ставку на местных ополченцев (один из наиболее одиозных сторонников мятежного герцога барон Грей оф Уарк описывает, каких надежд был полон Монмут и его окружение, видя в Лондоне и милиции графств Центральной и Юго-Западной Англии тысячи сторонников, готовых взяться за оружие при появлении герцога; некоторые лорды рисовали радужную картину мятежа в столице, и только здравые головы задавались вопросом, каким образом как минимум 500 всадников герцога смогут пробиться в столицу, чтобы воодушевить и сподвигнуть сторонников на восстание против тирании «паписта Якова»⁴³), поддержавших протестанта, претендующего на престол Англии⁴⁴. Если в 1485 г. далекий предок Монмута Генрих Тюдор выступил против короля Ричарда III с равными по боевым качествам воинами, то ополченцы Монмута не шли ни в какое сравнение с великолепными солдатами короля Якова (многие современники, в том числе Джон Мартин, описывали повстанцев как никудышных вояк⁴⁵) – на полях Седжмура гвардия и вымуштрованные армейские части 6 июля разгромили повстанцев⁴⁶ (по словам биографа 1-й герцогини Мальборо, «Джон Черчилль разогнал мятежников по лесам и канавам»⁴⁷).

Угрозы лета 1685 г. вынудили Якова II, ловко пользовавшегося моментом, при

полной поддержке парламента начать усиление регулярной армии⁴⁸ – доверенные лица короля формировали для подавления восстания Монмута (или несколько позже – для предотвращения неких других возможных волнений) новые конные и пешие части. Как и в случае с отражением голландской угрозы двадцатилетней давности, лорды Якова II формировали свои роты и полки из всего самого лучшего, что можно было отыскать в частях английской милиции летом 1685 г.⁴⁹ Корона спешила формировать сильную армию – инструмент борьбы с внутренними и внешними врагами⁵⁰.

Вооруженное противоборство между сторонниками и противниками Якова II, начавшееся после Славной (и Бескровной) революции и затронувшее кельтскую периферию мультипликационного королевства Стюартов, также по праву считается полем битвы, где важное место было отведено противостоянию ополчения (противников нового короля Вильгельма III) и регулярной армии (сражавшейся на стороне Вильгельма III Оранского и его двоюродной сестры и жены Марии II Стюарт). В Шотландии и Ирландии ополченцы продемонстрировали свою отвагу, но были разгромлены частями королевской армии. Произошло это не без труда, но армия как институт современного государства эпохи Нового времени показала свое полное превосходство над ополчением.

Несмотря на то, что дебаты о значимости ополчения (в первую очередь как единственной основы для вооруженных сил) велись в Великобритании до второй половины XVIII столетия⁵¹, в «просвещенный» век Корона вошла с осознанием важности обладания сильной регулярной армией (которая неизменно одерживала победы над ополчением мятежников – шотландские восстания 1715⁵² и 1745 гг.⁵³, мятеж Гордона 1780 г.⁵⁴). Однако и милиция была важна для национальной обороны – к временам противостояния с Наполеоном части, вышедшие из ополчения, стали важным подспорьем для регулярной армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Black J. European Warfare, 1494-1660 L., N.Y.: Routledge, 2002. 244 pp. P. 15-16.
- ² Бельцер А. А. Местное управление и Корона на рубеже XVI-XVII вв.: кризис режима? // Культура и история в компаративном измерении: Материалы I Всероссийского научно-методологического семинара, Самара, 12 мая 2011 года. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусств, 2012. С. 203-209.
- ³ Gunn S. Archery practice in Early Tudor England // Past & Present, No. 209 (November 2010). P. 53-81.
- ⁴ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: «Территория будущего», 2010. 512 с. С. 120-121.
- ⁵ History of The British Army / Ed. by brigadier P.Young and Lt-col. J.P. Lawford. L.: Arthur Barker Limited, 1970. 304 pp. P. 11-12.
- ⁶ Harris T. Rebellion: Britain's first Stuart kings, 1567-1642. Oxford: Oxford University Press, 2015. 588 pp. P. 243.
- ⁷ Firth C.H. Cromwell's army: A History of the English soldier during the Civil Wars, the Commonwealth and the Protectorate. L., N.Y.: Methuen and Co, James Pott and Co, 1902. 444 pp. P. 5.
- ⁸ Burke J. A general and heraldic dictionary of the peerages of England, Ireland, and Scotland, extinct, dormant, and in abeyance. L.: Henry Colburn and Richard Bentley, New Burlington Street, 1831. 651 pp. P. 565-566.
- ⁹ Warner F. The History of the Rebellion and Civil-War in Ireland. L.: Printed for J. And R. Tonson, in the Strand, 1767. 614 pp. P. 16.
- ¹⁰ Manning R.B. An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army 1585-1702. Oxford: Oxford University Press, 2006. 467 pp. P. 140.
- ¹¹ Апрыщенко В.О. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с. С. 189.
- ¹² Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 416 с. С. 187.
- ¹³ Aylmer G.E. The King's Servants: The Civil Service Of Charles I 1625-1642. N.Y., L.: Columbia University Press, Routledge&Kegan Paul LTD, 1961. 521 pp. P. 27-28.
- ¹⁴ Разин Е.А. История военного искусства XVI-XVII вв. СПб.: Полигон, 1999. 736 с. С. 447.
- ¹⁵ Kishlansky M.A. The rise of the New Model Army. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 377 pp. P. 230-231.
- ¹⁶ Highmore A. The history of the Honourable artillery company, of the City of London. L.: R.Wilks, Chancery-Lane. 1804. 600 pp. P. 76.
- ¹⁷ Journal of the House of Commons. Vol. III. L.: His Majesty's Stationery Office, 1802. 735 pp. P. 725.
- ¹⁸ Kishlansky M.A. The Case of the Army Truly Stated: The Creation of the New Model Army // Past & Present, No. 81 (Nov., 1978). P. 51-74.
- ¹⁹ Aylmer G.E. The state's servants: the civil service of the English republic, 1649-1660. L., Boston: Routledge&Kegan Paul, 1973. 484 pp. P. 48.
- ²⁰ Firth C.H. The last years of the Protectorate: in 2 vols. Vol. II. L.: Longmans, Green, and Co, 1909. 345 pp. P. 84-175.
- ²¹ Hooper C. An Impartial History of the Rebellion and Civil Wars in England, During the Reign of King Charles the First. L.: Printed, and Sold by all the Booksellers in Town and Country, 1738. 628 pp. P. 628.
- ²² Hutton R. The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales, 1658-1667. Oxford: Oxford University Press, 1987. 379 pp. P. 47, 51-52.
- ²³ Oppenheim M. The Navy of the Commonwealth, 1649-1660 // The English Historical Review, Vol. 11, No. 41 (Jan., 1896), Pp. 20-81.
- ²⁴ Wheeler J.S. Navy Finance, 1649-1660 // The Historical Journal, Vol. 39, No. 2 (Jun., 1996). P. 457-466.
- ²⁵ Walton C. History of the British standing army. A.D. 1660 to 1700. L.: Harrison and Sons, 59, Pall Mall, 1894. 887 Pp. P. 538.
- ²⁶ Black J. Rethinking Military History L., N.Y.: Routledge, 2004. 257 pp. P. 163.
- ²⁷ Lorenzo Magalotti at the Court of Charles II: His Relazione d'Inghilterra of 1668. Waterloo, Ontario, Canada: Wilfrid Laurier University Press, 1980. 161 pp. P. 92.
- ²⁸ Kishlansky M. A Monarchy Transformed: Britain 1603-1714. L.: Penguin Books, 1997. 386 pp. P. 268.
- ²⁹ Burnet G. History of my own time. Part I. The Reign of Charles the Second: in 2 vols. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1897. 608 pp. P. 279.
- ³⁰ Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice: in 38 vols. Vol. XXXII. L.: Institute of Historical Research, 1931. 416 pp. P. 234-243.
- ³¹ Coox A.D. The Dutch Invasion of England: 1667 // Military Affairs, Vol. 13, No. 4 (Winter, 1949). P. 223-233.
- ³² Childs J. Monmouth and the Army in Flanders // Journal of the Society for Army Historical Research, Vol. 52, No. 209 (Spring 1974). Pp. 3-12.
- ³³ Black J. From Louis XIV to Napoleon: The Fate of a Great Power. L.: UCL Press 1999. 287 pp. P. 36.
- ³⁴ The Lauderdale Papers: in 3 vols. Vol. III. Westminster: Nichols and Sons, 1885. 267 pp. P. 97, 167-173
- ³⁵ Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке. М.: ЛЕНАНД, 2021. 280 с. С. 216-242.
- ³⁶ Shea W.L. The First American Militia // Military Affairs, Vol. 46, No. 1 (Feb., 1982). P. 15-18.

- ³⁷ *Aylmer G.E.* The Crown's Servants: Government and Civil Service under Charles II, 1660-1685. Oxford: Oxford University Press, 2002. 303 pp. P. 15, 20.
- ³⁸ *Seaward P.* The Cavalier Parliament and Reconstruction of Old Regime, 1661-1667. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 359 pp. P. 140-141.
- ³⁹ *Ogg D.* England in the Reign of Charles II: in 2 vols. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1955. 388 pp. P. 198.
- ⁴⁰ *Harris T.* Restoration: Charles II and his Kingdoms 1660-1685. L.: Penguin Books, 2006. 506 pp. P. 59, 64-65.
- ⁴¹ *Miller J.* The Militia and the Army in the Reign of James II // *The Historical Journal*, Vol. 16, No. 4 (Dec., 1973). P. 659-679.
- ⁴² *Willcock J.* A Scots Earl in Covenanting Times: Being Life and Times of Archibald, 9th Earl of Argyll (1629-1685). Edinburgh: Andrew Elliot, 17 Princes Street, 1907. 517 pp. P. 366-408.
- ⁴³ *Tankerville, Forde Grey, Earl of.* The secret history of the Rye-House plot and of Monmouth's rebellion. L.: Andrew Miller, in the Strand, 1764. 124 pp. P. 115-116, 122.
- ⁴⁴ *Scott C.* The Militia of the Monmouth Rebellion. Eastwood, Nottingham: Partizan Press, 2015. 82 pp.
- ⁴⁵ *Davies G., Martin J.* The Militia in 1685 // *The English Historical Review*, Vol. 43, No. 172 (Oct., 1928), p. 604-605.
- ⁴⁶ *Harris T.* Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685-1720. L.: Penguin Books, 2007. 622 pp. P. 79-80.
- ⁴⁷ *Field O.* The Favorite: Sarah, Duchess of Marlborough. L.: Weidenfeld&Nicolson, 2018. 571 pp. P. 50.
- ⁴⁸ *Станков К.Н.* Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. Вып. 17. С. 103-108.
- ⁴⁹ *Станков К.Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685-1701. СПб.: Алетейя, 2014. 416 с. С. 94-103.
- ⁵⁰ *Пинкус С.* 1688 г. Первая современная революция. М.: Издательство АСТ, 2017. 928 с. С. 255-263.
- ⁵¹ *Гордиенко Д.О.* Идея постоянной армии и памфлетная война в Англии конца XVII - начала XVIII в. // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки.* 2018. Т. 160, кн. 3. С. 761-771.
- ⁵² *Малкин С.Г.* «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715-1745 гг. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 256 с. С. 104-134.
- ⁵³ *Малкин С.Г.* Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с. С. 234-295.
- ⁵⁴ *McCarthy J.H.* A History of the Four Georges and of William IV: in 4 vols. Vol. III. N.Y., L.: Harper&Brothers Publishers, 1901. 349 pp. P. 190-210.

ALL THE KING'S MAN»: MILITIA IN THE HISTORY OF ENGLAND DURING THE STUART AGE

© 2021 D.O. Gordienko

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The article presents the results of a study devoted to the history of the British armed forces in the "long" 17th century. The militia was the backbone of England's national military system. The author examines the aspects of the development of the institutions of the modern state during the reign of the Stuart dynasty, traces the process of the development of the militia and the formation of the regular army. He reveals the role of the militia in the political events of the Century of Revolutions: the reign of Charles I, the Wars of the Three Kingdoms, the Restoration age, the Glorious Revolution, and also gives a retrospective review of the events of the 18th century.
Keywords: modern state, militarization, militia, regular army, Civil war, rebellion, Early Modern times.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-90-97

*Dmitry Gordienko, Candidate of History, Associate Professor, Department of World History, International Relations and Documentation.
E-mail: stuartssergant@yandex.ru*

УДК 94 (591)

АФГАНИСТАН В СФЕРЕ ТОРГОВЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

© 2021 В.Н. Шкунов

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 16.08.2021

Статья посвящена проблемам торгово-экономического соперничества Российской империи и Великобритании в первой половине XIX в., когда две державы искали адекватные методы и формы защиты своих интересов в Средней Азии и Афганистане. В статье особое внимание уделяется проблемам экономического развития Афганистана в рассматриваемый период, его внешней торговли. Анализируются основные статьи экспорта и импорта, объемы торговли, каналы сбыта товаров, этноконфессиональные особенности торговцев, принимавших участие в торговле с Кабулом. Отмечается роль дипломатической службы России и Великобритании, путешественников, разведчиков, купцов в сборе необходимой информации о положении на Среднем Востоке. Автор акцентирует внимание на роли и значении ханств Средней Азии и среднеазиатских купцов в продвижении российских товаров в Афганистан. Отмечены региональные особенности организации внешней торговли (на примере белуджи).

Ключевые слова: Афганистан, Великобритания, Российская империя, Индия, Средняя Азия, внешняя торговля, соперничество.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-98-103

Афганистан в силу исключительно выгодного стратегического положения на протяжении многих веков играл особую роль в международной торговле. Через территорию страны проходили важнейшие торговые пути из Китая, Индии, Тибета, государств Средней Азии, Ирана, Закавказья, Европы, России. Иначе говоря, Афганистан находился на перекрестке транзитных путей, от безопасности которых во многом зависело состояние международной торговли в огромном регионе Азии.

К началу XIX в. Афганистан оказался в центре внимания британских и российских властей, видевших в нем территорию своих особых интересов. Собственно, именно в это время четко обозначилась задача: кому будет принадлежать пальма первенства в Афганистане – России или Англии? Особая озабоченность в Лондоне была вызвана и другой проблемой. Англичане рассматрива-

ли продвижение России в Средней Азии и в Афганистане как потенциальную опасность для ее индийских владений. В свою очередь, в Санкт-Петербурге расценивали проникновение англичан в Афганистан и Среднюю Азию как угрозу национальным интересам России в этом обширном регионе. Именно в это время (1839-1840 гг.) совершается знаменитый, но, увы, бесславный зимний поход Оренбургского военного губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса, графа Василия Алексеевича Перовского, который был с тревогой воспринят в Лондоне. В этом военном походе английские власти увидели тревожный сигнал: Россия начинает прибегать к военной силе для своего утверждения в Средней Азии. Примечательно, что Хивинский поход В.А. Перовского совпал по времени с первой англо-афганской войной, не приведшей к особым успехам для Лондона. Эти военные события знаменовали переход англо-российского торгово-экономического соперничества в новую стадию – демонстрация

Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: orinetru@mail.ru

военной силы, наступательное продвижение в сторону Афганистана с севера и с юга, введение нового арсенала дипломатических, разведывательных, политических средств противодействия друг другу.

Одной из причин, сдерживавших торговлю на территории Афганистана, были частые грабежи купеческих караванов со стороны местных племен. Однако, как отмечалось в литературе того времени, «грабежи никогда не сопровождаются убийством, и там, где правительство имеет власть, путешественник всегда невредим»¹. На территории Афганистана мирно уживались представители разных народов и религий. И если сами афганцы редко занимались торговлей, то индийцы и иранцы, подолгу жившие в Кабуле и других городах, не испытывали по отношению к себе неприязни или вражды.

Еще одной из причин, негативно отражавшейся на торговле, была слабость центральной власти, раздоры между племенами, перераставшие в вооруженные конфликты. Сами афганцы отмечали: «Мы не жалуемся на наши смуты, не жалуемся на раздоры, не жалуемся на кровопролития, но никогда не будем довольны властелином»². Именно это обстоятельство часто приводило к тому, что афганцы весьма прохладно относились к приказам шаха, тем более что на протяжении всего рассматриваемого периода на престоле в результате дворцовых переворотов часто менялись правители. Периоды вооруженных межплеменных конфликтов негативно отражались на торговых связях, приводили к застою в торговле либо к ее полному прекращению. Индийские, иранские, тибетские, среднеазиатские купцы, имевшие своих агентов и партнеров в Кабуле, при получении известий о нестабильной ситуации в Афганистане приостанавливали отправку торговых караванов.

Центром российской торговли в Афганистане на протяжении всего рассматриваемого периода был Кабул. «Торговля Кабула весьма значительна, и русские товары, как и русское имя, здесь в большом уважении, по свидетельству самих англичан, посещавших этот

город в последнее время»³. В Кабул стекались товары из всех сопредельных и дальних стран (транзитом). Особым спросом пользовались индийские товары: хлопчатобумажные ткани, кисеи, олово, слоновая кость, индиго, воск, сахар, пряности и пр. Из Афганистана вывозились лошади, меха, шали, табак, фрукты. Большое количество фруктов (включая сухофрукты) доставлялось за границу из Пешавара: сливы, персики, гранаты, яблоки, шелковица, груши, финики и пр.

Особую роль в российско-афганской торговле играли среднеазиатские купцы. Зачастую они выступали посредниками в этой торговле и опасались прямых торговых связей России с Афганистаном, т.к. это могло привести к потере их доходов и преимуществ. Именно они доставляли из Коканда, Бухары, Хивы, Самарканда и других торговых центров Средней Азии местные и российские товары. Переводчик, кандидат по восточной словесности Петр (Петер) Иванович Демезон и российский разведчик, прапорщик Иван (Ян) Викторович Виткевич в своих «записках» представили краткий обзор российско-афганских и среднеазиатско-афганских торгово-экономических отношений. Ценность этих документов заключается в том, что они подготовлены лицами, которые на месте непосредственно изучали проблемы торговых связей в ханствах Средней Азии и Афганистане (И.В. Виткевич), scrupulously отметили особенности торговых операций, ассортимент товаров, цены и т.д. Особый акцент в документах сделан на политике англичан в Афганистане, их планах продвижения в Среднюю Азию⁴. Так, П.И. Демезон отметил, что в Бухаре действовал караван-сарай Сарайи Мирзачуль, в котором традиционно останавливались афганские торговцы, а также Сарайи Абдуладжан и Сарайи Аёз, где проживали представители афганского племени логани⁵. Кроме этого, в столице Бухарского эмирата располагались караван-сарай, в которых размещались преимущественно индийцы, многие из них вели торговую деятельность в Кабуле и других городах Афганистана. На-

конец, в караван-сараях Сарайи Бадреддин жили купцы из Пешавара.

Из Кабула и Пешавара афганские, индийские, среднеазиатские и российские торговцы доставляли лунги (особые хлопчатобумажные тюрбаны голубого или белого цвета), высококачественный рис, нюхательный табак, балагун (табаки, изготовленные из кокосового ореха), теразуи чарми (торговые весы, изготовленные из кожи верблюда), сахар-сырец из Джелалабада и Сукмана, усму (натуральная краска голубого цвета), зарчубу (куркума), афганские ружья, сабли, кинжалы, луки, лисьи шкуры и пр.⁶ Кроме этого, на рынки Средней Азии поступали разнообразные товары из Герата.

Особый интерес афганские и индийские торговцы (из Кабула) проявляли к вывозу из ханств металлических денег (бухарские тилла, голландские дукаты, русские целковые). Это стремление к вывозу золота и серебра (как в монетах, так и в слитках) было характерно для афганского импорта на протяжении всего рассматриваемого периода.

Через государства и владения Средней Азии шел транзит российских товаров в Афганистан. К примеру, в Герат и Кабул доставлялись железо, медь, выделанные кожи, нанку, зеркала, иглы, золотые и серебряные нити, олово, сукно, сундуки, русский фарфор, подносы и т.д.

«Записки» И.В. Виткевича расширили и дополнили информацию Демезона. В его документе больше мелких деталей, уточнений, пояснений, комментариев. В тексте прослеживается рука опытного разведчика, от взора которого не ускользали мельчайшие нюансы, которые в целом сплетались в единую картину увиденного и пережитого. Например, Демезон очень сухо и кратко дает описание караван-сараяв Бухары, а Виткевич обращает внимание на детали, которые, казалось бы, могли ускользнуть от взора обычного человека. Например, давая характеристику одному из караван-сараяв Бухары, прапорщик заметил, что он принадлежал богатому афганцу Бедрутдину, располагавшему до 160 тыс. рублей. Ежегодно он

вывозил в Кабул до 100 породистых лошадей и разнообразные российские товары⁷.

В Санкт-Петербурге внимательно следили за событиями в ханствах Средней Азии и Афганистане. По дипломатическим каналам российские власти стремились заручиться помощью и поддержкой среднеазиатских правителей в целях обеспечения безопасности российских торговых караванов, направлявшихся в Кабул. В инструкции поручику Я.П. Гавердовскому, направленному с миссией в Бухару в 1803 г., Министр коммерции Н.П. Румянцев подчеркивал: «Внушить хану, что Государь российский в виде надежды на ханское усердие препоручает ему снабжать охранительными листами российское купечество, когда оно лично и особенно, или целым караваном вознамерится предпринять путь в Кабул, Кашемир, Кандагар, Тибет и прочие прилежащие индийские или персидские владения, уверяя их, что и бухарцам, желающим ехать в Европу, то же охранение даровано будет»⁸.

Таких миссий в Среднюю Азию в первой четверти XIX в. было несколько. И каждая из них расширяла сведения о положении дел в ханствах и в Афганистане. Представленные в Санкт-Петербург донесения, рапорты, отчеты становились предметом глубокого анализа в министерствах, других органах государственной власти и ложились в основу восточной политики империи. В своих ранних публикациях (монографии, научные статьи) мы подробно рассматривали данный вопрос. В качестве примера упомянем лишь мнение капитана Николая Николаевича Муравьева, тонкого знатока Востока, совершившего в 1819-1820 гг. путешествие в Туркмению и Хиву. В своих донесениях он неоднократно подчеркивал важность восточного направления отечественной внешней торговли и считал, что ей не уделяется должного внимания. В своем труде «Замечания о туркменах и хивинцах и мысли об устройении крепости на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой» офицер отмечал: «... должно купцам нашим добираться до

Индии, иметь конторы в Хиве, в Бухарии, в Кашмире и Кабуле»⁹.

Торговые отношения Российской империи с Афганистаном имели и этноконфессиональные особенности. В них принимали активное участие среднеазиатские, татарские и армянские купцы и значительно реже – русские торговцы. Купцы, исповедовавшие ислам, чувствовали себя более уверенно на территории как среднеазиатских ханств, так и в Афганистане. Местные жители воспринимали их как единоверцев. Особый статус армянских купцов определялся их давними (насчитывавшими столетия) связями с регионом. Офицер Генерального штаба Виктор Николаевич Мочульский, собравший ценные сведения о положении в Индии и окрестных владениях, в своих рапортах и «описаниях» отмечал, что «кроме торговых связей армяне ... имели в Азии значительное политическое влияние, и многие из них занимали важные должности у различных государей Востока... При дворе афганском и в Герате находятся также несколько из них...»¹⁰. Высоко оценивая роль армянских купцов в упрочении российско-афганской торговли, штабс-капитан полагал, что именно они способны «легко России открыть дорогу во все страны Востока».¹¹ Русские купцы были чрезвычайно редкими гостями в Афганистане: им было выгоднее направлять в эту страну своих приказчиков из числа татар или действовать при посредничестве среднеазиатских компаньонов.

Одной из проблем, сдерживавших торговые отношения Российской империи с Афганистаном, было отсутствие или недостаточность информации о реальном положении дел на путях в эту страну и в Кабуле. С начала XIX в. российские власти и торговцы прибегали к разным источникам информации: от донесений дипломатических миссий в странах Востока до расспросов отечественных и иностранных купцов, изучения зарубежной литературы, разведанных и описаний путешественников. Например, при подготовке очередного посольства в Китай Министр коммерции Н.П. Румянцев в докладе импе-

ратору Александру I от 16 (28) января 1805 г. отметил, что данная миссия могла бы «содействовать успехам общего просвещения и наук и особенно торговые виды наши познакомить в Кабуле, распространив оные через Тибет, лежащий поперечною чертой от Китайской империи мимо Индостана до Персии»¹². Таким образом, Афганистан рассматривался российскими властями не только как выгодный торговый партнер, но и как плацдарм для дальнейшего распространения российской торговли в сопредельные страны: Тибет, Индию, Иран и т.д.

Еще одной острой проблемой, резко обострившейся с середины 20-х гг., стало усилившееся англо-российское соперничество в Афганистане и в Средней Азии. В своем докладе от 8 (20) марта 1824 г. Министру иностранных дел К.В. Нессельроде Поверенный в делах в Персии С.И. Мазарович отмечал: «Сеять раздоры, немедленно мстить за оскорбления, подкупать фаворитов и всячески отговаривать других европейцев от поддержания отношений с Азией – такова ... удачная тактика, благодаря которой англичане надолго сохраняют преобладание в этой интересной части света»¹³. К концу 30-х гг. соперничество двух держав перешло в новую фазу, когда, как отмечалось выше, с обеих сторон было задействовано оружие, выросло число миссий разведывательного характера. Сбор информации об Афганистане и сопредельных странах и ее анализ приобрели системный характер. Например, в 1848 г. в Лейпциге вышла монография немецкого востоковеда, члена Прусской академии наук, историка Карла Фридриха Неймана «Трагедия в Афганистане» (в России ее перевод выполнил действительный член Русского Географического общества В.П. Голубков под названием «Афганистан и англичане в 1841 и 1842 г.»)¹⁴. В ней достаточно детально рассмотрены события как в Афганистане, так и вокруг него, дана характеристика британской политики на Среднем Востоке, проанализированы цели и задачи английских разведывательных миссий в регионе, рассмотрены

меры противодействия со стороны России. Говоря о торговле, автор заметил, что после распада империи Дуррани Афганистан относительно быстро восстановил экономику, а «торговцы... стремились толпами в Кабул: городской базар был завален товарами Запада и Востока и стал одним из богатейших в Азии»¹⁵. Только таможенные сборы оценивались в 200 тыс. гульденов при общем доходе страны в 2 млн. гульденов¹⁶.

Из Афганистана в Россию в рассматриваемый период товары доставлялись разными путями. Назовем основные каналы сбыта. Главный торговый путь лежал из Оренбуржья через казахские степи и ханства Средней Азии. Второй путь – через территорию Ирана на Астрахань (морским путем) и через Закавказье. Третий путь – через земли туркмен на полуостров Мангышлак с последующей доставкой товаров по Каспийскому морю в Астрахань. В 40-е гг. XIX в. приоритет в отечественной периодической печати отдавался Волжско-Каспийскому пути: «Можно также надеяться, что торговля Средней Азии, Афганистана и Восточной Персии пойдет естественным своим путем через Хиву, Ново-Петровск, Астрахань и по Волге в Нижний Новгород»¹⁷.

Афганские купцы имели широкие связи с внешними рынками: их товары можно было встретить по всей Южной Азии, в Китае, Тибете, Иране, Османской империи, Северной Африке и т.д. Большую выгоду местным торговцам приносил реэкспорт. Поэтому не случайно в столицах ханств Средней Азии, в Иране, куда часто приезжали российские купцы, они могли приобрести у афганских компаньонов товары из самых дальних стран Востока. Перепродавая товары, афганцы, таким образом, получали значительную прибыль. Отметим, что жители разных регионов Афганистана в силу географических и иных преимуществ на протяжении многих десятилетий поддерживали тесные торговые контакты с определенными зарубежными торговыми центрами. Например, афганские белуджи длительное время совершали торговые операции в Синде, Бомбее¹⁸. И, разумеется, от выгодного расположения

Кабула, находящегося на перекрестке удобных перевалов, извлекали определенные преимущества все купцы столицы: основной поток товаров из Индии в Среднюю Азию шел именно через Кабул. Несомненно, город служил своеобразными воротами, связывавшими север и юг, Центральную и Среднюю Азию с Южной Азией.

На протяжении всей первой половины XIX в. в Российской империи было подготовлено более 20 различных проектов, «записок», «мнений» по поводу расширения торговых связей с Афганистаном и сопредельными владениями. Все они были подготовлены знающими людьми: разведчиками, путешественниками, купцами, государственными деятелями, служащими таможен, пограничной службы и т.д. Их ценность заключается в анализе двусторонней торговли, в ценных статистических данных, в описании торговых путей и пр. К середине века таких документов и публикаций стало больше, повысилось их качество (в частности, стало меньше ошибок, неточностей в географических названиях, именах и т.д.). Несмотря на разные позиции авторов их мнения сходились в главном: Россия должна отстаивать свои торгово-экономические интересы на Востоке всеми доступными средствами.

Таким образом, в первой половине XIX в. усиливается интерес российских купцов и предпринимателей к рынкам Афганистана. Это было вызвано целым комплексом причин: продвижением России в глубь Центральной и Средней Азии, возросшей потребностью отечественной мануфактурной промышленности в азиатском сырье, необходимостью защиты торгово-экономических интересов государства на восточных окраинах в условиях усиления российско-английского соперничества, потребностью в сбыте отечественных товаров на обширных рынках сопредельных стран и т.д. Афганистан, служивший своеобразными воротами в Индию и Тибет, приобретал особую значимость как важнейший транзитный центр российско-восточной торговли. Именно в этот период времени усиливается не только

торговый интерес к Афганистану: он привлекает особое внимание политиков, дипломатов, военных. Первая половина XIX в. стала предтечей новой эпохи, в течение которой существенно изменилась расстановка сил в регионе, упрочились позиции Российской империи на обширной территории от границ Оренбуржья до границ Индии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Афганистан // Энциклопедический Лексикон. Т.3. СПб.: Типография А. Плюшара, 1835. С.445.
- ² Там же. С.446.
- ³ Там же. С.448.
- ⁴ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 149 с.
- ⁵ Там же. С.59.
- ⁶ Там же. С.79-80.
- ⁷ Там же. С.101.
- ⁸ Министр коммерции Н.П. Румянцев поручил Я.П. Гавердовскому от 7 (19) ноября 1802 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801-1815 гг. Т.1: март 1801 г.- апрель 1804 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С.335.
- ⁹ Муравьев Н.Н. Замечания о туркменах и хивинцах и мысли об устройении крепости на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой // Акты,

собранные Кавказской археографической комиссией. 1875. Т.6. Ч.2. С.716.

- ¹⁰ Описание Западного Индейского полуострова, составленное штабс-капитаном В.И. Мочульским // РГВИА. Ф.427. Оп.1. Д.251. Л.57 об.- 67.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Доклад министра коммерции Н.П. Румянцева Александру I от 16 (28) января 1805 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801-1815 гг. Т.2: апрель 1804 г. - декабрь 1805 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С.298.
- ¹³ Поверенный в делах в Персии С.И. Мазарович управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде от 8 (20) марта 1824 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 2: 1815-1830 гг. Т.5 (13): январь 1823 г. - декабрь 1824 г. М.: Издательство «Наука», 1982. С.374.
- ¹⁴ Neumann K.F.. Das Trauerspiel in Afghanistan. Leipzig, 1848. В пер.: Нейман К.Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 г. / Пер. П.В. Голубкова. М.: Типография В. Готье, 1848. 183 с.
- ¹⁵ Там же. С.14-15.
- ¹⁶ Там же. С.15.
- ¹⁷ Иванин М.И. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году // Записки Русского географического общества. 1849. Кн.1-2. Изд.2-е. С.353.
- ¹⁸ Masson Ch. Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab and Kalat. Vol.II. London: Richard Bentley, 1844. P.107.

AFGHANISTAN IN THE SPHERE OF TRADE INTERESTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

©2021 V.N. Shkunov

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the problems of trade and economic rivalry between the Russian Empire and Great Britain in the first half of the XIX century, when the two powers were looking for adequate methods and forms of protecting their interests in Central Asia and Afghanistan. The author pays special attention to the problems of economic development and foreign trade of Afghanistan in the period under review. He examines the main objects of export and import, trade volumes, channels for the sale of goods, ethnic and confessional characteristics of merchants who participated in trade with Kabul. The role of the diplomatic service of Russia and Great Britain, travelers, scouts, merchants in collecting the necessary information about the situation in the Middle East is noted. The author focuses on the role and importance of the Central Asian khanates and merchants in promoting Russian goods to Afghanistan. The regional peculiarities of the organization of foreign trade are noted (by the example of Baloch). *Keywords:* Afghanistan, Great Britain, Russian Empire, India, Central Asia, foreign trade, rivalry.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-98-103

Vladimir Shkunov, Doctor of History, Doctor of Pedagogics,
Leading Researcher. E-mail: orinetru@mail.ru

УДК 94 (73)

**ТЯНЬАНЬМЭНЬ 1989:
ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
И ПРОТЕСТ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СМИ США**

© 2021 С.О. Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 1.09.2021

В статье рассматриваются материалы СМИ США 1989 года, посвященные поиску ответа на вопрос о характере протестов в Китае. Анализ газет США показывает сложную и противоречивую информационную ситуацию. 1989 г. – период постепенного увеличения интереса журналистов, редакторов и политиков к проблеме проявления гражданственности и демократии в Китае. Журналисты США приходят к пониманию новых очертаний геополитической картины мира, к пониманию того, что существует как минимум два глобальных подхода к вопросу о перестройке китайского общества и что эти подходы напрямую влияют на понимание новой роли США в мире.

Ключевые слова: СМИ, США, китайское общество, Коммунистическая партия Китая, Холодная война.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-104-107

*Работа подготовлена в рамках проекта №073-00065-21-01 от 14.07.2021
государственного задания Министерства просвещения РФ.*

Изучение опыта формирования представлений о таких понятиях, как гражданственность, гражданский долг, демократия, в контексте социокультурных исследований на базе исторической имагологии может дать достаточно интересные результаты, которые представляется возможным использовать не только на расширение научных представлений об определенных исторических событиях, но и для теоретического обобщения и выявления универсальных приемов по формированию в СМИ представлений об обозначенных фундаментальных понятиях.

В этом плане очень любопытным и показательным является китайский опыт выработки государственной позиции в отношении протестного движения и, что немаловажно, особенности освещения этого опыта американскими СМИ.

Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения. E-mail: witch-king-1@mail.ru

В 1989 году в КНР активно шло обсуждение первых итогов «политики реформ и открытости», провозглашенной на III пленуме ЦК КПК 11-ого созыва в конце 1978 г. Вместе с существенными успехами в области сельского хозяйства и внедрения новых форм взаимоотношений в промышленности в китайском обществе ставились вопросы и о негативных последствиях реформ, такие как возможная инфляция, географическая неравномерность реформ, усиление коррупции в партийной системе. Среди китайских студентов обсуждение обозначенных тем приводит к формированию сразу нескольких групп, отличающихся своей оценкой реформ.

Часть студентов КНР считала, что реформы идут слишком низкими темпами, необходима большая либерализация в экономике, а главное – реформирование и политической системы Китая. Сохранение власти у КПК представлялось ведущим препятствием к осуществлению реформ. Имен-

но в данной студенческой среде зимой-весной 1989 г. наиболее активно обсуждались возможности трансфера опыта демократических стран, шло переосмысление понятий «гражданин» и «гражданский долг».

Другая часть студентов была настроена очень скептически в отношении реформаторского курса и настаивала на прекращении реформ, используя идеализированный образ Мао Цзэдуна для пропаганды своих контрреформаторских взглядов.

И последняя наибольшая по составу группа студентов выступала против отдельных негативных проявлений в ходе реформ (таких как коррупция). В ЦК КПК были осведомлены зимой-весной 1989 года о подобных общественных настроениях, и вопрос о наиболее опасной части недовольных в китайском обществе вызвал серьезные разногласия. Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан видел самую серьезную угрозу в противниках реформаторского курса, считая, что студенты, интеллигенция и госслужащие имеют право выдвигать свои взгляды и оценки на ход реформ. А премьер-министр КНР Ли Пэн – в сторонниках либерализации и демократизации.

Неожиданная смерть Ху Яобана 15 апреля 1989 г. приводит к трансформации закрытых обсуждений и скрытых форм общественного протеста в открытый конфликт между КПК и гражданами КНР. Подобная активизация общественной жизни Китая не могла остаться незамеченной для мировых СМИ.

На завершающем этапе холодной войны в фокусе мировых СМИ неизменно приоритетными оказывались новости из СССР или Восточной Европы. В период 1989 г. американские газеты очень пристально следили за развитием «перестройки», освещали деятельность М.С. Горбачева, строили прогнозы относительно перспектив внешней политики США в Европе. С началом крушения социалистического лагеря внимание к восточноевропейским событиям резко усиливается и только весенний кризис в Китае заставляет журналистов обратиться к «азиатскому фронту» холодной войны. В со-

временной историографии очень мало исследований на тему реконструкции образа событий на площади Тяньаньмэнь, который создавала американская пресса.

Прежде всего следует отметить, что с началом «перестройки» в СССР в газетах США периодически появлялись материалы, предсказывающие скорое начало подобных процессов и в КНР. Поэтому смерть Ху Яобана (бывший генеральный секретарь ЦК КПК) 15 апреля 1989 г. вызывает в прессе мгновенную реакцию – «Los Angeles Times» в этот же день характеризует скончавшегося политика как главного сторонника свободы и демократии в Китае¹. «New York Times» на следующий день публикует большую статью своего пекинского корреспондента Николаса Кристофа, где Ху Яобан был назван наиболее перспективным китайским политиком, противостоящим «старым революционерам», военным и ортодоксам типа Ли Пэна². Ули Шметцер из «Chicago Daily Tribune» описывает суть конфликта проще: борьба между старой гвардией и реформаторами³.

В других газетах США Ху также описывался как сторонник открытой политической системы и сторонник принципа гражданственности, демократии и даже либерализма, а главное, уже 15 апреля были сделаны первые прогнозы о последствиях его внезапной смерти – возобновление студенческих волнений⁴.

Видно, что в самом начале кризиса пресса США начинает создавать его образ, используя противопоставление коммунизма и демократии; либерального Ху Яобана и консервативного Ли Пэна; желание перемен и свобод у низов общества и стремление к старому порядку у элиты КПК; гражданственности китайских масс и «абсолютизма» вождей КНР. Поэтому, когда начались митинги студентов 18 апреля на площади Тяньаньмэнь, газеты и общественность США были готовы воспринять их только в одном ключе – как протестное движение за демократию⁵. Николас Кристоф в «New York Times» приводит цитаты митингующих:

«Мы хотим демократии»⁶. Подборки похожих цитат публикует в «Washington Post» Дэвид Холли, характеризуя митинг в Пекине как «продемократический, антиправительственный и антикоммунистический»⁷. Важнейшие газеты США формируют образ митинга как формы гражданского протеста в Китае, который направлен на борьбу с «самыми консервативными порядками».

Дни 18-19 апреля 1989 г. можно назвать ключевыми в процессе формирования образа демонстраций в Пекине. Именно с этого времени в СМИ США устойчиво привязались к ним слова «свобода», «демократия», «реформы», «гражданственность». В последующие недели выростала только интенсивность появления в прессе сообщений из Китая. Основными поставщиками новостей из Китая стали Николас Кристоф и его жена Ширли Вудан.

Однако с развитием протестного движения его образ в США также начинает развиваться и усложняться. Видя отсутствие жесткой реакции китайских властей, пресса США начинает строить предположения о размежевании мнений в политбюро (Ли Пэн характеризовался как главный противник студентов; Чжао Цзяян и Ян Шанкунь – простуденческие и продемократические лидеры). И почти все издания начинают связывать события в Китае и Европе, предвещая скорое развитие китайской ситуации по «советскому образцу». Эта идея с 15 мая становится наиболее популярной в СМИ США – что холодная война быстро и, главное, одновременно завершится и в Европе, и в Азии падением коммунизма из-за мирных общественных движений и гражданского протеста. В этом плане в газетах образ китайского студента приобретает только положительные черты: студенты в Пекине в изображении американских СМИ – это борцы за демократию и гражданственность. Визит М.С. Горбачева в Китай вызвал в прессе резкий подъем оптимизма – высказывались надежды, что лидер СССР научит Чжао Цзяяна гласности и новому пониманию гражданского долга,

что после такой встречи крушение «диктаторского режима в Китае» неизбежно⁸. СМИ США предвещали полную и быструю победу над всем коммунизмом.

В периодических изданиях «Washington Post», «San Francisco Examiner» данный оптимизм сочетался с восхищением в адрес китайских руководителей, особенно Дэн Сяопина, которого только «Los Angeles Times» представляла как противника студентов. Однако материала, посвященного Дэн Сяопину, чрезвычайно мало – вся пресса США рассматривает его с 14-15 мая 1989 г. как политика, чья карьера уже закончилась. Джим Хогланд из «Washington Post», анализируя будущие последствия демонстрации, писал, что следующим лидером КНР будет либо суровый и мрачный Ли Пэн, либо либеральный Чжао Цзяян. Но в одном журналист не сомневался: будущего у Дэн Сяопина нет – при любом варианте решения проблемы демонстраций он уйдет, а либерально-демократические настроения общественности приведут одновременно и к радикальному изменению китайского руководства, и к перестройке китайского общества на базе принципа гражданственности⁹.

Корреспонденты, работающие на месте событий, по мере развития протестов начинают корректировать данный либеральный образ. В конце мая 1989 г. появляются первые статьи с осторожными вопросами – являются ли митинги в Пекине проявлением демократии. Так, Ширли Вудан в «New York Times» 27 мая 1989 г. опубликовала статью «Слабое эхо культурной революции», в которой проводит многочисленные параллели между событиями 1966 г. и 1989 г. И впервые проскальзывает мысль, что требования хунвэйбинов и требования студентов чрезвычайно похожи¹⁰.

Однако развития эти информационные тенденции не получили – уже 1 июня президент США Джордж Буш выступил в Майнце с заявлением о внешней политике, в котором напрямую связал распространение гласности в СССР с китайскими процессами – «спрос на демократию в мире растёт»¹¹. И

потребовал от китайских руководителей ответа на протесты, подчеркнув: «В желании свободы нельзя отказывать вечно». В завершение речи президент выразил надежду, что в Пекине общественно-политическая ситуация будет меняться так же стремительно и положительно, как в Москве, Будапеште и Варшаве. В СМИ США считалось, что Чжао Цзяян, особенно после исторической встречи с М.С. Горбачевым, неизменно выберет не силовой, а реформаторский вариант урегулирования кризиса.

Таким образом, можно заключить, что ведущие периодические издания США с середины мая 1989 г. связывали демонстрации в Китае с демократическими движениями в Восточной Европе, видя в студенческих волнениях одно из средств завершения холодной войны в Азии. Однако непонима-

ние в полном объеме характера протестов и требований студентов вылилось у политиков и журналистов в США в неправильные прогнозы относительно действий властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Los Angeles Times. 1989.04.15. P. 3.
- ² New York Times. 1989.04.15. P. 3.
- ³ Chicago Daily Tribune. 1989.04.19. P. 1.
- ⁴ Chicago Daily Tribune. 1989.04.18.
- ⁵ Los Angeles Times. 1989.04.18.
- ⁶ New York Times. 1989.04.18.
- ⁷ Washington Post. 1989.04.18.
- ⁸ Zhao D. The Power of Tiananmen: State-Society Relations and the 1989 Beijing Student Movement. Chicago, 2001. P. 167.
- ⁹ Washington Post. 1989.05.29.
- ¹⁰ New York Times. 1989.05.27.
- ¹¹ New York Times. 1989.06.1.

TIANANMEN 1989: DEMOCRACY, CITIZENSHIP AND PROTEST IN THE REPRESENTATION OF THE US MEDIA

© 2021 S.O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education

The author examines the materials of the US media in 1989, devoted to finding answers to the question about the type of protests in China. Analysis of the US press reveals a complex and controversial information situation. 1989 saw a gradual increase in the interest of journalists, editors, and politicians to the problem of existence of citizen society and democracy in China. US journalists had come to understanding the new contours of the geopolitical picture; they realized that there are at least two global approaches to the question of restructuring Chinese society and that these approaches directly affect the understanding of the new role of the United States in the world..

Keywords: US media, Chinese society, Chinese Communist Party, Cold War.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-104-107

УДК 930(2)

**ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО И ЛИЧНОГО ОБИХОДА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ ЭПОХИ**

© 2021 О.Н. Яхно

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук

Статья поступила в редакцию 16.08.2021

В статье обосновывается необходимость расширения источниковой базы изучения истории повседневности. Отмечается, что в этом направлении исследований создан солидный историографический задел. Вышедшие в последние годы издания, посвященные реконструкции повседневной жизни столиц и провинциальных центров, отличаются широтой обобщений и выводов. Вместе с тем практически все исследования опираются на нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию, статистические материалы, публикации в периодической печати того времени, письменные источники личного происхождения. Гораздо меньше в качестве источника используются предметы материальной культуры, «вещного мира», окружающего человека в повседневной жизни. В статье показано, как анализ предметов домашнего обихода, разнообразных принадлежностей для свободного времяпрепровождения и ухода за собой способен углубить представления не только о материальной стороне быта, но и о разнообразии индивидуальных и групповых предпочтений, стилей поведения и общения, ценностных ориентаций людей. Делается вывод, что такой подход особенно важен при изучении изменений в повседневной жизни, наблюдавшихся в переломные эпохи российской истории, каковой являлось начало XX века.

Ключевые слова: источниковедение, повседневная жизнь, вещные источники, менталитет, образ жизни, эпоха модерна

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-108-117

Еще не так давно учебники, научные публикации и музейные экспозиции преимущественно рассказывали о значимых исторических событиях, «великих» исторических деятелях, различных доктринах и учениях. Традиционно гораздо меньше внимания уделялось частной жизни, реконструкции стиля и духа эпохи. И только в последние десятилетия ситуация стала меняться. Сегодня изучение повседневных практик людей считается не менее актуальной задачей, чем анализ трансформаций территориально-отраслевых административно-бюрократических структур, выявление сдвигов в общественно-политических

и социально-экономических отношениях. Это справедливо и для исследований позднеимперской эпохи российской истории. Наблюдавшиеся в то время эрозия сословного государства, появление новых социальных слоев, соперничающих политических воззрений и ценностных систем радикально меняли жизненный уклад. В нем причудливо переплетались новые и традиционные формы общения и поведения людей в трудовой, общественно-политической и бытовой сферах. Во многом они плохо согласовывались между собой. И это создавало благоприятную среду для возникновения конфликтных ситуаций как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Отсюда – рост социальной напряженности в обществе, который в конечном счете обер-

*Яхно Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: mrsyakhno@mail.ru*

нулся революционными потрясениями. Особенно зримо это проявлялось в крупных динамично развивающихся городах, являвшихся локомотивами перемен. Можно с уверенностью сказать, что системный подход к изучению повседневной жизни городского населения дает богатую информацию о специфике российской истории на одном из ее переломных этапов. А сам город предстает как комплексный объект в единстве своих многообразных функций, как динамично развивающаяся хозяйственная, социальная и культурная целостность в различных контекстах интерлокальных и региональных связей¹.

Предметом исследования при таком подходе становится жизнь «частного человека», его повседневные, «нормальные», привычные действия, включая эмоциональные реакции на те или иные события. Однако их реконструкция не так проста. Во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна. Во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много, что одинаково осложняет дело), относимых именно и только к ней. В-третьих, эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты зачастую восстановить куда трудней, чем сами факты. В-четвертых, исследование повседневности не может ограничиваться материальной стороной быта людей. Не менее важна реконструкция повседневного сознания и поведения. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их.

Нужно отметить, что в этом направлении в отечественной историографии создан солидный научный задел. В частности, имеется ряд монографических изданий, посвященных реконструкции различных сторон повседневной жизни российских столиц и крупных провинциальных центров². Они отличаются глубиной анализа,

широтой обобщений и выводов. В то же время следует подчеркнуть свойственную им общую черту. Эти исследования в основном опираются на разнообразный круг письменных источников: нормативно-правовые документы, законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические обзоры, периодическую печать и т.д. Такой подход соответствует традиции отечественной школы источниковедения, которая оставляет прерогативу за письменными, преимущественно официальными источниками. Но и здесь отмечалось, что соотношение разных видов источников, их место в информационном поле эпохи составляют особую исследовательскую проблему³.

Озабоченность состоянием источниковой базы высказывают авторы фундаментального труда, подготовленного под руководством А.К. Соколова. В нем говорится, что прежнее источниковедение уже «не оправдывает себя. Необходимо привлечение новых источников, иное прочтение тех, которые считаются основополагающими, изменение способов работы с ними. В теории это касается, прежде всего, переоценки устоявшихся в источниковедении классификационных схем и переосмысления значимости отдельных типов и видов источников для исследовательской практики историка»⁴. Похожие оценки содержатся в других авторитетных изданиях. Отсюда делается вывод о необходимости расширения источниковой базы. Поэтому отчетливо наметилась тенденция введения в научный оборот документов личного характера (эгодокументов)⁵, литературных произведений, кинофото-фономатериалов.

Однако, на наш взгляд, перечень перспективных источников будет неполным без включения в него предметов материальной культуры. Сегодня редкий историк (мы не берем археологов и этнографов) использует их для реконструкции повседневной жизни. В большей мере предметной среде, окружающей человека, уделяют внимание социологи, дизайнеры, маркетологи,

культурологи, искусствоведы. Ими же справедливо подчеркивается, что вещи способны многое рассказать об их владельцах. Поэтому цвет, силуэт, пропорции, фактура материала и пр. несут значимую социальную информацию. Она не столько характеризует саму вещь, сколько рассказывает о разнообразии индивидуальных и групповых предпочтений, стилей поведения и общения, ценностных ориентациях людей. Анализируя окружающий человека вещный мир, можно даже получить важную информацию об экономической ситуации, реальной социальной стратификации и психологическом климате в обществе⁶. Важно также учитывать еще одно обстоятельство. Если вербальные исторические источники при их создании могут быть подвержены какой-то цензуре, то материальная сторона повседневного быта скорее всего не обременена такими идеологическими рамками. Это открывает дополнительные возможности для проявления особенностей восприятия человеком внешнего мира, глубинных мотивов его поведения.

Прежде всего речь идет о костюмном комплексе⁷ и предметах домашнего обихода, включающих кухонную и столовую посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания, а также разнообразные принадлежности для свободного времяпрепровождения и ухода за собой. Все они тесно связаны с такими подсистемами материальной культуры, как мебель и орудия труда, и вместе заполняют среду обитания, в частности различные пространства в домах. В отличие от других элементов жилищ, они относительно подвижны внутри и своим формообразованием, материалом, орнаментом быстро реагируют на новые стилистические требования. Стилевое единство является настолько значительным критерием формообразования, что по характеру формы даже отдельного предмета можно судить о времени его создания и доминирующих культурных предпочтениях. Они определяются ментальными установками и материальными условиями существо-

вания людей. И их изменения оказывают непосредственное влияние на бытовое поведение, все аспекты повседневной жизни⁸.

В современной историографии эта взаимосвязь прослеживается на примере эволюции городского костюма конца XIX - начала XX века⁹. Отмечается его растущая приверженность моде¹⁰. Такой вывод подтверждает анализ предметов одежды из музейных коллекций, которые дополняют выкройки, фотодокументы и художественные изображения людей (картины, графика, открытки, этикетки, реклама и пр.) в различных жизненных ситуациях, журналы мод того времени. Они являются неким идеальным синтезом источников двух типов - иллюстраций и текста, что расширяет информационное поле за счет дополнительного описания модных элементов и степени их распространения. Фотографии, особенно сделанные в кругу семьи, не в ателье, позволяют увидеть костюм во всей полноте его повседневного бытования. Это позволяет углубить наши представления о благосостоянии людей, лучше понять вектор социальных изменений и масштабы распространения культурно-эстетических новаций, свойственных буржуазному образу жизни.

Думается, что столь же широкие возможности для исторических реконструкций открывает анализ предметов домашнего и личного обихода, обустройства жилища в целом. Здесь, как и в костюмном комплексе, имели место заметные новации. Это зафиксировано и в средствах массовой информации того времени, фотодокументах и предметах, сохранившихся в музейных и личных коллекциях. Они свидетельствуют об увеличении количества и расширении разнообразия домашней утвари.

Авторы изданий, посвященных домоводству и кулинарии, особое внимание обращали на подбор необходимой посуды, приспособлений и основного оснащения кухни. Называлось до ста наименований кухонной утвари, которые желательно иметь в хозяйстве. Считалось, что в каждом доме должен быть цинковый бак для мытья по-

суды, жестяной эмалированный таз, различные кастрюли, формы для выпечки и чугунные сковороды, самовар, мороженица и пр.¹¹. Рекомендовалось учитывать растущую специализацию кухонной продукции, многочисленные рекламные объявления убеждали хозяек в необходимости иметь различные кастрюли: медные, железные, эмалированные, алюминиевые, из огнеупорной глины. Отмечалось, что к их подбору нужно подходить рационально: «Вместо медных кастрюль можно приобрести чугунные эмалированные внутри, они много дешевле, но зато и служба их много короче. Или же жестяные оцинкованные, также с крышками и ручками»¹². Увеличению ассортимента доступной кухонной утвари способствовало фабричное производство, заметно снижавшее ее цены. Одновременно повышалась возможность приобретения различных механизмов – мясорубок, соковыжималок, машин для чистки картофеля, резки хлеба и т.д., – заметно облегчавших процесс приготовления пищи¹³. И все это, если судить по рекламе, было в наличии не только в столичных, но и провинциальных магазинах. В прессе постоянно публиковались объявления, что в продаже имеются «самовары, кофейники и приспособления к ним. Посуда: никелевая, алюминиевая, медная, эмалированная, чугунная. Кухни: спиртовые, газовые, керосиновые. Утюги: спиртовые, паровые и простые. Ложки алюминиевые, мельхиоровые. Выжималки для белья американские»¹⁴.

В фабричной эмалированной посуде, утверждали печатные издания, лучше отстает молоко, специальный кружок для снятия пены позволяет получить более вкусное варенье, а специальная кастрюля для кипячения молока со «сторожем» избавляла от неприятного вкуса и запаха любую самую занятую хозяйку¹⁵. Стоило обратить внимание на появление новых материалов, из которых делалась кухонная посуда. В частности, новым было применение алюминия для предметов в кухнях, туалетах, используемых в дороге¹⁶. А в бо-

гатых и элегантных домах «модным и оригинальным кофейником считается подражание турецкому кувшину. Такой серебряный кофейник очень эффектен и удобен, потому что чашки к нему могут быть какого угодно фарфора. Очень легко получить в России на наших прекрасных фарфоровых заводах имитации всех фарфоров, что будет стоить много дешевле». Автор заметки подчеркивал, что «в новом сезоне ликеров к кофе не подают, только сигары и сигареты, особенно с золочеными мундштуками, указывающими на тонкий вкус наших дам. Сигары также стало модно подавать в ящиках из черного стекла с золотыми или серебряными ободками. А уж “ящик” из дымчатого топаза в платиновой оправе может быть изящным подарком»¹⁷. Все эти вещи использовались для определенного ритуала и были красноречивым свидетельством определенного образа жизни и мировоззрения.

Предметы фабричного производства соседствовали с кустарными изделиями. В одно и то же время в хозяйствах городских и сельских жителей использовались для дробления круп ступка и пест, как деревянный, так и фабричный чугунный. Но металлические изделия фабричного производства (например, миксер, формы для выпечки кулича) употреблялись в основном городскими жителями¹⁸. Различные черпаки для измерения объема жидких и сыпучих продуктов были в ходу у зажиточных горожан, в частности купцов¹⁹. Эти изменения коснулись широких слоев городского населения. В рабочих семьях широко бытовала традиционная глиняная и деревянная утварь местного кустарного изготовления: горшки, кадки, блюда и миски²⁰. Изделия местных фабрик отличались функциональностью, простотой и традиционностью форм. Сама посуда была толстостенной и грубой, с лаконичной росписью. Можно отметить, что каждодневная посуда была разномастной, приобреталась по случаю. А вот в качестве парадной посуды широкое распространение получили сервизы. В любом хозяйстве присутствовало много

всякой мелкой самодельной утвари из дерева. В домах рабочих употреблялись также разного рода формы: вафельница литая чугунная с приклепанной длинной железной ручкой; каравайница глиняная для выпечки караваев; формочки для желе; много было деревянных форм²¹. Медная посуда в обиходе рабочей семьи почти совершенно отсутствовала, зато широко употреблялась зажиточной частью населения. В начале XX века в хозяйстве состоятельных рабочих появилась эмалированная посуда: кастрюли, тарелки, блюда, соусники, супницы²². Это говорит о распространении в широких слоях населения, в том числе и рабочих, городского образа жизни. Выражением нового мещанского вкуса было придумать для стола оригинальные украшения. Это были не всегда удобные сосуды в виде фигур или тарелки, всю поверхность которых занимали фарфоровые овощи, фрукты либо имитация салфеток. А магазины также рекламировали свой ассортимент: «Футляры для спичек, табакерки, солонки, сухарницы, сахарницы, сливочники. Кольца для салфеток, Порт-монэ. Ситочки: бадейкой и с ручками, щипцы для сахара савочки для чая, вилочки для лимона. Ложки столовые, десертные, чайные, кофейные и солевые, золоченые и белые. Мельхиоровые изделия Варшавских фабрикантов. Вазы для фруктов, десерта, масла, сахара, меда, варенья, икры. Тарелочки для лимона, разрезывания хлеба, бутылок. Подносы. Блюда для подношения хлеба. Подставки для фруктовых ножей, столовых ножей. Судки для стола мельхиоровые. Кружки для пива. Приборы для вина, яиц. Масленки с ледником. Чайники и кофейники. Пробки для бутылок в т.ч. стеклянные»²³.

Широкий ассортимент всех этих приспособлений говорит об активном поиске оптимально работающих механизмов и красивых форм. В них же находится способ решения давней проблемы: облегчить, упростить сам процесс приготовления еды. Люди, занятые на службе и не имеющие финансовых возможностей пользовать-

ся услугами поваров, получили возможность готовить дома. К тому же и времени на приготовление пищи при помощи новых приспособлений требуется несколько меньше, чем по традиционной технологии. Так, разделы книг, которые посвящены кухне и ее принадлежностям, знакомят нас с вариантами печей и плит, используемых в городских домах к началу XX века. Цивилизация старалась максимально упростить некоторые трудоемкие стороны повседневной жизни. В век открытий во всех областях особенно осознается динамизм современной жизни. «ВЕСЬМА оригинальный и практичный новоизобретенный прибор. Аппарат-кухня с сухой вечно не портящейся массой, благодаря которой аппарат-кухня моментально зажигается и горит сильным пламенем без копоти и дурного запаха, горение 1 к. в час. Абсолютно безопасно. Чудо-кухня необходима каждому семейному и холостому, гг. офицерам незаменима в походе. Благодаря складному прибору служит походной кухней»²⁴.

На оборудование кухонь непосредственное влияние оказывало изменение условий проживания горожан. В небольших городских квартирах невозможно было разместить традиционную русскую печь. И они оснащались более компактными плитами и духовыми шкафами. Это ускоряло и расширяло возможности в приготовлении пищи, на что обращали внимание практически во всех кулинарных изданиях. Составитель книги «Образцовая кухня» отмечал, что в русской печи очень трудно приготовить бифштекс или зажарить мелкую птицу. «А что касается до соусов, то хорошо приготовить их и думать нельзя, между тем как в настоящем гастрономическом столе соусы составляют главную принадлежность, без них обойтись невысказуемо, т.к. они придают разнообразие столу и весьма часто посредственную провизию превращают в очень вкусное блюдо»²⁵.

Замена традиционных русских печей на другие - газовые, спиртовые и пр., позволила внести разнообразие в способы

обработки продуктов питания. Теперь они не только «томились» или пеклись, но жарились, тушились, варились, готовились на пару. Это, в свою очередь, вело к разнообразию вкуса, цвета, консистенции готовых блюд. Такие достижения в сфере новых технологий приготовления пищи становились доступными все большему числу лиц на собственной кухне при небольших затратах средств, времени и сил. Да и блюда русской кухни все чаще заменялись французскими, немецкими, еврейскими.

Рекламировались и различные приспособления для поддержания чистоты комнат, одежды и белья. Рекламировались некоторые новинки домашней бытовой техники – пылесосы, стиральные машины. Объявлялась война пыли и микробам. Увеличивается количество различных щеток, которым приписывалась только одна функция. Например: щетка с длинной ручкой, чтобы можно было достать до потолков, широкая паркетная щетка, щетка для мягкой мебели, «выбивалка» для шелковой мебели и портьер, щетка-ковроочиститель» широкая и передвигалась на колесах²⁶. В рекламном объявлении встречается описание аппарата, который прикреплялся к длинной щетке, а пыль всасывалась мощным током воздуха в особый мешок. «Уже теперь повсюду за границей в домах имеются вода, электричество или газ. Тогда наступит рациональная чистка домашних вещей, платья, ковров и вместе с пылью будут удаляться микробы»²⁷.

Машины и механизмы советуют применять и для стирки, т.к. «хорошая машина меньше портит белье, чему усиленное трение руками»²⁸. «Паромойка Иона – непобедимая стиральная машина. Стирает исключительно паром и одновременно дезинфицирует белье. Ничуть не нарушает и не портит белье»²⁹. Аналогичную заботу мы видим в описании мелких приспособлений для сушки белья. «Практичные иностранцы, экономя в расходах, заботятся о том, чтобы их вещи не портились. Недавно в продаже появились новые железные крючки для сушки белья с фарфоровыми роликами, вы-

пущенные фирмой «Архимед». Они не рвут веревки, не ржавеют и не страдают от условий погоды»³⁰.

Можно сделать вывод, что именно самая консервативная часть ведения домашнего хозяйства, а именно готовка и уборка, оказалась подверженной самому сильному влиянию последних достижений науки и техники. Именно в области содержания дома и приготовления пищи стали применяться термины, связанные с функциональностью, практичностью, сохранением здоровья и пр. В различных слоях городского населения степень благоустройства была различной, как и причины, их вызывающие. Одни стремились к усовершенствованию жилищных условий, большей комфортабельности, уменьшению хозяйственных забот. Другие искали дополнительный источник доходов. Сдаваемое в наем жилье в Екатеринбурге было весьма разнообразным. Но все чаще появляется указание на наличие электрического освещения, отдельной кухни, теплого клозета³¹. Городские технические мастерские предлагали оборудование для «полного устройства водопроводов, ватер-клозетов и канализаций, автоматические печи для ванн, унитазы, ванны, краны»³², хотя в городе не было водопровода.

Несколько предметно-вещевых комплексов позволяют реконструировать интерьеры различных комнат. Благо рекламы позволяет хотя бы их перечислить: письменные, туалетные, умывальные приборы, лампы и принадлежности к ним, бронза и мельхиор московских и варшавских фабрик, венская мебель различных производителей, венские и английские кровати³³. Кресла, диваны, комоды и шкафы составляли различные комплекты для дома и дачи. Эти предметные комплексы фиксируют различное назначение комнат, а также формируют свою атмосферу в них.

Не случайно во многих рекламных объявлениях фигурирует венская мебель. М. Тонет создал технологию, которая позволяла на водяном пару гнуть клеевую дубовую фанеру и изготавливать из нее легкие фор-

мованные мебельные вещи. В 1915 г. братья Тонет удостоились чести в ходе выставки «Детский мир» преподнести комплект мебели Е.И.В. государыне императрице Марии Федоровне³⁴. Другим важным открытием стала возможность изготовления трубчатой мебели, которая стала популярной в большинстве городских домов. Дешевизна, легкость и гигиеничность делали возможным ее перевозку на дачи. Нередкими были комплекты бамбуковой мебели. Их также часто использовали на дачах, верандах. В качестве антуража - в фотоателье.

Преобладающим стилем была эклектика. Комнаты стали заполняться разнообразными предметами для обеспечения комфорта и интересного проведения досуга. Сотни вещей, мебель, цветы, безделушки иногда почти загромождали жилое пространство. Вещи приобретают все большую функциональную специализацию. А предметы разных стилей начинают мирно сосуществовать в одном помещении. Различная малогабаритная мебель (например, столики для шитья, этажерки и различные подставки), корзинки для бумаг, экраны для свечей и ламп, футляры и шкатулки отличались широкими изогнутыми линиями контура, мягко изогнутыми поверхностями.

В конце XIX столетия возникло новое художественное направление, объединившее творчество живописцев, графиков, архитекторов, критиков, писателей и поэтов. Стил модерн оказал самое большое влияние на полиграфическую продукцию и изделия прикладного искусства. Разнообразные журналы предлагали специализированные приложения с рисунками для рукоделий в новом стиле: вышивка, шитье, выпиливание и выжигание по дереву и бархату, тиснение по коже, гравюры. Украшать различным способом можно было многочисленные предметы домашнего обихода.

Значительные изменения в этот период претерпел интерьер жилища рабочих. Вместо лавок и грубо сколоченного стола появляются столы на точеных ножках, сту-

лья, различные шкафы и другая городская мебель, вместо сундуков шире используются комоды фабричного изготовления. Дома высококвалифицированных рабочих заполняет мягкая и венская мебель, зеркала³⁵, что также говорит о тенденции проникновения в повседневную жизнь идеи комфорта. Общей для всего периода тенденцией является удешевление убранства комнат: чугун вытеснил бронзу, майолика сменила фарфор, плюш и репс заменили атлас и бархат, клеенка – кожу, фотографии – живописные произведения³⁶.

Определенное влияние на занятия и хобби оказал технический прогресс. Появляются граммофон, аппараты для показа «волшебных картин», картины и стереоскопические виды к ним. Это также отражено в рекламных объявлениях: «Теперь счастье и радость Вашей семьи зависит только от Вас! Продажа французских граммофонов»³⁷. Широкое распространение получает увлечение фотографией. Для таких любителей издавались специализированные журналы: «Фотограф-любитель», «Фотографические новости», «Фотографический листок», «Фотографическое обозрение». Для хранения фотографий и открыток нужны были альбомы и рамки. Открытые письма выпускались по разным поводам: именинам, различным праздникам. К Пасхе традиционно предлагались яйца – фарфоровые, бронзовые, шоколадные с сюрпризом. Предлагались товары для аквариумов, цветоводства, коллекционирования и пр.

Увлечение различными видами спорта увеличило в обиходе количество спортивного инвентаря. Например, в Екатеринбурге Общество велосипедистов и любителей физического развития прилагало усилия к популяризации конькобежного и лыжного спорта. В декабре 1911 года в «здании цирка на Дровяной площади открывается скеттинг-ринг, устраиваемый американцем Гарри Блаквель»³⁸. И если большинство не могло себе позволить купить велосипед, коньки или ролики, то можно было взять их напрокат.

Фабричное производство предметов домашнего обихода способствовало распространению массовой культуры и вело к изменению различных сторон повседневной жизни большинства горожан. Становится обычным стандартное потребление, унифицируется стиль жизни различных профессиональных групп населения. Важным становится понятие комфорта (сочетание рационального и удобного). Вещи домашнего обихода перестают быть особой ценностью, появляется фактор их морального старения. Постепенно устанавливаются некие общепризнанные образцы, которым стремятся следовать люди независимо от своего социального положения и материального достатка. Во многих случаях заимствование новинок было поверхностным и принципиально не меняло сути жизненного уклада. Подобная ситуация свидетельствовала о сложности восприятия новых веяний, создавала предпосылки столкновения в повседневной жизни людей с разными культурными ценностями. Перемены в обществе, провозглашенные под знаменами рационализма, просветительства, ориентации на западный прагматизм и деловитость, сталкивались с их российским воплощением.

В заключение следует отметить важную особенность использования окружающего человека «вещного мира» в качестве источника реконструкции изменений, происходящих в повседневной жизни. Решающую роль здесь играет не столько их отбор, сколько угол зрения, критерии анализа, т.к. информация ментального характера не фиксируется в материале специально. Его стандарты задаются в том числе средствами массовой информации, литературой, кинематографом, изобразительным искусством, образованием, рекламой. Именно они определяют дискурс, одновременно и описывающий сложившиеся практики, и предписывающий нормы поведения человека в различных сферах жизни. Такие установки становятся для широких кругов населения неким императивом³⁹. Поэтому расширение традиционной источниковой базы за

счет привлечения вещественных источников позволит более подробно реконструировать особенности городской жизни, придает исторической картине объем и многомерность. Это приведет к лучшему пониманию как макроуровень и микроуровень связаны между собой.

Идеи, которыми руководствуются люди в своей деятельности, меняются значительно медленнее, чем материальные условия, и, значит, вся жизнь людей будет находиться под их совместным и противоречивым воздействием. Анализ материально-вещной среды, несущей скрытую информацию, помогает более полно оценить глубину происходящих изменений в обществе. В такие периоды вещь одновременно несет черты предыдущего периода, но уже заметны некоторые новые элементы. В частности, развитие промышленного производства, машинной индустрии привело к изменениям как в облике человека, так и окружающем его городском пространстве. «Предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько о технических практиках использования, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 195.

² Муравьева И.А. Век модерна: панорама столичной жизни. Т.1. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 2001; Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006; Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII - начале XX века. М.: Наука, 2006; Лавицкая М.И. Орловское потомственное дворянство второй пол. XIX

- нач. XX века. Орел: Издательство «Вешние воды», 2005; *Лавицкая М.И.* Орловское купечество второй пол. XIX - нач. XX века. Орел: Издательство ОРАГС, 2007; *Кислodosова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX - XX века. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2012; *Микитюк В.П., Яхно О.Н.* Повседневная жизнь Екатеринбурга. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014; Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенный период России (на материалах Оренб. губ. вт. пол. XIX - нач. XX века). Оренбург: ООО «Оренбургское книжное изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020.
- ³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебн. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 129.
- ⁴ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С.7.
- ⁵ История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Издательство «АсПур», 2014; Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. М.: Политическая энциклопедия. 2019.
- ⁶ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Издательство «Рудомино», 1995. С.7.
- ⁷ *Демиденко Ю.* История костюма как историческая дисциплина // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2006-2007. Вып. 2. С. 9-30.
- ⁸ *Казаринова В.И.* Красота, вкус, экономика. М.: Экономика, 1985. С.78.
- ⁹ *Фефилова Л.Ю.* Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX- начала XX в. по фотоматериалам Урала и Сибири. Автореф. дисс. Канд. Ист. наук. Екатеринбург, 2007.
- ¹⁰ *Яхно О.Н.* Мода эпохи модерна: идеи и реальность на страницах российской прессы // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 181-213.
- ¹¹ Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 113.
- ¹² Женщина. 1908. № 6. Вып. III. С. 1.
- ¹³ Поваренная книга известного кулинара Д. И. Бобринского. Харьков, 1913. С. 140-146.
- ¹⁴ Рекламное объявление // Голос Урала. 1912. 3 ноября.
- ¹⁵ Наша пища. 1891. № 10. С. 16.
- ¹⁶ Дамский мир. 1915. № 10. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. Омск, 1993. С. 46, 49.
- ¹⁹ Там же. С. 50.
- ²⁰ Пермская художественная галерея. Коллекция керамики. К-2277, К-2189.
- ²¹ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX в. – начало XX в. М., 1971. С. 144.
- ²² Там же. С. 146.
- ²³ Розничный преysкурant Торгового дома Бр. Агафуровых. СОКМ. с/м 24698/1 ф. 45. оп. 1.
- ²⁴ Екатеринбургская газета, 1906. № 1.
- ²⁵ Образцовая кухня. Сост. Н.Ф. Симоненко. М., 1892. С. 7.
- ²⁶ Хозяйка. 1906. № 29. С. 807.
- ²⁷ Живописная неделя. 1908. № 8. С. 7.
- ²⁸ Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С. 127.
- ²⁹ Уральский край. 1910. 4 июля.
- ³⁰ Новь-Хозяйка дома: Мода и домоводство. 1901. № 3. С. 7.
- ³¹ Уральский край. 1911. 1 марта.
- ³² Уральская жизнь. 1902. 5 июля.
- ³³ Пермская земская неделя. 1908. № 20.
- ³⁴ Петербургская жизнь. 1915. № 741. С.21.
- ³⁵ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX-XX в. М.: Наука, 1971.с.111-125.
- ³⁶ Интерьеры эклектики // Архидом. 2000. № 6. С. 10.
- ³⁷ Слово Урала, 1908. 6 февр.
- ³⁸ Уральская жизнь. 1911. 20 декабря.
- ³⁹ *Рокамора А.* Одевая город: Париж, мода и медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 69-70.
- ⁴⁰ *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономики знака. М., 2004. С.22.

**SUBJECTS OF HOUSEHOLD AND PERSONAL ITEMS AS A SOURCE
FOR STUDYING THE URBAN EVERYDAY LIFE OF THE LATE IMPERIAL ERA**

© 2021 O.N. Yakhno

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The author discusses the need to expand the source base for studying the history of everyday life. It is noted that a solid pool of historiographic works has already been accumulated in this area of research. Recent publications focusing on the reconstruction of everyday life in national capitals and provincial centers contain extensive generalizations and conclusions. At the same time, almost all studies are based on various legal acts, current records, statistical materials, publications in periodicals of a relevant period, and written sources of private origin. Subjects of material culture, the «world of things» that surrounds people in their everyday life, receive much less attention as a potential source of research. The article demonstrates in what way the analysis of numerous household items, various accessories for hobbies and pastime, as well as personal care items, may contribute to a better understanding of both the material side of everyday life and the diversity of individual and group preferences, behavioral and communication styles, and value orientations of the people. The author draws a conclusion that this approach is particularly important for studying the changes in everyday life observed in critical periods in the Russian history characteristic of the early 20th century.

Keywords: source study, everyday life, material sources, mentality, lifestyle, Modern age.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-108-117

УДК 902. 903. 023

К ВОПРОСУ О ДВУХ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУППАХ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ СТОЯНКИ КРАСНЫЙ ГОРОДОК

© 2021 К.М. Андреев*, К.И. Бородулин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 21.08.2021

Стоянка Красный Городок, исследованная в конце 80-х годов XX века, по сей день привлекает внимание специалистов по новому каменному веку лесостепного Поволжья. На ней выявлена немногочисленная, но выразительная коллекция керамики. При этом кремневый комплекс стоянки еще на этапе первичного осмысления материала вызывал ряд вопросов, и исследователи допускали наличие двух культурно-хронологических групп в каменном инвентаре. В связи с расширением источниковой базы по раннему неолиту и мезолиту лесостепного Поволжья, а также получением значительного массива естественнонаучных данных возникла потребность верификации сделанных более четверти века назад выводов. В частности, остается актуальным вопрос относительно гомогенности неолитической кремневой коллекции стоянки и возможности выделения в ней ранней примеси. В ходе повторного анализа комплекса стоянки Красный Городок было обработано около 600 единиц каменных артефактов. Коллекция памятника была разделена на две группы на основании цветовых и качественных характеристик кремня. Первая группа представлена артефактами из серого и различных его оттенков высококачественного кремня. Вторая группа – артефакты из цветного, преимущественно коричневого и различных его оттенков, низкосортного кремня. Для первой группы характерна большая ориентированность на получение правильных пластин и их относительно высокий удельный вес. Также из данного вида сырья изготовлены все угловые резцы на пластинах, выявленные на памятнике, и в целом большая часть орудий изготовлена на пластинчатых заготовках. Коллекция изделий из цветного кремня менее выразительна, однако можно констатировать меньшую ориентированность на получение пластин из данного вида сырья и преимущественно их неправильную форму, немногочисленные орудия при этом изготовлены на отщепках и сколах. На наш взгляд, обозначенные различия между первой и второй группами каменных изделий стоянки имеют культурно-хронологический характер. Первая группа кремня по сырью, форме и технике изготовления орудий, нанесения на них ретуши может быть отнесена к эпохе позднего мезолита лесостепного Поволжья. Вторая группа по характеру сырья и морфологии орудий относится к раннему неолиту.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, Самарская область, неолит, мезолит, елшанская культура, кремневый инвентарь.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-118-125

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)»*

Стоянка Красный Городок известна с начала XX века, была открыта в 20-е годы В.В. Гольмстен. В дальнейшем, уже после

Андреев Константин Михайлович, кандидат

исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии.
E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

Бородулин Кирилл Игоревич, бакалавр исторического факультета. E-mail: kborodulin@mail.ru

создания Самарской археологической экспедиции и переноса акцента внимания исследователей с южных районов Самарской области в бассейн реки Сок, она была обследована А.А. Ластовским. Памятник находится в Красноярском районе Самарской области в 100 м к юго-востоку от с. Красный Городок, на правом берегу реки Сок. В 1986

и 1988 годах под руководством А.А. Ластовского и О.В. Кузьминой в юго-восточной части памятника было заложено два раскопа общей площадью 300 кв. м¹. Стратиграфия памятника типична для стоянок данного микрорегиона, она включает дерн (около 5 см), далее идет неразделимый, однотонный культурный слой – темно-серая гумусированная супесь (на отдельных участках до 1 м), который подстилается суглинком оранжевого цвета – материк.

В ходе исследования стоянки были выявлены две культурно-хронологические группы материала. Первая представлена изделиями из кремня и керамикой, которые отнесены авторами раскопок к раннему неолиту – елшанский тип. Вторая – керамика, бронзовые и костяные изделия, кости домашних животных, относящиеся к абашевской культуре бронзового века. Отдельное внимание стоит обратить на то, что при публикации материалов памятника на страницах посвященных анализу каменного инвентаря, авторы отмечали его неоднородность. А именно были выделены две основные группы каменного сырья: первая представлена оттенками серого кремня, а вторая – оттенками желтого, розового и коричневого, другие группы сырья выявлены единично. Опираясь на данное обстоятельство, авторами было сделано вполне закономерное предположение: «присутствие на памятнике разносортного сырья может отражать культурную и хронологическую неоднородность коллекции или характеризует ранненеолитическую эпоху». И далее: «сосуществуют развитая пластинчатая техника и традиция использовать куски необработанного материала, что также допускает разновременность полученного комплекса кремневых изделий»². Однако спустя пятнадцать страниц анализ кремневой коллекции стоянки заканчивается более однозначным выводом: «в целом облик всей кремневой коллекции однороден»³.

В связи с расширением источниковой базы по раннему неолиту и мезолиту лесостепного Поволжья, а также получением

значительного массива естественнонаучных данных возникла потребность верификации сделанных более четверти века назад выводов. В частности, остается актуальным вопрос относительно гомогенности кремневой коллекции стоянки и возможности выделения в ней ранней примеси.

В ходе повторного анализа кремневой коллекции стоянки было обработано 614 единиц каменных артефактов (в публикации 1995 года их – 634 экз.). Данный комплекс был разделен на две группы на основании цветовых и качественных характеристик кремня. Первая группа представлена артефактами из серого и различных его оттенков высококачественного кремня. Вторая группа – артефакты из цветного, преимущественно коричневого и различных его оттенков, низкосортного кремня.

Первая группа насчитывает 468 единиц. Отходы производства представлены: кусками и осколками кремня (53 экз.), отщепами без ретуши (206 экз.), лишь один отщеп имеет мелкую краевую нерегулярную ретушь, продольными сколами (58 экз.), из которых 5 экз. имеют мелкую краевую нерегулярную ретушь и поперечными (4 экз.) сколами без ретуши.

Пластины (108 экз., 23% от комплекса данной группы) представлены целыми (7 экз.), проксимальными (43 экз.), медиальными (37 экз.) и дистальными (21 экз.) частями. Анализ метрических показателей пластин показал, что ширина варьируется от 4 мм до 21 мм, а толщина – от 1 мм до 6 мм, при этом основная масса пластин имеет ширину от 7 мм до 10 мм и толщину от 1 мм до 4 мм. Ретушь на пластинах в большинстве случаев наносилась по одной грани (8 экз.), с дорсальной (7 экз.) и вентральной (1 экз.) стороны, лишь в одном случае ретушь нанесена по двум граням с дорсальной стороны.

Нуклеусы представлены аморфными (1 экз.) и торцевыми формами (3 экз.), один из которых имеет две площадки снятия, также в коллекции выявлено несколько нуклевидных кусков кремня. Орудийный комплекс

Рис. 1. Стоянка Красный Городок. Пластины.

1-31 – первая группа сырья; 32-46 – вторая группа сырья

представлен 24 экземплярами (5,1% от комплекса данной группы). Скрепки изготовлены на пластинах (4 экз.) со скошенным (1 экз.) и округлым (3 экз.) рабочим краем, еще два скрепки на продольных сколах концевой

боковой и концевой с прямым рабочим краем. Также в комплексе присутствуют комбинированные орудия – скребок развертка с прямым рабочим краем и скобель-резец на пластине. Угловые резцы на пластинах

представлены 8 экз., единично выявлены двойной резец на пластине и угловой резец на продольном сколе. Наконец, по одному экземпляру обнаружено: скобель на отщепе; заготовка деревообрабатывающего орудия (топор?); обломок пришлифованного лезвия топора или долота; тесло со следами забитости.

Вторая группа изделий из кремня насчитывает 146 единиц. К отходам производства относятся отщепы (58 экз.), продольные сколы (23 экз.), а также куски и осколки кремня (27 экз.) без ретуши. Малочисленные пластины из цветного кремня (22 экз., 15% от комплекса данной группы) шириной от 7 мм до 16 мм и толщиной от 2 мм до 5 мм, в основном ширина от 10 мм до 11 мм, а толщина от 2 мм до 3 мм. Данные экземпляры имеют преимущественно нерегулярную огранку и могут быть также отнесены к пластинчатым отщепам. Ретуши на пластинах не обнаружено. Нуклеусы представлены аморфными (1 экз.) и торцевыми (4 экз.) формами, один из них уплощен и имеет пирамидальную форму. Орудийный комплекс насчитывает всего 6 экз. (4,1% от комплекса данной группы): угловой резец и саблевидный нож, изготовленные на отщепах; перфоратор, скребок со скошенным лезвием (скребок-ложкарь?) и скобель-саблевидный нож, изготовленные на продольном сколе, а также фрагмент лезвия ножа или скребка на осколке кремня.

Представленная краткая характеристика выделенных групп кремневых изделий позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Для первой группы характерна большая ориентированность на получение правильных пластин и их относительно высокий удельный вес (23% от комплекса данной группы). Также из данного вида сырья изготовлены все угловые резцы на пластинах, выявленные на памятнике, и в целом большая часть орудий изготовлена на пластинчатых заготовках. Коллекция изделий из цветного кремня менее выразительна, однако можно констатировать меньшую ориентированность на получение пластин

из данного вида сырья и преимущественно их неправильную форму, немногочисленные орудия при этом изготовлены на отщепах и сколах.

На основании достаточно высокой пластинчатости индустрии стоянки Красный Городок авторами раскопок выдвигалось предположение о наиболее ранней хронологической позиции комплекса в системе неолитических древностей региона⁴. Однако впоследствии данное предположение было пересмотрено и признано А.А. Ластовским неверным⁵. В этой связи заслуживает самого пристального внимания положение оригинальной статьи о схожести некоторых деталей коллекции стоянки Красный Городок и мезолитической стоянки Красный Яр, именно данное обстоятельство натолкнуло А.А. Ластовского на предположение о раннем возрасте комплекса Красного Городка⁶.

За последние годы источниковая база по мезолиту лесостепного Поволжья стала более представительной. На настоящем этапе изучения к концу среднего каменного века региона могут быть достаточно уверенно отнесены комплексы двух памятников: уже упомянутый выше Красный Яр⁷ и исследованная в последние годы стоянка Кочкари I⁸. На данных памятниках около трети всех изделий представлены пластинами, основным сырьем для изготовления орудий являлся серый с различными оттенками качественный кремль. На пластинах изготовлено подавляющее большинство орудий, в частности скребки концевой типа и угловые резцы, нуклеусы ориентированы на получение правильных пластинчатых заготовок. Комплексы данных стоянок находятся близкие параллели с материалами первой группы стоянки Красный Городок как по показателю общей пластинчатости индустрии и технологии расщепления, так и типологическому набору орудийной коллекции и метрическим показателям пластинчатых заготовок. Определенные, неизбежные, различия, по всей видимости, могут быть связаны с малой выборкой анализируемых изделий из кремня стоянки

Рис. 2. Стоянка Красный Городок. Орудия и нуклеусы.
1-11 – первая группа сырья; 12-19 – вторая группа сырья

Красный Городок. Наконец, важно отметить, что на наиболее ранних, согласно данным радиоуглеродного датирования, стоянках елшанской культуры, к которым относятся Чекалино IV и Нижняя Орлянка II, доминирующим сырьем для изготовления орудий является цветной низкосортный кремнь, показатель пластинчатости не превышает 10%, а подавляющее большинство орудий изготовлено на отщепах и сколах⁹. С данной точки зрения материалы обозначенных стоянок находят больше параллелей со второй группой изделий из кремня стоянки Красный Городок.

При постановке вопроса о выделении позднемезолитической примеси в кремневом комплексе стоянки Красный Городок небезынтересным будет отметить общее соотношение изделий из кремня и количества сосудов на данной стоянке и некоторых памятниках неолита лесостепного Поволжья, не содержащих значительной примеси материалов эпохи энеолита. Авторы ни в коем случае не настаивают на главенстве и универсальности именно этого критерия, но он является весьма показательным для интересующего нас региона. В частности, на раннеэнеолитической стоянке Чекалино IV данное соотношение – 1:27¹⁰ (здесь и далее алгоритм следующий: на один условно выделенный сосуд приходится 27 единиц каменного сырья), Нижняя Орлянка II – 1:10¹¹, Вьюново Озеро I – 1:4¹². На памятниках, содержащих материалы развитого и позднего неолита, данный показатель еще меньше: Виловатое – 1:7¹³, Ильинка – 1:6¹⁴, Калмыковка I – 1:6¹⁵, Лужки II – 1:3¹⁶ и др. По наблюдениям авторов, представленная закономерность в соотношении керамических сосудов и изделий из кремня характерна для всех известных памятников позднего каменного века лесостепного Поволжья. Исключениями являются лишь стоянки Троицкое (1:177)¹⁷ и Усть-Ташелка (Елшанка X) (1:231)¹⁸, однако первая из них является стоянкой-мастерской, чем объясняется отмечаемая аномалия, а на второй спустя годы автор раскопок согласился с

наличием мезолитической примеси¹⁹. Данный критерий интересующей нас стоянки Красный Городок является достаточно завышенным – 1:70, учитывая, что основной определять таксономический статус археологического объекта стоянкой-мастерской нет, остается второй вариант – допустить наличие мезолитической примеси. При учете лишь второй группы каменного сырья показатель приближается к фиксируемой норме – 1:16.

Исходя из приведенных выше данных возможно вновь поставить вопрос о неоднородности кремневого комплекса стоянки Красный Городок. На наш взгляд, обозначенные различия между первой и второй группами каменных изделий стоянки имеют культурно-хронологический характер. Первая группа кремня по сырью, форме и технике изготовления орудий, нанесения на них ретуши может быть отнесена к эпохе позднего мезолита лесостепного Поволжья. Вторая группа по характеру сырья и морфологии орудий относится к раннему неолиту. Малочисленность орудий в комплексе второй группы свидетельствует о кратковременном пребывании неолитического населения на памятнике, чему не противоречит ограниченная коллекция раннеэнеолитической керамики стоянки Красный Городок (9 сосудов), данное обстоятельство находит аналогии в комплексе еще одной стоянки «разового посещения» – Вьюново Озеро I²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ластовский А.А., Кузьмина О.В. Отчет о раскопках поселения Красный Городок Красноярского района Куйбышевской области по открытым листам № 296, № 297. Куйбышев, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1 11367; Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Отчет о раскопках поселения Красный Городок Красноярского района Куйбышевской области по открытым листам № 390 и № 685. Куйбышев, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1 12980; Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 25-50.

- ² Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 28.
- ³ Там же. С. 42.
- ⁴ Там же. С. 44.
- ⁵ Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: СГПУ, 2006. С. 109.
- ⁶ Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 43-44.
- ⁷ Ластовский А.А. Каменный инвентарь Красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара: СГПУ, 1999. С. 4-24.
- ⁸ Андреев К.М., Андреева (Ересько) О.В. Итоги исследований стоянки Кочкари I в 2017 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2018. Том 20. № 3. С. 195-202; Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2018. Том 20. № 3(2). С. 455-460; Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I - новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С.14-16; Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017-2019 гг.) // Актуальная археология 5. СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. С. 133-135.
- ⁹ Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. С. 58-72; Андреев К.М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2015. Том 17. № 17 (3). С. 198-211.
- ¹⁰ Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 3-25.
- ¹¹ Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 50-110.
- ¹² Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранненеолитическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 195-201.
- ¹³ Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С.151-189.
- ¹⁴ Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92-105; Мамонов А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара: СГПУ, 2002. С. 148-162.
- ¹⁵ Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I - новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Изд-во Триада, 2018. С. 143-160.
- ¹⁶ Устное сообщение автора раскопок 2020 года А.В. Сомова.
- ¹⁷ Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара: Изд-во Самарского областного краеведческого музея, 2008. С. 26-39.
- ¹⁸ Вискалин А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) (итоги предварительного изучения) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. С. 41-57.
- ¹⁹ Вискалин А.В. Культурно-хронологические группы и этнокультурные процессы в мезолите Ульяновского Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Том 2. № 2. С. 97-106.
- ²⁰ Андреев К.М. Жилищные комплексы елшанской ранненеолитической культуры // Самарский научный вестник. Том 9. № 3. 2020. С. 189-193.

TO THE QUESTION ABOUT TWO CULTURAL-CHRONOLOGICAL GROUPS OF FLINT INVENTORY OF THE KRASNY GORODOK SITE

© 2021 K.M. Andreev, K.I. Borodulin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

The Krasny Gorodok site, explored in the late 1980s, has long attracted the attention of specialists in the Neolithic. There archaeologists discovered a small but very interesting collection of ceramics. At the same time, the flint complex of the site raised several questions even at the stage of primary comprehension of the material, and researchers made assumptions about the presence of two cultural-chronological groups of flint materials in the complex of the site. In connection with the expansion of the source base on the Early Neolithic and Mesolithic of the forest-steppe Volga region, as well as the acquisition of a significant array of natural science data, it became necessary to verify the conclusions drawn by more than a quarter of a century ago. In particular, the question of the homogeneity of the flint collection of the site and the possibility of identifying an early admixture remains relevant. During the reanalysis of the flint collection of the Krasny Gorodok site, about 600 units of stone artifacts were examined. This complex was divided into two groups depending on the color and quality characteristics of the flint. The first group is represented by artifacts made of high-quality flint of gray color and its various shades. The second group includes artifacts made of low-grade colored flint, mainly brown and of various shades of brown, without a stable shape. The first group is characterized by a large orientation towards obtaining plates of a regular shape and their relatively high specific gravity (23%). In addition, this type of raw material was used to make all the angular cutters on the plates found at the site and, in general, most of the tools were made from plate blanks. The collection of tools made of colored flint is less indicative, however, one can state a lesser orientation towards obtaining plates from this type of raw material and, predominantly, their irregular shape, while few tools were made on flakes and chips. In our opinion, the marked differences between the first and second groups of stone products from the site are of a cultural and chronological nature. The first group of flint, in terms of raw materials, shape and technique of making tools and applying retouching on them, can be attributed to the era of the late Mesolithic of the forest-steppe Volga region. The second group, in terms of the nature of the raw materials and the morphology of tools, belongs to the Early Neolithic.

Keywords: forest-steppe Volga region, Samara region, Neolithic, Mesolithic, Elshanskaya culture, flint inventory.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-118-125

УДК 902/904

**КУЛЬТУРА ДВУХ ЭПОХ В ВОЛГО-ВЯТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ.
ФЕНОМЕН МАЙДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО ВАРИАНТА
ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ.
ЧАСТЬ 2.**

© 2021 Никитин В.В.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

Статья поступила в редакцию 21.01.2021

Данная статья является продолжением статьи, опубликованной в журнале СамНЦ РАН (2021. Том 3. № 2. С. 86-99). В статье излагаются материалы развитого и позднего периодов майданской культуры, времени становления эпохи металла, внедрения в быт металлических предметов из чистой меди.

Ключевые слова: эпоха, энеолит, ранний бронзовый век, кремь, керамика, орнамент, металлообработка, комплекс, поселение.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-126-132

**Развитый и поздний период
майданской культуры**

Развитый этап. Выделен по отдельным признакам посуды (технология, форма, орнаментика) и наличию свидетельств освоения металла (тигли, медные предметы). Раскопками изучено 5 поселений, на которых исследованы остатки 18 построек. Кроме этого, небольшие раскопки произведены на 8 стоянках с сохранившимся культурным слоем. Наиболее представительные коллекции получены на поселении Барские Кужеры III (7 построек) и Руткинское (5 построек). Для характеристики культуры этого этапа приводятся материалы Баркужержского III поселения. Планировка поселка двухрядная по краю террасы. Постройки соединены между собой переходами. Из 7 построек – 3 частично разрушены, у 4 восстановлена площадь в пределах 38, одна более 56, две – 63 и 67 кв. м. У всех котлован углублен от 40 до 60 см. Конструкция каркаса и перекрытия не отличается от принципа строительства предшествующего

времени. Нет особых изменений и в планировке интерьера. Можно отметить более насыщенное межжилищное пространство хозяйственными объектами (хозяйственные ямы, очаги, производственные площадки).

Каменный инвентарь. На поселении собрано более 2500 кремневых предметов: куски сырья, нуклеусы, отщепы и сколы, предметы обработки камня (отбойники и ретушеры). Изделия со вторичной обработкой и заготовки орудий (незавершенные) представлены почти 800 экземплярами. Техника обработки камня еще достаточно высокая и сохраняет неолитические черты, но общий облик кремнеобработки указывает на появившуюся небрежность в оформлении рабочей части инструмента. Наиболее многочисленную группу представляют скребки. Скребки с выраженным рабочим краем и определенной формой составляют более 200 экземпляров. Еще около 100 на аморфных отщепах имеют частичную или нерегулярную ретушь. Основная масса выполнена на отщеповой заготовке, рабочая часть торцовая, угловая встречная, боковая или по всему периметру. Выделяются скребки-штампы с зубчатым лезвием.

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии. E-mail: marnii@mari-el.ru

На поселениях этой поры обнаружены сланцевые плитки с резным изображением водоплавающей птицы (Сутыри IIa), лосиной головки (Волоконное), клювовидного существа из кремня (Большая Гора), отражающие некоторые сюжеты мировоззрения предшествующего времени.

Дополняют коллекцию каменных изделий абразивы с желобком для шлифовки округлых поверхностей или заточки изделий из кости и металла, свидетельства о его появлении уже известны на поселениях этого времени (Рутка, Мазары I). На Баркужерском III поселении уже имеются обломки тиглей для плавки металла, капли меди и фрагмент слитка меди со следамиковки по одной длинной стороне. Таким образом, появление признаков применения металлических изделий можно считать началом развитого этапа культуры.

Посуда. С раскопа собраны фрагменты от 125 сосудов. Общий облик посуды почти не изменился. Сосуды прежних форм, появляются плоскодонные, много посуды, лишенной орнамента. Формовочная масса пористая, рыхлая, но имеются сосуды с более плотной структурой ввиду применения мелкого песка и шамотной крошки. Выделено три типа посуды: 1 – полувальцевидные с прикрытым устьем (64%), 2 – открытые формы: плоскодонные банки и слабовыпуклобокие горшки (24%), 3 – горшковидные формы с отогнутым краем устья (12%). Орнамент разнообразен за счет сочетания различных мотивов (выделено около 90). Наиболее распространены мотивы из гребенчатых и зубчатых штампов, применяются прочерки, насечки, витой шнур, разной формы ямки, створки моллюсков и редкие рамчатые фигурные, ячеистые, аммонитные и костные оттиски. Частыми изделиями из глины являются поделки из обломков посуды (круглые и квадратные с отверстием и без него). На этом этапе появляется мелкая глиняная пластика. В одном из жилищ найден фрагмент (головка) животного (лося?).

Среди простых и сложных орнаментальных композиций присутствуют сюжетные: рыбы, лодки (?), птичьи следки. В общих чертах основные нововведения начала этого этапа сводятся к: 1 – появлению плоскодонной посуды и увеличению сосудов без орнамента, 2 – значительному увеличению инструментария обработки кожи (разновидности ножей, скребков, скобелей, увеличение комбинированных проколов), появлению особого типа орудий для разглаживания швов (притупленные острия со следами длительного использования по мягкому предмету – ложила), 3 – появлению признаков металлообработки (тигли, кусочки меди).

Во всех исследованных памятниках найдены исключительно кости диких животных (лось, северный олень, медведь, бобр, выдра, куница, волк, заяц, белка) и рыб (щука, судак, сом и мелочь).

Поздний этап. Раскопками обследованы 9 памятников, на которых изучены остатки (в разной степени сохранности) 35 построек. 23 из них сохранились в реальных размерах с почти полной информацией о конструктивных деталях. На данном этапе особых изменений планировки поселка или обустройства интерьера не выявлено. Как и в предшествующие времена, существуют постройки, отдельные и соединенные переходом. Общим для всех является наличие углубленного котлована, соединительных переходов, укрепительной системы бортов котлована и перекрытия кровли. Восстановленная площадь жилищ варьирует от 36 до 100 кв. м на Ахмыловском II, 46 и 83 кв. м на Красном Мосту III, Юринском I в пределах 50-65 кв. м, на Юринском II – 86 кв. м, Мольбище III – 87 кв. м. Уржумкинские постройки (4 из 7) площадью 108, 99, 120, 50 кв. м. Из этого краткого обзора видно, что основная масса построек с большой площадью, что было вызвано некоторыми инновациями в семейно-общинных отношениях. Несмотря на начало освоения металла в хозяйстве, еще преобладают изделия из камня и частично из рога и кости.

Коллекция каменных предметов состоит из 1165 экземпляров, 39,4% изделий со вторичной обработкой являются орудиями труда. Рабочий инструментарий состоит из орудий по обработке и разделке мяса, кожи, дерева, кости, производства каменных изделий, дробления руды, терочников, пестов, отбойников, ретушеров, шлифовальников, терочных плит и наковаленок. Орудия с четко определяемыми рабочими функциями составляют 325 экземпляров. Самая многочисленная группа – скребки (159 экз., 31%). Формы округлые – 24%, прямолезвийные боковые и торцевые (48%), боковые – угловые (28%). К ним можно добавить два десятка крупных изделий (скребла). Часть скребков скомбинирована с проколкой, ножом или скобелем. Ножи – (32 экз., 10%) на крупных плоских отщепах, большинство прямолезвийные, присутствуют изделия со смежными или противоположными лезвиями, с обработкой краев по всему периметру, ножи с горбатой спинкой и сегментовидным лезвием, ножи клиновидные на плитчатой основе. Рабочая часть оформлялась среднечешуйчатой (реже струйчатой) двухсторонней ретушью. Скобели (86 экз., 26%) на плоских отщепах удлинённых пропорций с длинным провислым лезвием и с односторонней ретушью, зачастую комбинируются с острием и скребком. Острия (проколки, сверла, развертки) – 55 экз. (17%) на узких трехгранных отщепах или пластинках с ретушными гранями колющего участка. Проколки с боковым или центральным жалом и с выделенными плечиками. Наконечники стрел и дротиков – 27 экз. (8%). Большинство листовидной (с черешком или без него) формы с ретушью по всему периметру. Наконечники треугольно-черешковые, обработанные уплощающей струйчатой ретушью. Более крупные экземпляры на плитчатом кремне в форме узкого клинка, часть наконечников в незавершенном виде и в заготовках. Многообразие форм и размеров свидетельствует о значительной роли охоты в системе жизнеобеспечения. Деревообрабатывающие на мягких поро-

дах камня (долота, тесла, стамески) – 22 экз. (6,5%), в основном из доломита, известняка, сланца. Долота крупные с горбатой спинкой (камского типа), с широким овальным лезвием, трехгранные в сечении, известны с эпохи неолита. Тесла небольших размеров, обушок заужен, рабочая часть широкая с двухсторонней заточкой клина, хорошо отшлифованы широкими полосами, сходящимися от лезвия к обушку. Стамески с узким лезвием трехгранного или трапециевидного сечения, зачастую с желобком по брюшку. Поверхность отшлифована. Топоры клиновидные крупные (высота 8-12 см), клин заточен с двух сторон. Терочники и песты (7 экз.) из валунов-окатышей с выщерблинами от частых ударов о твердые предметы. В коллекции камней имеются фрагменты терочных плит на гранитных и песчаниковых породах. Поверхность некоторых отшлифована до блеска в процессе длительного применения. Определенная часть орудий (терочные плиты, терочники, песты, копалки, мотыги) свидетельствует о некоторых навыках обработки (возможно, и культивирования) дикорастущих зерновых, бобовых и плодовоовощных культур.

Металлообработка. Признаки знакомства с металлом были отмечены еще на развитом этапе культуры, а в позднем периоде предметы, связанные с плавкой руды и производством металлических изделий, зафиксированы на нескольких памятниках (Ахмылово II, Юринские I и II, Сутырское V, Выжум II, Красный Мост III, Удельный Шумец V, Мольбище III, Кривое Озеро, Ерумбальская). Самая большая коллекция предметов, связанных с металлоплавкой, собрана на Уржумкинском поселении. Здесь найдено свыше 200 фрагментов тиглей для плавки металла. Среди них есть целые формы еще не обожженных, т.е. не использованных в процессе плавки. Стенки тиглей толстые (2-3 см), высота 3-4 см. От сильной температуры стенки деформированы, а на внутренней стороне имеются прилипшие капли меди. Часть реставрированных тиглей имела ладьевидную форму и крупные

размеры. Дно плоское, стенки плавно сужаются и снижаются в сторону слива. Реставрированные тигли имеют продольный разрез 22 см, поперечный – 16 см, высота стенки в тыльной части – 4 см; другой такой же формы с размером соответственно 24 – 17 – 5 см; еще 9 экземпляров частично восстановленных имели поперечный разрез от 11 до 18 см, а продольный близок к 20 см. Кроме отдельных капель (от 1 до 1,5 см), кусочков меди и шлаков собрано около 20 предметов, часть из которых представляют обломки проволоки (1-4 см сечением 0,1-0,2 см), видимо они служили скобками стягивания трещин на сосудах, хотя для этого имелись специальные скобы из узких полос прокованной проволоки, сохранившихся в сверлинах реставрированных в древности сосудов. Найденные орудия – из прокованной меди. Самое крупное изделие – тесло размером 6,4х1,9-3,8х0,4-0,6 см. Форма трапецевидная, лезвие проковано и заточено с двух сторон. Самыми многочисленными являются шилья – острия, с четырех - трехгранным или овально-округлым сечением. Длина изделий 5,3; 4,5; 6,5 см. Некоторые шилья с приостренным (граненным) концом для рукоятки, есть шилья с закругленным, есть с граненым рабочим концом. В отдельных случаях один конец расплюсчен в лопаточку. Наконечник стрелы из медной пластины, свернутой в трубочку и прокованной вершиной, в острие размером 4,5 см при ширине основания колющего острия 1 см и сечением втулки 0,6 см. Дисковидная подвеска – лунница с линзовидным сечением и каплевидным отверстием для подвешивания. Края отверстия были не сомкнуты и в процессе проковки сохранили шов наложения друг на друга. Диаметр изделия 3,4 см при толщине в центре 0,4 см, а по краям 0,1 см, края тупые подшлифованные, и служить в качестве орудия она не могла. Металлические изделия найдены на Удельно-Шумецкой V стоянке, Ахмыловском II поселении¹. На Юринской стоянке найдены медное обоюдоострое шило длиной 4,5 см, еще одно четырехгранное изделие длиной

11 см, тонкое острие (шило), на противоположном конце уплощенное; фрагмент плоского браслета и кольцо из плоской пластины, уплощенные пластины, возможно, заготовки ножей на Чирковском поселении². На Сутырском V поселении найдены шилья длиной 4,5 см и 11 см обоюдоострые с прокованными гранями; медные шилья, слиток меди и фрагменты литейных форм (для отливки плоских изделий), тигли и каменные молоты (более 10 штук)³. Следует отметить и то, что для плавки металла (возможно, в качестве поддона) используются нижние части (днища) и крупные фрагменты боковин, на которых сохраняются капли меди. Такие обломки найдены на Сутырском V, Уржумкинском, Ахмыловском II, Галанкиной Горе и других памятниках этой поры.

Исходя из того, что металлические предметы известны на обширной территории распространения культур волосовской общности, в том числе и средневожского варианта (майданской культуры), я отношу развитый и поздний этапы к эпохе раннего металла, в процессе развития плавно и постепенно перешедших на следующую ступень хозяйственных преобразований⁴.

Финал культуры. Поздним этапом завершается существование майданской культуры. Распространение металлических предметов и некоторые навыки примитивного земледелия (не исключена возможность доместикации животных) создали экономические предпосылки для дальнейшего развития общественно-семейных отношений.

В поздний период заметно увеличивается число оригинальных изделий из глины. Прежде всего, кроме упомянутых литейных форм, выделяются напрядла (грузики), представляющие собой глину, надетую на деревянную основу, на которой вырезаны углубления. Глина, высыхая, сжимается, и получается плотное соединение с основой. Такие предметы найдены на Уржумкинском, Юринском, Ахмыловском II поселениях и Юринской стоянке⁵.

В это время развивается мелкая глиняная пластика. Керамические фигурки впер-

вые обнаружены в раннем неолите у населения с накольчатой посудой: различные валики и шарики, антропоморфная фигурка, фрагменты неопределенных животных или птиц⁶. В развитом периоде на поселении Барские Кужеры III обнаружен фрагмент (головка) животного; серия скульптурок: на поселении Мольбище III найдены зооморфное существо (медведь?), головка медведя и женская фигурка с обозначенными женскими признаками; на Юринской стоянке обнаружена фигурка животного (мышь?) с обозначенным шерстяным покровом и фрагмент сидящей птицы; на Юринском II поселении найдена стилизованная фигурка птицы; на Сутырском V поселении найдены фигурки сидячих крупных птиц⁷. Продолжает существовать кремневая скульптура, расцвет которой наблюдался в раннем периоде. Так, на стоянке Мариер найдена ромбическая подвеска с выемкой для привязи; на поселении Барские Кужеры III найдена подвеска – лунница, на Руткинском – сланцевая ромбическая подвеска со сверлиной в центре, на стоянке Волоконное – зооморфная фигурка бизона и фрагмент головки лося, выгравированный на сланцевой пластинке, на сланцевой плитке выгравирована водоплавающая птица, несколько изделий собраны на Ахмыловском поселении: сильно стилизованные антропоморфные фигурки и зооморфное изображение кабана с характерной низкой посадкой тулова и крупной головой с оттянутым рылом; на стоянке Шунангер найдена зооморфная фигурка, фрагменты кремневых скульптурок собраны на стоянках этого времени Большая Гора, Галанкина Гора, Кубашево⁸⁸. На поселениях и стоянках неолита – энеолита лесной зоны среднего Поволжья практически не представлены изделия из кости и рога. Причина этого явления неясна. Судя по находкам (иногда массовым) костей диких животных и редких костяных изделий из стоянок и поселений считать причиной отсутствия их в слоях данной культуры плохую сохранность ввиду особых условий залегания в сыпучем грунте не совсем убедительно. Те редкие

находки на территории культуры: фрагменты гарпуна, острый и стамесок на Ахмыловском II, Йошкар-Олинском, Майданском поселениях – свидетельствуют о бытовании изделий из кости и рога с раннего периода культуры⁹. Костяная и роговая индустрия была обычной на стоянках лесной полосы Среднего Поволжья со времени заселения, о чем свидетельствуют находки костяных орудий в размывах притоков рек Волги, Вятки и Ветлуги¹⁰.

Несмотря на прочно вошедшие в хозяйство металлические предметы на поселениях Марийского Поволжья не найдены достоверные металлургические шлаки и куски медной руды, что не подтверждает наличия здесь собственной металлургии. Спектральные анализы предметов из поселений свидетельствуют об их производстве на основе местных медистых песчаников – металлургически чистая медь. Дальнейшая судьба волосовского населения в его средневоловском варианте (майданская культура) достаточно подробно рассмотрена в работе В.В. Никитина¹¹ и Б.С. Соловьева¹².

Датировка. В развитии волосовской культуры на заре ее изучения советскими археологами выделено четыре этапа в пределах III – II тыс. до н.э.¹³ И.К. Цветкова выделяет три этапа и датирует их первой половиной – началом последней четверти II тыс. до н.э.¹⁴, О.Н. Бадер время существования данных комплексов укладывает в 4 этапа, датируя концом III тыс. до н.э. – XV – XIII вв. до н.э.¹⁵ А.Х. Халиков в своей схеме выделил три этапа, определив время существования последней четвертью III – второй четвертью II тыс. до н.э.¹⁶ А.Л. Никитин волосовские памятники разделил на две группы: Волосово 1 и Волосово 2. Волосово 1 занимало часть бассейна Оки и верховий Волги (вело свое происхождение из Прибалтики), Волосово 2 расположено в Среднем Поволжье. Он датирует Волосово 1 первой половиной III тыс. до н.э. Волосово 2 датируется II тыс. до н.э. Эти две группы генетические не связаны с друг другом¹⁷. Данная гипотеза оспорена В.П. Третьяковым, считавшим волосовские

древности культуроединными. Относительно хронологии он считал их существование в пределах III - II тыс. до н.э.¹⁸ В.В. Никитин в монографии, посвященной средневожским племенам волосовской общности, определил хронологическую позицию их существования серединой III - началом II тыс. до н.э.¹⁹ В последнее время для памятников Марийской низины получена серия радиоуглеродных дат по керамике, любезно предоставленная нам профессором Самарского государственного педагогического университета А.А. Выборновым. Серия дат (более 20 штук) позволила установить время формирования культуры в пределах – 5260±90 – 5295±80 лет назад; ранний этап – 5130±80 – 4880±80 лет назад; развитый этап – 4720±80 – 4600±160 л.н.; поздний этап – 4710±80 – 4610±70 лет назад²⁰.

Близкие даты получены и для памятников поречья Оки, Примокшанья и Посурья в пределах III - середины II тыс. до н.э.²¹ и Верхней Волги²².

Подводя итог 50-летнего изучения автором периода стыка неолита-энеолита, можно заключить:

1 – многолетняя дискуссия о месте и времени формирования волосовской культуры приобрела научно разрешимое направление. Гипотеза восточного или западного центра в ее формировании оказалась несостоятельной. Поиск истоков отдельных вариантов (культур) этой обширной общности оказывается более плодотворным; 2 – многочисленные и серийные абсолютные даты по культурным образованиям до и после существования волосовских древностей указывают практически на процесс их синхронного формирования на всей территории. Внутреннее развитие и связи, датировка и количество периодов могут быть различны и не единовременны, но суть их выделения будет близка. Все варианты общности будут иметь генетические корни предшествующих культурных традиций и приобретенных новаций – во всех вариантах культуры закономерным будет процесс формирования в эпоху неолита и завер-

шится уже в эпоху металла; 3 – социальное обустройство общины и экономические направления везде будут соответствовать принципу многоотраслевого присваивающего комплексного хозяйства с приоритетами того или иного направления, что фактически сближает, а иногда и нивелирует культурноопределяющие признаки отдельных вариантов; 4 – правомерность выделения оригинальной культуры (майданской) в системе волосовских древностей Поволжья подтверждается и отсутствием в ней существенного звена культуры – погребального обряда положения в землю, известного в культурах неолита - энеолита Волго-Окского бассейна²³; 5 – проявление элементов духовной культуры не везде соответствует единому выражению, но общая направленность обычаев (судя по состоянию предметов искусства, семантики, орнамента, предметам поклонения и культовым объектам) предполагает единое представление о мироздании, роли животного и растительного миров, своем месте в этом мире и, главное, понимание зависимости коллектива от окружающей среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. С. 165; Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. С. 153.

² Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. С. 152-153, 199.

³ Королев А.И. Поселение эпохи раннего металла Сутырское V в Марийском Поволжье (по результатам раскопок 2000 года) // ТАС. Тверь: ТГОМ, 2000. Вып.9. С. 295-312; Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. С. 170-185.

⁴ Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 36.

⁵ Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола:

- МарГУ, 2017. Рис. 339, 40; Рис. 410, 16-17; Рис. 456, 15; Рис. 461, 23.
- ⁶ Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2009. Т. IX. С. 361. Рис. 191, 18-24.
- ⁷ Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. Рис. 200, 5; Рис. 435, 11; Рис. 445, 18-20; Рис. 452, 2; Рис. 456, 4.
- ⁸ Там же. Рис. 202, 23; Рис. 229, 1; Рис. 248, 18; Рис. 273, 6-7; Рис. 340, 10, 11, 20; Рис. 473, 4, 5, 7, 12, 15, 16, 25.
- ⁹ Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996 // Труды МарАЭ. Т. IV. С. 57. Рис. 25, 1-9.
- ¹⁰ Там же. С. 11. Рис. 2, 1-3.
- ¹¹ Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 66-67.
- ¹² Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды МарАЭ. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. Т. VI. С. 165-184.
- ¹³ Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. С. 52-56.
- ¹⁴ Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ. М., 1953. Вып. 22. С. 33.
- ¹⁵ Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. С. 33.
- ¹⁶ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. С. 154-155.
- ¹⁷ Никитин А.Л. Существовала ли волосовская культура // СА. 1974. № 2. С. 27-33.
- ¹⁸ Третьяков В.П. В защиту единства волосовских древностей (по поводу статьи А.Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура» // СА. 1975. № 2. С. 14-22; Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III - II тыс. до н.э. Л.: 1990. С. 11-15.
- ¹⁹ Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 67-69.
- ²⁰ Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. С. 210-211.
- ²¹ Энговатова А.В. Хронология неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Тверь: ТГОМ, 1998. Вып. 3. С. 238-246; Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы хронологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 103-111; Королев А.И. Волосовская керамика Сурско-Мокшанского междуречья // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 332-341.
- ²² Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 13.
- ²³ Там же. С. 163-165; Никитин В.В. К вопросу о погребальном обряде волосовской культуры Среднего Поволжья // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. АЭМК. В. 19. С. 83-88; Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. С. 257-261.

**THE CULTURE OF TWO EPOCHS IN THE VOLGA-VYATKA INTERFLUVE.
THE PHENOMENON OF THE MAIDAN CULTURE OF THE MIDDLE VOLGA VERSION
OF THE VOLOSOVO CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY.
PART 2**

© 2021 V.V.Nikitin

Mari El Scientific Research Institute of Language, Literature and History
named after V.M. Vasiliev, Yoshkar-Ola

The author examines the materials of the developed and late periods of the Maidan culture, the time of the formation of the metal age, the introduction of metal objects made of pure copper into everyday life. The Part 1 is published in the journal of the Samara Scientific Center of RAS (2021. Vol. 3. No. 2. Pp. 86-99).

Keywords: era, Chalcolithic, Early Bronze Age, flint, ceramics, ornament, metalworking, complex, site.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-126-132

*Valery Nikitin, Doctor of History, Chief Researcher,
Department of Archaeology. E-mail: marnii@mari-el.ru*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О РОЛИ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА - РАННЕЙ БРОНЗЫ

© 2021 Л.М. Сверчков

Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент

Статья поступила в редакцию 29.03.2021

Понимание вопросов исторического развития Евразии, накопившихся за долгие годы, невозможно без равного участия всех научных дисциплин. В силу специфики своих методов археология, как представляется, отошла на второй или, точнее, третий план, уступив место естественным наукам (генетике) и самой точной из гуманитарных наук – языкознанию. Данная статья – не более чем очередная попытка нашими традиционными археологическими методами вновь обратить внимание на археологические культуры, расположенные на огромной территории в самом сердце Евразии. Прежде всего, речь идет о кельтеминарской культурно-исторической общности, ее взаимосвязях с соседними сообществами, предполагаемом участии в генезисе ямной и, особенно, фатьяновской культур. Неизбежно это затрагивает проблемы протоиндоевропейской (ПИЕ) языковой общности, ее локализации и ареальных связей.

Ключевые слова: Центральная Азия, Сибирь, Китай, ямная, фатьяновская культуры, ПИЕ-общность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-133-165

Введение

В последние годы многие исследователи из-за невероятного по объему и значению информационного прорыва в палеогенетике подверглись серьезному искушению объяснить те или иные древние миграционные процессы Евразии вне археологического контекста. Вполне понятное, хотя иногда чрезмерное увлечение генетическими исследованиями как-то оставило в стороне наши коренные археологические проблемы: хронология, происхождение тех или иных культур, взаимодействие друг с другом, направления связей, распространение и векторы миграционных потоков. Именно археологи должны объяснить уровни родства – по восходящей-нисходящей линии, параллельной братской или даже двоюродной. Как ни странно, пока лучше всего это получилось у Марии Гимбутас, выводы которой столь «сенсационно» подтвердили

генетические исследования. В послевоенные 50-е годы, в короткий период всплеска гуманитарных наук М. Гимбутас опиралась исключительно на археологические данные и благодаря превосходной научной эрудиции доказала родство ямной культуры и культур шнуrowой керамики¹. Сейчас, спустя полвека, данное утверждение не вызывает сомнений ни у кого, хотя имя М. Гимбутас упоминается крайне редко, если вообще упоминается, особенно теми, кто в 90-е гг. так активно ее критиковал.

Среди забытых имен, неординарных идей, широких и глубоких обзоров археологии Евразии, может быть, следует вновь напомнить об одной «забытой» археологической культуре – кельтеминарской, до сих пор не нашедшей своего места ни в европейской, ни в азиатской историографии. Кельтеминарская культура, или, как выяснилось позже, культурно-историческая общность, занимала обширное пространство практически в центре Евразийского континента и существовала на протяжении долгого времени – с VIII - VII до конца III тыс. до н.э.

Сверчков Леонид Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент. E-mail: lsverchkov@mail.ru

Кельтеминарские памятники находятся в пустынных, труднодоступных областях Северного Туркменистана, Западного Казахстана и Западного Узбекистана. Центром культуры является Юго-Восточное Приаралье, где в общей сложности насчитывается более 1500 стоянок, расположенных в левобережье Амударьи к северу от Каракумов, на правобережье Амударьи во Внутренних Кызылкумах, в районе староречий Заравшана и в низовьях Сырдарьи. В VIII - начале III тыс. до н.э., в период так называемого «лявляканского плювиала», климат пустынь Средней Азии был благоприятен для обитания, что обусловило широкое освоение человеком Арало-Каспийского региона, включая Северные Каракумы и Внутренние Кызылкумы. уже в конце VIII тыс. до н.э.²

Территориально кельтеминарская культура занимала крайне выгодную позицию относительно выдающихся культур Переднего Востока и своеобразных культур лесного (лесостепного) Севера. Сама география памятников кельтеминарской культуры подразумевала ее особую роль в системе связей Евразии, и, вероятно, именно это на первых порах вызвало огромный всплеск интереса, обусловленный, прежде всего, поиском связующего звена между культурами Юга и Севера. В первые десятилетия после открытия кельтеминарская культура, вопросы ее происхождения, распространения и связей обсуждались довольно часто, однако в наши дни она оказалась не то чтобы забытой, но, как представляется, незаслуженно обойденной вниманием. В этой связи, а также с учетом некоторых не столько многочисленных, сколько любопытных новых данных хотелось бы вновь напомнить основные моменты актуальной когда-то дискуссии.

Историография

Кельтеминарская культура была открыта Хорезмской экспедицией еще в 1939 г. прошлого века³. Изначально С.П. Толстов выявил общий, необычайно широкий круг аналогий кельтеминарской культуры и обозначил ее место в древнейшей истории Ев-

разии. По мнению автора, керамический комплекс Приаралья является наиболее ранним, архаичным звеном в комплексе Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Азии, сближающим кельтеминарскую культуру с ямной и особенно афанасьевской культурами, тесные аналогии имеются с несколько более поздними памятниками Прикамья (Левшинская стоянка) и нижней Оби. Кельтеминарский зигзагообразный елочный орнамент распространен в афанасьевской культуре Алтая, в зауральских культурах шигирского типа и на стоянках Синьцзяна (коллекция А. Стейна). По раковинам рода *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас-4, которые не обитают в Арале, но есть в бассейне Индийского океана, предполагались тесные связи Приаралья с Индией вплоть до Бирмы. С учетом лингвистических параллелей между языками финно-угорской группы и языками дравидским и мунда раковины *Dentalium* послужили тогда главным обоснованием финно-угорской атрибуции кельтеминарской культуры⁴.

В те годы считалось твердо установленным родство кельтеминарской и афанасьевской культур, что обосновывалось находками в афанасьевских погребениях раковин *Corbicula fluminalis*, распространенных только в устье Амударьи⁵. Кроме того, многие исследователи обратили внимание на сходство кельтеминарской и афанасьевской культур, особенно раннего этапа: по отдельным признакам в обряде захоронения, по керамике, в том числе мотивам орнамента, окраске сосудов охрой и даже росписи в виде лесенки, нанесенной белой краской⁶.

А.П. Окладников, отмечая сходство остродонных сосудов Джебела с древнейшей керамикой неолита Крыма и Украины, связывал происхождение афанасьевской (и ямной) керамики с мезолитом Прикаспия, причем керамика афанасьевской культуры Минусинской котловины, по мнению автора, восходит скорее к прикаспийским образцам, чем к сосудам ямной культуры⁷. С кельтеминарским кругом соотносился гене-

зис неолитических стоянок Прибайкалья, а волнисто-струйчатый орнамент на сосудах, найденных возле г. Красноярск, чрезвычайно близок способу украшения кельтеминарской керамики, сосудов шигирской культуры Западной Сибири и Урала⁸. В качестве связующего звена между неолитическими памятниками Приаралья и Прибайкалья рассматривалось поселение Усть-Нарым в долине р. Иртыш⁹. Тогда А.П. Окладников относил все древние племена Урала, Западной Сибири и Приаралья к финно-угорской языковой семье, точнее, восточной, угорской ее ветви¹⁰.

В.Н. Чернецов обратил внимание на близкое сходство кремневого инвентаря, изделий из кости, керамики из кельтеминарских памятников и ранних материалов из стоянок у Андреевского озера в Нижнем Приобье. Аналогии между памятниками Зауралья и Средней Азии касаются не только обычных для раскопок находок. Крайне интересны остатки изделий из бересты с росписью красно-коричневой охрой, обнаруженные в Горбуновском торфянике. Орнаментальная композиция состоит из разделенных прямыми линиями полей, заполненных волнистыми линиями. Тот же орнамент типичен для раннекельтеминарского комплекса и для круга культур расписной керамики джейтунского типа¹¹. В том же Горбуновском торфянике сохранился деревянный бумеранг, в связи с чем А.В. Збруева упоминает находку орудия подобного рода в раскопках северного холма Анау в Южном Туркменистане¹².

В.Н. Чернецов пришел к выводу, что именно в Приаралье находился очаг формирования уральской языковой семьи, распространившейся отсюда на Урал, в Зауралье и Сибирь. В качестве дополнительного аргумента автор приводил антропологические данные о присутствии древнеевропейского компонента у современных манси и хантов и реконструированный М.М. Герасимовым череп человека из Шигирского торфяника – европеоида с монголоидной примесью¹³. После ряда обоснованных воз-

ражений со стороны последователей автохтонного развития уральского неолита на основе местного мезолита В.Н. Чернецов вновь привлек внимание к почти полной идентичности всего археологического комплекса кельтеминарской культуры и неолита Восточного Зауралья, особенно ранней его стадии – Козловской. Автор утверждал, что подобная близость не является отдельным эпизодом истории Урала, свойственным только неолиту, она проявляется еще в мезолите, и единственное возможное тому объяснение видится в продвижении на север прикаспийских и приаральских племен. Не давая никаких этнических определений, В.Н. Чернецов убеждает, что настолько устойчивая система взаимосвязей могла существовать исключительно в рамках единой этнокультурной общности¹⁴.

Даже противники теории В.Н. Чернецова соглашались в том, что «население уральско-камской области заимствовало у своих южных соседей не известное ему ранее искусство выделки глиняной посуды, в том числе и мотивы орнаментации»¹⁵. А.Х. Халиков, признавая выдающееся значение кельтеминарской культуры, видел в ее движении на север «клин», который разрезал единый от Волги до Байкала протофинно-угорский массив на финно-угорский запад и самодийский восток¹⁶.

М.Е. Фосс избегает конкретных этнических определений в отношении культур лесной полосы эпохи неолита и тем более кельтеминарской общности, но предупреждает о невозможности отнесения культур с гребенчатой керамикой (кельтеминарская, афанасьевская) к ямочно-гребенчатому неолиту Европы. «Население Урала и Приуралья составляло единый этнический массив с Западной Сибирью, который можно противопоставлять восточноевропейскому, состоявшему из двух крупных этнических общностей»¹⁷.

В.Н. Даниленко присоединился к позиции А.П. Окладникова в том, что кельтеминарская культура отражает не столько южную линию развития, сколько проникший

далеко на юг блок северного, протофинно-угорского этнокультурного массива. По его мнению, на фоне неолита ямочно-гребенчатой керамики и других европейских образований «Кельтеминар представляет собой явление крупнейших, поистине азиатских масштабов»¹⁸. Автор резко отделяет кельтеминарскую культуру от южного прикаспийского неолита, представленного пещерными комплексами Хоту, Белт и Джебел. С кельтеминарской культурой связывается сперрингский этап развития неолита ямочно-гребенчатой керамики, тогда как прикаспийские племена участвовали в сложении днепро-донецкой и ямной культуры (происхождение скотоводства). Тот факт, что кельтеминарский археологический комплекс, несомненно, аналогичен материалам днепро-донецкой культуры, объясняется усилением протоиндоевропейских и протофинно-угорских контактов¹⁹.

А.А. Формозов сначала также предполагал выдающийся вклад кельтеминарской культуры в процесс формирования археологических культур лесостепной полосы Евразии эпохи бронзы, в частности, андроновской²⁰. Однако в поздних своих работах автор пришел к заключению, что «гипотезу об огромной роли кельтеминарской культуры в истории Европы и Азии надо признать преувеличением»²¹. По его мнению, влияние кельтеминарской культуры не распространялось на Южный Урал и Зауралье, его не было ни на Подонье, ни на Украине, и, главное, «кельтеминарская культура не древнее ряда неолитических культур Восточной Европы и Урала»²². В те годы датировка кельтеминарских древностей основывалась на синхронизации с четвертым слоем пещеры Джебел, единственная радиоуглеродная дата которого 6030 ± 240 лет назад, и распространении в позднекельтеминарских комплексах плоских донец, сосудов с трубчатými носиками и вытянутыми сливами²³. Важным моментом было переопределение раковин *Corbicula* из афанасьевских захоронений Среднего Енисея, которые оказались не среднеазиатскими, а местными ископае-

мыми моллюсками. Еще большее значение имело определение раковин *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас-4 как ископаемых, залегающих в третичных отложениях Приаралья, а не привезенных из бассейна Индийского океана²⁴.

Кельтеминарская культура представлена в работах А.А. Формозова как крайне архаичное охотничье-рыболовческое сообщество, вплоть до самых поздних этапов своего существования не обладавшее навыками скотоводства и потому резко отличавшееся от неолита Прикаспия (Джебел, Дамдамчешме). Кельтеминарский комплекс безусловно отнесен к южному кругу культур, но распространение сферы его влияния на север сказывается только на отдельных памятниках Урала, Зауралья и, возможно, Сибири²⁵.

Исследования, материалы, ареал, распространение, контакты

Главная заслуга в исследовании кельтеминарской культуры принадлежит выдающемуся археологу А.В. Виноградову, в работах которого последовательно излагается и, главное, обосновывается южное происхождение и родственные связи кельтеминарской общности. Во-первых, автор сразу обозначил несостоятельность аналогий с микролитовидными культурами Индии, предложенных С.П. Толстовым, сходства нет ни в каменном инвентаре, ни в керамике. Во-вторых, орудия кельтеминарской культуры близки материалу пещеры Палегавр в Северном Иране, а в еще большей степени – инвентарю поселений докерамического неолита Карим-Шахир и Джармо в Северном Ираке²⁶.

Наибольшее сходство кельтеминарский кремневый инвентарь обнаруживает с материалами джейтунской культуры расписной керамики на юге Туркменистана. Это касается подавляющего большинства изделий и особенно ярко проявляется в распространении наконечников стрел кельтеминарского типа в ареале джейтунской культуры: в подъемном материале, в раскопках самого поселения Джейтун и верх-

них слоев Чопандепе²⁷. Анализ керамического материала приводит к выводу, что формы сосудов кельтеминарской культуры и их орнаментация более типичны для земледельческого Юга, чем для уральских и сибирских культур, даже шигирской и горбуновской, керамические традиции которых восходят к кельтеминарским. А.В. Виноградов выделяет два типа сосудов: сферические узкогорлые горшки с отогнутым венчиком и ладьевидные чаши, которых вообще нет в северном неолите, и появляются они в Восточной Европе только в эпоху бронзы – в среднеднепровской и фатьяновской культурах. Как и в случае с каменными изделиями, все аналогии указывают на юг: Шахтепе, Гиссар, Сиалк, Джейтун, Анау, Намазга. Это касается и происхождения традиции окрашивания кельтеминарских сосудов красной и желтой охрой, случаи сохранения которой, к сожалению, крайне редки. Как правило, роспись осыпалась или была «съедена» солями, в тех же случаях, когда представлялась возможность различить узор, он оказывался идентичным орнаменту керамики южных земледельческих культур²⁸. В дополнение А.В. Виноградов приводит сводную таблицу, где сравнивает орнаменты кельтеминарских сосудов раннего этапа и керамики раннеземледельческих культур Востока. Благодаря этому становится ясно, что многие виды типично кельтеминарского орнамента (прежде всего волнистый, нанесенный палочкой) абсолютно идентичны расписному, только выполнены они в другой технике. Однако и в южных памятниках имеются сосуды, украшенные не только росписью, но и прочерчиванием²⁹.

В заключение А.В. Виноградов, в те годы еще только в виде гипотезы, высказал мысль, которую сегодня не многие решаются оспаривать: «Кельтеминарская культура сформировалась на той же древней микролитой охотничье-рыболовческой основе, что и земледельческие культуры расписной керамики Южной Туркмении и Ирана. Можно предположить, что предки кельтеминарцев, продвигаясь на север, за-

селили отдельные районы территории, на которой позднее расселились кельтеминарцы. Это произошло, по-видимому, в эпоху мезолита или раннего неолита»³⁰.

В кельтеминарской общности А.В. Виноградов выделяет три основных локальных варианта: акчадарьинский (Хорезм); лявляканский (Внутренние Кызылкумы); нижнезаравшанский (Махандарья, Дарьясай, Аякагитма). По кремневому инвентарю были определены три этапа: ранний – дарьясайский (конец VII – середина V тыс. до н.э.) характеризуется наличием трапеций; во втором – джанбасском (1-я половина IV тыс. до н.э.) появляются пластинчатые наконечники кельтеминарского типа; на третьем этапе (конец IV–III тыс. до н.э.) распространяются двустороннеобработанные формы (рис. 1–13)³¹.

Впоследствии серия калиброванных радиоуглеродных дат в целом подтвердила хронологию кельтеминарской культуры, предложенную А.В. Виноградовым, хотя и существенно удревнила. Дарьясайский этап датируется около 8000–7000 гг. до н.э.; джанбасский – около 5000–4000 гг. до н.э.³²

Раннекельтеминарская керамика изготовлена из лессовой глины, чаще с примесью шамота, реже – дресвы, толченых раковин и песка. Выделяются четыре основные формы. Крупные сосуды вертикально-удлиненных пропорций со слегка отогнутым венчиком и немного раздутым туловом, дно круглое или чуть заостренное. Большие горшки шаровидной формы с выделенной горловиной, дно круглое. Широкогорлые полусферические чаши с прямым венчиком, дно круглое или заостренное. Открытые ладьевидные чаши. Орнамент покрывает от 30 до 90% поверхности сосуда, наиболее распространен прочерченный волнистый и прямолинейный орнамент, а также косые насечки и вдавления. Редко сосуды украшались оттиском зубчатого штампа, качалки, еще реже встречается ногтевидный, желобчатый и ямочный орнамент, нанесенный отступающей палочкой. На стоянках Джанбас-4 и Толстова встречается

раскраска и роспись сосудов коричневатокрасной охрой, роспись наносилась поверх прочерченного орнамента в виде полос или по направлению узора, найдены единичные экземпляры с белой росписью. На поздних этапах кельтеминарской культуры по-прежнему представлены крупные сосуды вертикально-вытянутых пропорций и полусферические чаши, но появляются также горшки сферической формы на плоском дне. Сосуды становятся более приземистыми и уменьшаются в размерах. Сложные орнаментальные композиции отсутствуют, резко сокращаются случаи применения волнистого орнамента. Для украшения посуды в основном используется зубчатая и гладкая качалка, зубчатый штамп, насечки и вдавления, образующие зигзаги, лесенки, елки, геометрические фигуры, в том числе заштрихованные треугольники. Количество орнамента на сосудах сокращается, часть их вообще не орнаментирована³³.

В керамике хорезмской группы памятников имеются формы, которые в других районах распространения кельтеминарской культуры пока не встречены. Их появление объясняется влиянием земледельческих культур Юга: это ладьевидные сосуды, сферические горшки с выделенной горловиной, сосуды со сливами и трубчатыми носиками. На раннем этапе преобладал прочерченный, волнистый и прямолинейный орнамент, на среднем этапе прочерченный орнамент образует простые мелко-геометрические композиции, в том числе несколько разновидностей простого меандра. На позднем этапе керамике поселений в дельте Амударьи присуще распространение гладкой и зубчатой качалки, которая, наряду с меандром, является главным отличием хорезмской орнаментики³⁴.

Кремневая индустрия группы памятников низовьев Заравшана мало отличается от хорезмской, исключение составляют два новых варианта наконечников стрел, с расширяющимся к низу черешком и серповидными, хотя последний тип наконечников чаще встречается на стоянках Лявлякана.

Также для заравшанских поселений в большей степени, чем для Хорезма, характерны крупные шлифованные топоры и тесла. Набор форм керамики в низовьях Заравшана беднее, чем в Хорезме, чаши встречаются реже, наиболее типичной формой являются сосуды с округлым туловом, нет сосудов сферической и ладьевидной форм, со сливами и носиками. Особенностью Махандарьи являются венчики с наружным наплывом наподобие «воротничковых». Орнамент ограничен тремя видами: прочерченный волнисто-струйчатый, узоры в виде решетки (на раннем этапе), оттиск палочкой и насечки, зубчатый орнамент и оттиск качалки отсутствуют. Некоторая часть ранних композиций близка хорезмским, но главное отличие керамики Махандарьи заключается в том, что прочерченный орнамент нанесен орудием с 2-5 острыми зубцами. Этот прием совершенно неизвестен по материалам Хорезма и Лявлякана, как и орнамент с использованием лопаточки, вдавление которой образует некое подобие валика на тулове сосуда. Большинство сосудов на раннем этапе вообще не имеет орнамента, другие украшены только в верхней части³⁵.

Материалы памятников в районе Лявляканских озер отличаются и от хорезмских, и от заравшанских. В кремневом инвентаре отличие сказывается в широком распространении остроконечного варианта пластинчатых наконечников стрел кельтеминарского типа, крупных плитчатых скребков и изделий типа микрорезцов. В керамике, при общем сходстве, есть формы сосудов, которых нет ни в нижнем Заравшане, ни в Хорезме: сферические горшки со срезанным верхом, небольшие реберчатые сосуды, сосуды с маленьким уплощенным дном, некоторые варианты вертикально-вытянутых крупных сосудов. По сравнению с материалами двух других групп, в ранних комплексах Лявлякана прочерченный орнамент используется значительно реже (только в 25% случаев), зато очень широко применяется зубчатый, обычно в сочетании с насечками. В целом орнаментика ляв-

ляканской керамики очень бедна, лишь для небольшой части ранней посуды известны такие сложные композиции, как гирлянда, обычный тип орнамента представлен простой комбинацией двух элементов – елки и зигзага³⁶.

В дополнение А.В. Виноградов сравнивает украшения всех трех групп и выявляет примечательную специфику. Украшения хорезмской группы стоянок сделаны из створок раковин (*Chlamis*, *Dentalium*, *Pectunculus*, *Didacna*, *Anodonta*), известны только 2-3 случая находок бус из бирюзы. На стоянках староречий Заравшана бусы и подвески изготавливались из камня и мелких уплощенных галек. На памятниках Лялякана среди украшений существенно преобладают бусы, изготовленные из бирюзы, к тому же в районе существовали мастерские по обработке бирюзы³⁷.

Благодаря тому, что некоторые памятники правобережья Амударьи перекрыты защитным слоем аллювия, археологам представилась редкая возможность ознакомиться с типом кельтеминарского жилища. В нижнем горизонте стоянки Джанбас-4 сохранились остатки овальной в плане наземной каркасно-столбовой конструкции размером 24'17 м. Жилище стоянки Кават-7 имеет размеры 30-31'18-19 м. В Акчадарьинской дельте есть также жилища прямоугольной в плане формы, например, на стоянке Толстова, размером 9'12-13 м. Согласно реконструкциям А.В. Виноградова, для кельтеминарской культуры наиболее типичным является наземный дом прямоугольных очертаний площадью от 80 до 120-150 м². Расположение входа и ориентировка построек зависели от местных условий. Конструкция состояла из двух или трех вписанных друг в друга прямоугольных (иногда с закругленными углами) фигур из вертикально врытых столбов, на которых крепились стропила. Кровля и стены собирались из двух слоев камыша, крыша к тому же сверху обшивалась полосами древесной коры, уложенными параллельными рядами внахлест. Внутри жилище было устлано

циновками. Каждое кельтеминарское поселение состояло как минимум из трех таких домов, в каждом из которых, судя по количеству очагов вдоль стен, обычно жило 8-10 парных семей³⁸.

Погребальный обряд кельтеминарской культуры известен по раскопкам двух погребений между стоянками Джанбас-4 и 5 и особенно по материалам могильника Тумек-Кичиджик (рис. 14). Джанбасские погребения сильно разрушены, устанавливаются только очертания могильных ям размером приблизительно 140'80 см и 160'110 см, в которых предполагается скорченное положение по оси северо-восток – юго-запад и, вероятно, север – юг³⁹.

В могильнике Тумек-Кичиджик (V – IV тыс. до н.э.) вскрыто 27 индивидуальных погребений в узких грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы размером 2-2,2'0,4-0,5 м (глубина от 40 до 110 см), изредка с небольшим подбоем. Захоронения осуществлялись в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток (в диапазоне от 30° до 80°), с вытянутыми вдоль тела руками, в большинстве случаев с охристой подсыпкой под костяком. В засыпке могил зафиксированы скопления камней и, иногда, дерева. Обнаружены два несколько более поздних захоронения (№ 7 и 8): одно в слабоскорченном положении на левом боку, головой на запад; другое на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. Умерших помещали в могилу в одежде, богато обшитой раковинными и костяными украшениями. Захоронения сопровождалась ритуальными положениями мясной пищи на обломках сосудов. Погребальный инвентарь беден и не отличается многообразием: керамика, каменные изделия, кости млекопитающих, птиц и рыб, украшения, бусы, нашивки из раковин и кости, в том числе подвески из клыков кабана. В «позднем» погребении № 7 найдено керамическое пряслице усеченно-конической формы, типичное для Южного Туркменистана⁴⁰.

В отношении антропологического состава погребенных в могильнике Тумек-Ки-

чиджик Т.А. Трофимова пришла к заключению, что имеются резкие морфологические различия между мужской и женской сериями черепов, представленных двумя типами. Первый из них протоевропейский, близкий древнеямной культуре, но более грацилизованный. Вторым является вариант кроманьонского типа южной ветви европеоидов (протосредиземноморский, по М. Каппиери). В итоге автор предполагает прямые связи населения Присарыкамышской дельты и Северного Копетдага уже в эпоху неолита⁴¹. Дополнительные исследования материалов из Тумек-Кичиджика позволили Л.Т. Яблонскому предложить логичное объяснение указанному выше сочетанию северных и южных протоевропеоидных черт. Предки кельтеминарцев в составе одной из групп раннеолитического населения Средиземноморья (протосредиземноморцы) продвинулись на север, где вступали в контакты с носителями северного протоевропеоидного антропологического типа, что в итоге привело к сложению облика носителей кельтеминарской культуры⁴².

По общему заключению, люди, похороненные в позднеолитическом могильнике Тумек-Кичиджик, характеризуются значительной массивностью и резко выраженным европеоидным обликом. В целом «кельтеминарское население отличалось значительной матуризацией и принадлежало к широколицему европеоидному комплексу, который можно считать одним из локальных вариантов древней формации европеоидной расы»⁴³. По трем категориям признаков наблюдается близость между неолитическими черепами кельтеминарцев и североевропейцев (Норвегия, Северо-Восточная Европа). Имеется значительное сходство мужской серии из Тумек-Кичиджика с сериями ямной и срубной культур, «кельтеминарцы приняли, по-видимому, непосредственное участие в процессе формирования антропологического облика населения степной полосы в эпоху бронзы»⁴⁴.

Учитывая огромную, периодически расширявшуюся территорию, занимаемую па-

мятниками кельтеминарского круга с его локальными вариантами, Г.Ф. Коробкова предложила ввести понятие «кельтеминарская культурная общность». Она отличается следующими устойчивыми признаками: «наличие поселков с одним или несколькими наземными жилищами овальной или подпрямоугольной формы, каркасно-столбовой конструкции, крупных и малых размеров; погребального обряда с захоронением в грунтовых ямах с подсыпкой охры, в вытянутом положении на спине; особого керамического комплекса, содержащего сосуды вертикально вытянутых пропорций и полусферические чаши разных вариаций; характерного орнамента в виде прочерченных прямых и волнистых линий, косых насечек, вдавлений, оттисков зубчатого штампа, качалки, образующих пояса; пластинчатой микролитовидной индустрии с наконечниками стрел с боковой выемкой, микропластин с притупленным краем»⁴⁵.

Кельтеминарская общность, помимо собственно Хорезма и Внутренних Кызылкумов, включает в себя группы памятников в Западном и Южном Казахстане: к северу и востоку от Арала (древняя дельта Сырдарьи); северные и южные склоны хребта Каратау. В Западном Казахстане материал происходит по большей части из развееванных стоянок: каменный инвентарь типично кельтеминарский, керамика представлена круглодонными сосудами, обычно с примесью раковин в тесте. Орнамент наносился гребенчатым штампом, иногда оттисками шагающей гребенки по всей поверхности сосуда⁴⁶. В Южном Казахстане кельтеминарские памятники известны в Чимкентской области, в районе правобережья средней Сырдарьи. При раскопках пяти слоев пещеры Караунгур найдены каменные изделия и окрашенная красной краской керамика – прием, типичный для джанбасских стоянок Акчадарьинской дельты. Обитатели пещеры делали фигурки, подвески и бусы из костей диких животных, на подвесках из клыков имеется нарезной орнамент. Существует указание на признаки одомашнивания быка и собаки⁴⁷.

Сопредельные территории Центрального и Восточного Казахстана демонстрируют смешанное происхождение каменного инвентаря: наряду с влиянием южной микролитовидной пластинчатой техники есть орудия, изготовленные из отщепов. Преобладание отщеповой индустрии, как и макролитовидных форм, к северу увеличивается.

Усть-нарымская культура Восточного Казахстана и сходные группы Центрального Казахстана сложились при непосредственном участии кельтеминарской культуры в контакте с сибирским и алтайским неолитом. Отмечается также некоторое сходство Усть-Нарыма с южноуральскими неолитическими комплексами, в свое время даже предполагалось сложение андроновской культуры на основе усть-нарымской, в которой уже известны находки костей домашней овцы и козы. В Центральном Казахстане, в верхних слоях стоянки Караганда-15, также обнаружены кости домашних животных – коровы, овцы и лошади. В Северном Казахстане в материалах одной группы памятников, маханджарской, отразилось влияние прикаспийской традиции (сосуды с заостренным шиповидным дном). В Тургайской степи Кустанайской области собраны материалы кельтеминарского типа, в том числе характерные асимметричные наконечники⁴⁸. В других (стоянки у пос. Тельмана) заметно кельтеминарское присутствие. Есть находки домашних быка и овцы, найдено также большое количество костей лошади. В памятниках, расположенных восточнее, в Прииртышье, число пластин и вкладышей резко сокращается, сосуды плоскодонные, наряду с гребенчатым появляется ямочный орнамент, изредка есть накольчатый⁴⁹.

По соседству с восточно-казахстанской, усть-нарымской группой памятников исследовались родственные им неолитические стоянки Юго-Западного Алтая, в материалах которых явно прослеживается кельтеминарское участие. Стоянки расположены на озерах – древних притоках Оби, их объединяет традиция микролитической

пластинчато-отщеповой индустрии. В IV - втор. пол. III тыс. до н.э. процентное отношение пластин увеличивается, появляются асимметричные наконечники стрел, напоминающие кельтеминарские⁵⁰. Связи со среднеазиатскими культурами особенно ярко проявились в материалах из одиновского погребения IV - первой половины III тыс. до н.э. из Обь-Иртышского междуречья, где найдены так называемые бусы-крестовики и поделки из кызылкумского минерала джеспилита⁵¹.

Несмотря на отмечаемые повсеместно признаки прямого или косвенного воздействия кельтеминарской культуры, с годами она, как и родственные ей памятники Прикаспия, была исключена из круга культур, оказавших сколько-нибудь значимое влияние на исторические процессы Евразии. Причин тому было немало, и не в последнюю очередь относительно слабая изученность пустынных районов Средней Азии, обусловленная крайне низкой сохранностью большинства древних стоянок. В итоге за кельтеминарской культурой надолго закрепилось данное А.А. Формозовым определение: архаичное охотничье-рыболовецкое сообщество с полным отсутствием признаков производящего хозяйства. Как следствие, неоднократно отмечавшиеся прежде кельтеминарские и афанасьевские сходжения, столь очевидные для большинства исследователей в середине XX в., сейчас уже просто игнорируются. Вероятно, современным исследователям намного более перспективным кажется поиск недостающих звеньев между памятниками ямной культуры и афанасьевской не в ареале кельтеминарских охотников и рыболовов, а дальше к северу, в лесостепной полосе. Однако в этой связи можно напомнить, что обряд, ориентация погребенных и сопроводительный инвентарь в известном могильнике доямого времени у с. Съезжее на р. Самаре аналогичны кельтеминарскому, хотя авторы раскопок отдали предпочтение иному кругу аналогий⁵². Воротничковые венчики сосудов могильника Съезжее ха-

рактарны не только для приуральского неолита типа Давлеканово и Муллино, но и для керамики пещеры Джебел, а в материалах кельтеминарской культуры «воротнички» (венчики с наружным наплывом) являются специфической чертой нижнезаврашанского локального варианта⁵³.

Та же тенденция проявилась при исследовании святилища Савин-1 на Тоболе 2-й четверти III тыс. до н.э., относящегося к Уральско-Казахстанской культурно-исторической общности. Как и на поселениях верховьев Оби, кремневая индустрия носит смешанный характер: 70% изделий изготовлено на отщепах, 30% – на пластинах, среди последних имеется типично кельтеминарский наконечник стрелы⁵⁴. О южном влиянии свидетельствует восточносредиземноморский расовый тип мужчины и женщины в ритуальном погребении святилища. Тем не менее аналогии выстроены в пользу хвалынских и среднестоговских древностей, вплоть до Триполья, в то время как территориально более близкие памятники кельтеминарской культуры не упоминаются вовсе⁵⁵.

Когда-то А.В. Виноградов уверенно обосновывал участие кельтеминарской общности в генезисе северокаспийских неолитических культур⁵⁶, сейчас на основании технологического анализа керамики из стоянок Северного Прикаспия нас не очень убедительно пытаются уверить, что это не так. Обращается внимание на отличие примесей в формовочной массе, хотя для кельтеминарской керамики в качестве добавок упоминаются почему-то только песок и шамот, а сходство форм во внимание не принимается. Радиоуглеродные даты ранней керамики Северного Прикаспия сравниваются не с ранним, а со средним, джанбасским этапом кельтеминарской культуры, отчего, конечно, полностью «подтверждается глубокая древность керамики данного региона по сравнению с посудой культур соседних областей, включая кельтеминарскую»⁵⁷. Надо сказать, что В.С. Мосин, исследовав керамику тех же культур, пришел

к прямо противоположному выводу, назвав источником гончарных технологий Восточный Прикаспий и Приаралье⁵⁸.

Желание показать выдающуюся роль исследуемого региона (будь то Северный Прикаспий или Южный Урал) в качестве «эволюционного очага» понятно, но это приводит нас в лучшем случае к умолчанию, в худшем – к ложному восприятию роли культур Средней Азии. Как для Северного Прикаспия, так и для Южного Урала круг аналогий искусственно ограничивается стоянками Зарзи и Шанидар⁵⁹, однако, вопреки подобным утверждениям, северокаспийский, как, впрочем, и южноуральский, материал имеет много общего с позднемезолитическими – ранненеолитическими индустриями Средней Азии, да и миновать территорию Приаралья в ходе расселения не так-то просто⁶⁰.

В 1979 г. А.В. Виноградов, основываясь на распространении наконечников стрел, обозначил ареал кельтеминарского влияния не только на восток от Урала, но и на запад – на ту территорию, где позже появилась фатьяновская культура (рис. 15)⁶¹. Надо полагать, что за прошедшие 40 лет количество находок наконечников кельтеминарского типа как в Приуралье, так и в Зауралье значительно возросло. Свидетельством этому является относительно недавний замечательный обзор, специально посвященный находкам кельтеминарских наконечников на Урале и в Зауралье⁶².

В упомянутых выше неолитических стоянках агидельской культуры Давлеканово и Муллино наряду с воротничковой керамикой нередко находят классические наконечники стрел кельтеминарского типа⁶³. Однако происхождение традиции изготовления воротничковой керамики на этапе Муллино III Г.Н. Матюшин объясняет притоком нового населения из Северного Прикаспия, а территория кельтеминарской культуры, которой отказано даже в роли транзитной зоны, ограничена только районом Южного Приаралья в низовьях Амурары⁶⁴.

Факт находок кельтеминарских наконечников на северо-востоке Башкирии, в бас-

сейне р. Самара и в Саратовском Поволжье, вопреки мнению А.А. Формозова, свидетельствует об участии кельтеминарской общности в формировании культур не только Зауралья, но и гораздо более западных областей⁶⁵. Так, А.А. Выборнов пришел к выводу о сложении елшанской культуры на юге степной зоны Волго-Уральского региона в начале VI тыс. до н.э. вследствие переселения из Прикаспия и Среднеазиатского междуречья⁶⁶.

В 70-80-е гг. XX века еще не было известно о находках наконечников стрел кельтеминарского типа на памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. Их исследователь С.Н. Корневский считает асимметричные наконечники стрел самой известной формой наконечников из майкопских захоронений и выделяет их в так называемый «псекупско-долинский» тип, но вообще не упоминает ни кельтеминарские материалы, ни работы А.В. Виноградова⁶⁷.

За кельтеминарской культурой настолько укрепилась репутация примитивного сообщества охотников и рыболовов, что во внимание не принимаются даже давно известные, но совсем не типичные для «присваивающего хозяйства» кельтеминарские материалы. Когда-то на нескольких стоянках по берегам озера Лявлякан во Внутренних Кызылкумах были обнаружены следы меднолитейного производства, на одной из них найден фрагмент сосуда с капельками меди внутри, на двух стоянках – куски руды, шлаков и литейные формы⁶⁸. Литейные формы изготовлены из песчаника и предназначались для отливки топоров: в одной из них отливали топоры-тесла, в другой – топоры-молоты. Топоры-тесла подобной формы известны на памятниках Ирана, Северо-Восточного (Астрабадский клад, Тепе Гиссар, Шахтепе) и Северного, на юго-западном побережье Каспия (Амлаш), они есть в Трое (слои II и VII B) и на Крите, широко распространены в материковой Греции и на территории между Дунаем и Днепром⁶⁹. Топоры-молоты находили в том же ареале, а также на Северном Кавказе и в Трансильвании⁷⁰.

Еще в 60-е годы Г.Ф. Коробкова обратила внимание на находки вкладышей жатвенных ножей, обломков зернотерок и утяжелителей для мотыг на стоянках в низовьях реки Заравшан, что косвенно указывает на признаки земледелия. Уже на раннем этапе кельтеминарской культуры появляются аналогичные джейтунским керамические диски с отверстием в центре, вероятнее всего, пряслица, что возможно только при наличии овцеводства⁷¹. К сожалению, полноценный палеозоологический анализ костных остатков из раскопок кельтеминарских стоянок в те годы сделан не был, но даже в отношении известных данных существует некий «заговор молчания». К примеру, в остеологическом материале из могильника Тумек-Кичиджик есть остатки верблюда-бактриана, кости верблюда из стоянки Толстова тоже, скорее всего, относятся к бактриану⁷². Однако известный специалист по археологии Ирана и Месопотамии Д. Поттс в специальной статье о происхождении верблюда вида *Camelus bactrianus* вообще не упоминает находки из кельтеминарских памятников. Соответственно, ареал распространения дикого предка бактриана (*Camelus ferus*) автор поневоле ограничил пределами степного пояса от Монголии до Центрального Казахстана⁷³.

Как представляется, ситуация должна измениться хотя бы после палеозоологического анализа материалов из кельтеминарской стоянки Аякагитма в низовьях Заравшана, в 150 км к северу от Бухары. Среди костных остатков животных были определены кости домашних коров, овец, коз и свиней. В составе стада велик удельный вес верблюда и лошади, предположительно, также одомашненных, или, по словам авторов раскопок, прирученных⁷⁴. Признаки domestikации лошади и тем более верблюда, установить крайне сложно, поэтому Ф. Бруне более осторожна в своих высказываниях и обращает внимание только на наличие в материалах Аякагитмы костей домашнего быка⁷⁵.

Игнорирование кельтеминарской культуры привело к тому, к чему и должно было

привести – к возникновению ситуации, когда исконно кельтеминарские памятники приписываются каким угодно археологическим культурам, кроме кельтеминарской. Так, могильник Тумек-Кичиджик иногда абсолютно необоснованно считается памятником ямной культурно-исторической общности⁷⁶. Типично кельтеминарский каменный инвентарь из Тугайного и отдельные находки из поселения Саразм в долине Заравшана относят к неким «пастушеским группам ямно-афанасьевского типа»⁷⁷, и на основании этого утверждается о продвижении в Среднюю Азию носителей афанасьевской культуры⁷⁸.

Существующая в умах специалистов привычка рассматривать любую ситуацию только с позиций археологии «степных» или вообще северных культур может сыграть с нами злую шутку. В принципе, логика понятна: если в Саразме есть афанасьевский (то есть пратохарский) след, значит, в Синьцзяне отыщется непременно. В желании решить «тохарскую проблему» особенно большие надежды когда-то возлагались на могильник Чемурчек (Кээрмуци), хотя расположен он на крайнем севере Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР, то есть на приличном расстоянии от Таримского бассейна. Могильник складывался в два этапа: первый из них (фаза I) относится к эпохе бронзы и датируется концом III – началом II тыс. до н.э.; второй (фаза II) включает погребения эпохи раннего железа⁷⁹. По мнению авторов, Кээрмуци представляет собой отдельное явление, отличаясь и от афанасьевской, и от окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты, особенно с последней. В то же время материалы Кээрмуци не обладают ни малейшими признаками сходства с памятниками Таримского бассейна⁸⁰.

В действительности не афанасьевские древности находили в Синьцзяне, а кельтеминарские – на развешенных стоянках в бассейне Яркендарьи и в дельте Курукдарьи, на западе и юго-западе Синьцзяна⁸¹. Собранные там фрагменты керамики и сопутству-

ющий кремневый инвентарь являются типичными для кельтеминарской культуры⁸². В.А. Ранов подчеркивает сходство наконечников стрел из сборов А. Стейна с подобными изделиями из кельтеминарских поселений и могильника Заманбаба, указывая, что их можно отнести как к неолиту, так и к эпохе ранней бронзы⁸³. Новейшие исследования в этом районе, на поселении Сулэтанбаэ возле Кашгара (Suletangba'e), подтверждают указанный кельтеминарский круг аналогий⁸⁴. Вероятно, кельтеминарцы предпочли район Лобнора из-за приозерной, с многочисленными протоками, среды, такой же, как в Приаралье. Здесь сконцентрировано большинство сборов кельтеминарских материалов и расположен могильник Сяохэ (Xiaohé) с уникальными захоронениями, в котором, как и в Гумугоу, отсутствуют керамические сосуды, но есть обтянутые мешковиной корзины классической кельтеминарской формы и со сходным типом орнамента⁸⁵. Одной из территорий, где проходили и/или оседали носители кельтеминарской культуры по линии от Приаралья до Таримского бассейна, можно считать Ферганскую долину. В экспозиции местного краеведческого музея выставлены типично кельтеминарские микролиты, собранные в песках Центральной Ферганы.

Таким образом, факты свидетельствуют об ином векторе расселения древних народов Средней Азии – с юга на север и с юго-запада на северо-восток, во всяком случае на ранних этапах истории, от мезолита до ранней бронзы. Начало этому движению было положено приблизительно в VII тыс. до н.э., о чем, помимо прочего, свидетельствуют многочисленные материалы, собранные в приамударьинских песках Северного Афганистана. Они имеют прямые аналогии с прикаспийскими, в частности, с кельтеминарскими раннего, дарьясайского этапа, джейтунскими и из пещеры Джебел⁸⁶. В таком ракурсе становятся понятнее знаменитые наскальные изображения (росписи) Заргутая в горах Кугитанг на юге Узбекистана, особенно последняя их трактовка⁸⁷.

Заключение

Остается надеяться, что когда-нибудь все-таки удастся снять с кельтеминарской культурно-исторической общности штамп «первобытности» и вернуться к теме неоднократно отмечаемой по многим признакам близости кельтеминарцев и их далеких северных соседей. Первую попытку подобного рода можно видеть в исследовании о генезисе керамической традиции Евразии эпохи неолита – от Восточного Прикаспия и Приаралья до Балтики⁸⁸. Нужно только заметить, что сосуды с шиповидным дном характерны не для приаральского кельтеминарского, а прикаспийского неолита, в частности, для айдабольской культуры.

Осталось рассмотреть несколько вопросов, возникших после выявления, благодаря генетикам, «праиндоевропейской общности» – ямной культурно-исторической общности. Мнение автора не изменилось: ни по вопросу об участии майкопской культуры в ее сложении; ни о частичном кельтеминарском субстрате в ямной культуре; ни о том, что создатели ямной культуры относились к прото- или праиндоиранской языковой общности. Как и в том, что своим происхождением фатьяновская культура обязана кельтеминарской, так и об отождествлении ее с прото- прагермано-балто-славянской языковой общностью, и пока оснований для изменения этой точки зрения за прошедшие 10 лет не наблюдается⁸⁹.

В последних исследованиях много говорится о происхождении шнуровых культур Европы от ямной, но не рассматривается мало того что соседняя, так и, по сути, синхронная шнуровая фатьяновская. Пока голоса ученых, настаивающих на необходимости удревнения фатьяновской культуры, звучат скромно⁹⁰, и не зря археологи называют ее, а также балановскую культуру «забытым ребенком шнуровой семьи»⁹¹. Интересно знать линии родства ямной и фатьяновской культур: восходящая, параллельная или удаленно-параллельная, т.е. сестринская или двоюродная. Кажется, только сейчас этот вопрос по-настоящему обеспо-

коил ученых, но опять-таки больше генетиков, чем археологов, отчего, в нарушение всей хронологической последовательности, получилось, что фатьяновская культура обязана своим происхождением среднеднепровской⁹². Продолжая терминологию внутрисемейных отношений, «забытым ребенком» можно назвать и среднеднепровскую культуру, а прикаспийскую айдабольскую и тем более кельтеминарскую – «брошенными родителями», отданными на откуп генетикам и лингвистам.

Учитывая сложности лингвистических построений, усугубленных обращением к палеогенетическим исследованиям, следует все-таки отдать должное новейшим высококвалифицированным попыткам найти место кельтеминарской общности в евразийском языковом древе. Необъяснимый кельтеминарский феномен, располагавшийся практически в сердце Евразии, А.Г. Козинцев предположительно отнес к прауральской или, согласно ностратической теории, индоуральской языковой общности⁹³. Приятно поражает глубина лингвистических конструкций, но остаются неразрешимые противоречия с прикладными археологическими, да и антропологическими материалами.

Использование исключительно лингвистических и генетических методов непременно создаст казус наподобие того, который возник при сравнении генов носителей ямной и анатолийской культур и который так замечательно обозначила в своем обзоре М. Серангели. В первых из них в приблизительно равной пропорции присутствуют гены кавказского охотника-собирателя (CHG) и восточного охотника-собирателя (EHG). В образцах эпохи бронзы из Анатолии гены EHG отсутствуют, что исключает ямную культуру из числа предков анатолийцев, в частности, хеттов⁹⁴. Только один этот факт заставляет нас вновь обратить внимание на археологические культуры Закавказья, Южного Прикаспия и, в широком смысле, Северной Месопотамии.

Родословная джейтунской, кельтеминарской и прикаспийской культур уходит

корнями в верхний палеолит и мезолит (докерамический неолит) Иракского Курдистана, что прослеживается по распространению в Восточном Прикаспии прогрессивной для того времени зарзийской кремневой индустрии⁹⁵.

В неолите-энеолите расширение ареалов кельтеминарской приаральской и айдабальской прикаспийской культур происходило постепенно, неизбежно приводя к многоплановым контактам с обладателями древнейшего североевразийского генетического типа (ANE). Ближе к концу IV тыс. до н.э., в период Джемдет-Наср, миграционные процессы ускорились и вскоре приобрели взрывной характер. Во 2-й половине III тыс. до н.э. Восточный Прикаспий и Приаралье довольно быстро превратились в непригодные для жизни пустыни Каракумы и Кызылкумы, и, как следствие, кельтеминарская и айдабальская культуры здесь исчезли.

На первый взгляд смущает хронологическая глубина истоков сложения ПИЕ-общности, но не следует забывать, что историческое развитие – величина не равномерная и не прямолинейная, а законы ускорения никто не отменял, в том числе в развитии языков. То, на что прежде уходило столетия, сейчас происходит в течение десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.

² Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 9-16; Кесь А.С., Итина М.А., Виноградов А.В. К палеогеографии Акча-Дарьи // КСИИМК. 1970. Вып. 122. С. 110-113; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XIII. М.: Наука, 1981. С. 19-40; Байпаков К.М., Бороффка Н., Савельева Т.В., Ахатов Г.А., Лобас Д.А., Ержанова А.А. Итоги археологических исследований Северного Приаралья по проекту INTAS

«CLIMAN» // Известия НАН РК. Серия общественных наук 1. 2004. С. 252; Boroffka N.G.O., Bajpakov K.M., Achatov G.A., Eržanova A., Lobas D.A., Savel'eva T.V. Prospektionen am nördlichen Aral-See, Kazachstan // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2003-2004. № 35-36. P. 1-81; Boroffka N., Oberhänsli H., Sorrel P., Demory F., Reinhardt C., Wünnemann B., Alimov K., Baraton S., Rakhimov K., Sarapov N., Shirinov T., Krivonogov S.K., Röhl U. Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea // Geoarchaeology: An International Journal. 2006. № 21 (7). P. 725, 730-731.

³ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. С. 59-66.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Толстов С.П. Древний Хорезм ... С. 65; Збруева А.В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 184; Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 58; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Второе издание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С.28. Надо заметить, что при раскопках памятников собственно кельтеминарской культуры, как замечает сам С.П. Толстов, раковины *Corbicula fluminalis* обнаружены не были.

⁶ Киселев С.В. Древняя история ... С. 32-33, 56, 60; Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 15; Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская этнография. 1957. № 1. С. 29, 38.

⁷ Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1956. С. 214-215.

⁸ Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (К вопросу о происхождении самодийских племен) // Советская археология. 1957. № 1. С. 43.

⁹ Окладников А.П. Пещера Джебел ... С. 206-207.

¹⁰ Окладников А.П. Из истории ... С. 54.

¹¹ Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 53.

¹² Збруева А.В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 188.

¹³ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего При-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

(по материалам А.В. Виноградова и свода А. Редлиха)

Рис. 1. Кремневый инвентарь и материалы кельтеминарской культуры.
Сводная таблица в хронологическом порядке (снизу вверх).

Рис. 2. Сводная таблица керамики кельтеминарской культуры в хронологическом порядке (снизу вверх).

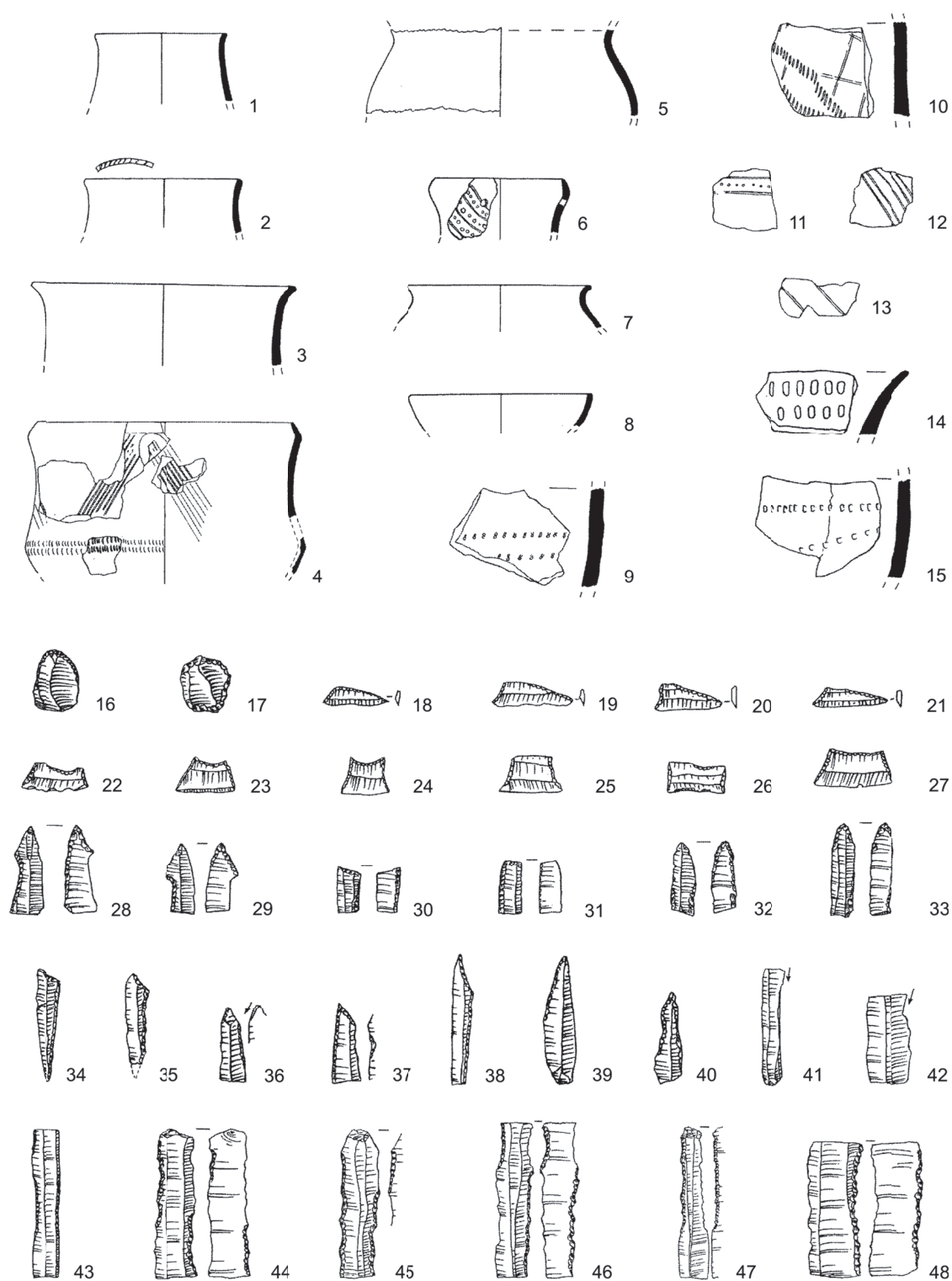

Рис. 3. Материалы раннего этапа кельтеминарской культуры.

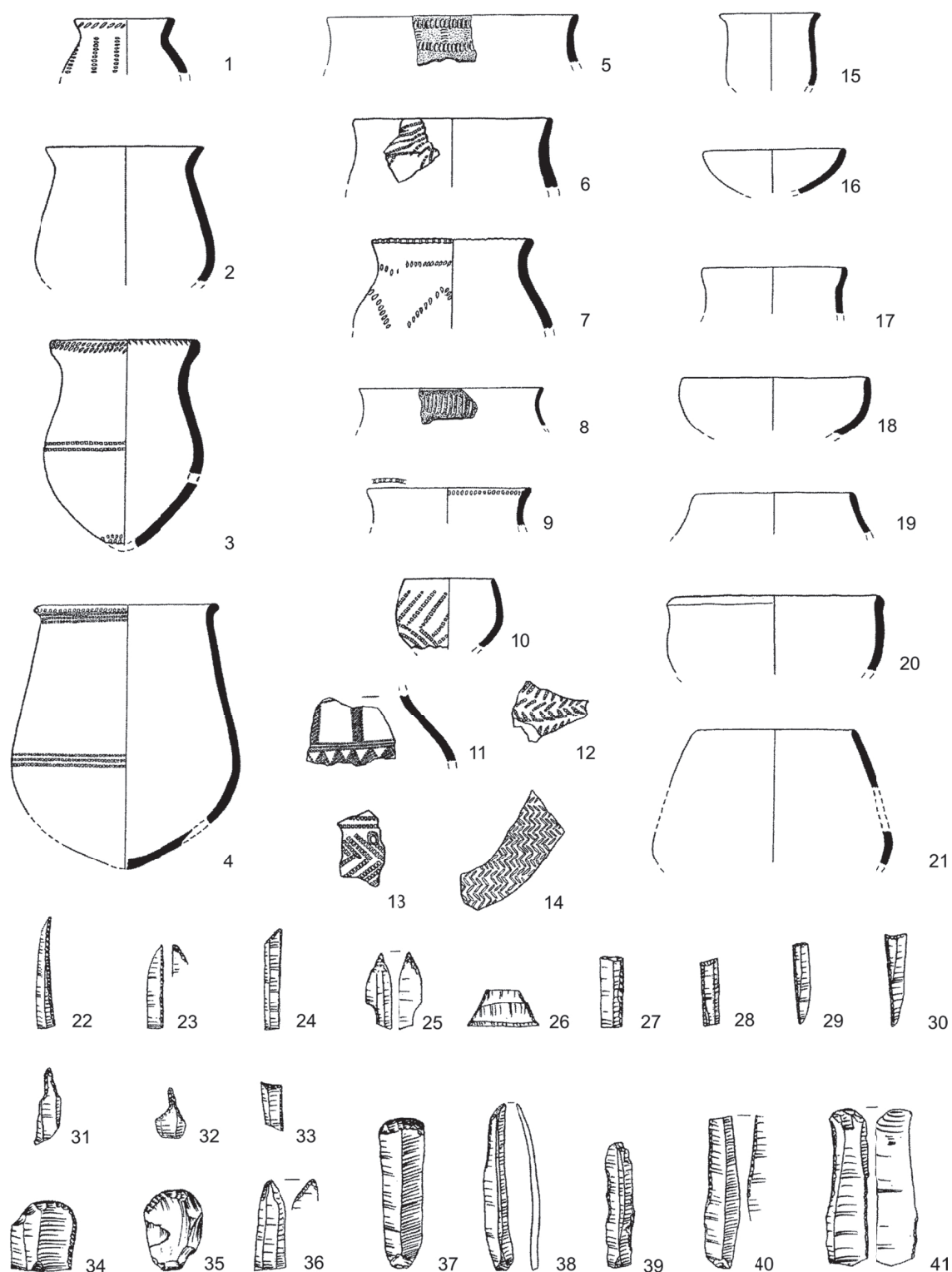

Рис. 4. Материалы раннего этапа кельтеминарской культуры.

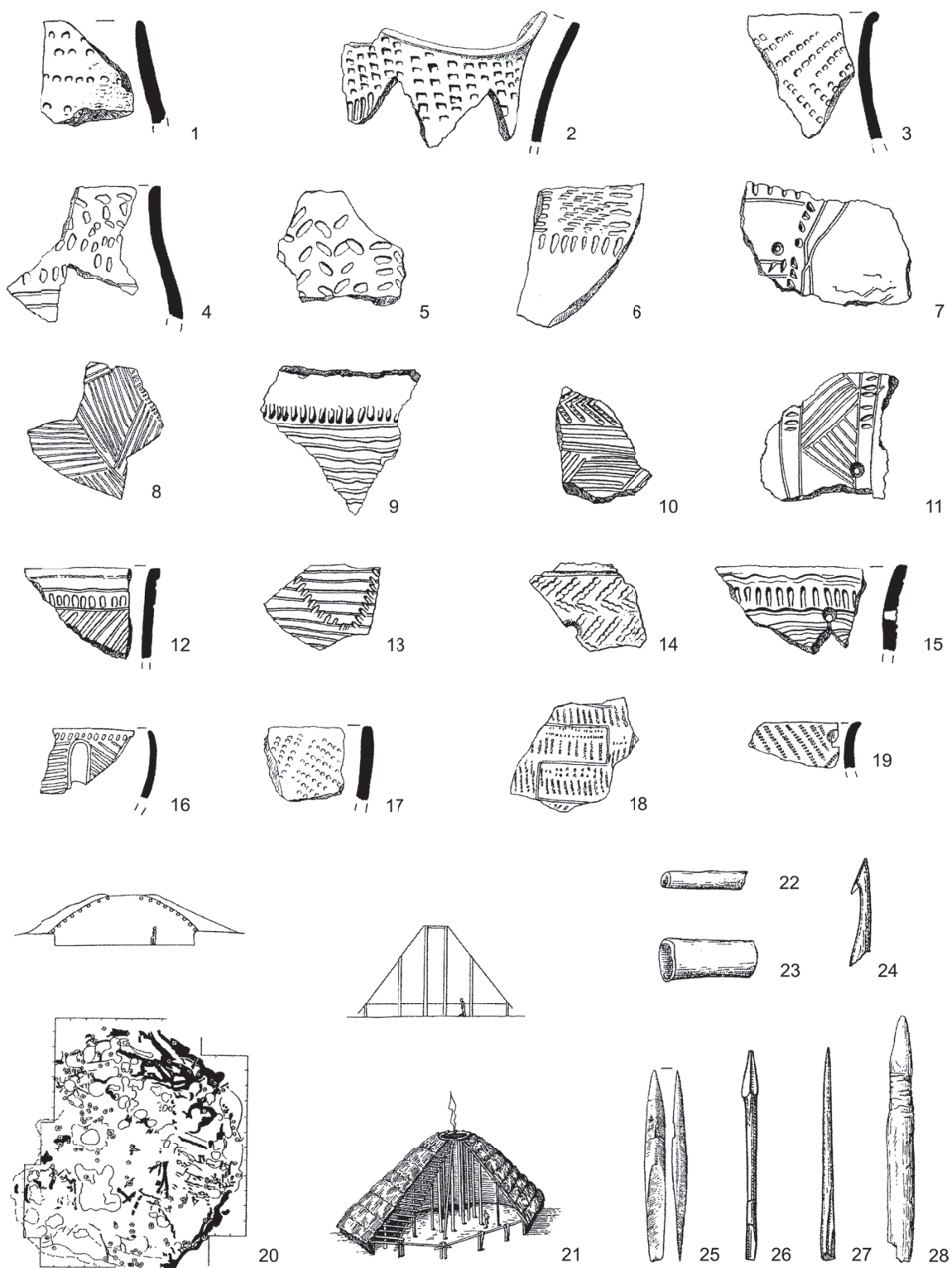

Рис. 5. Материалы раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

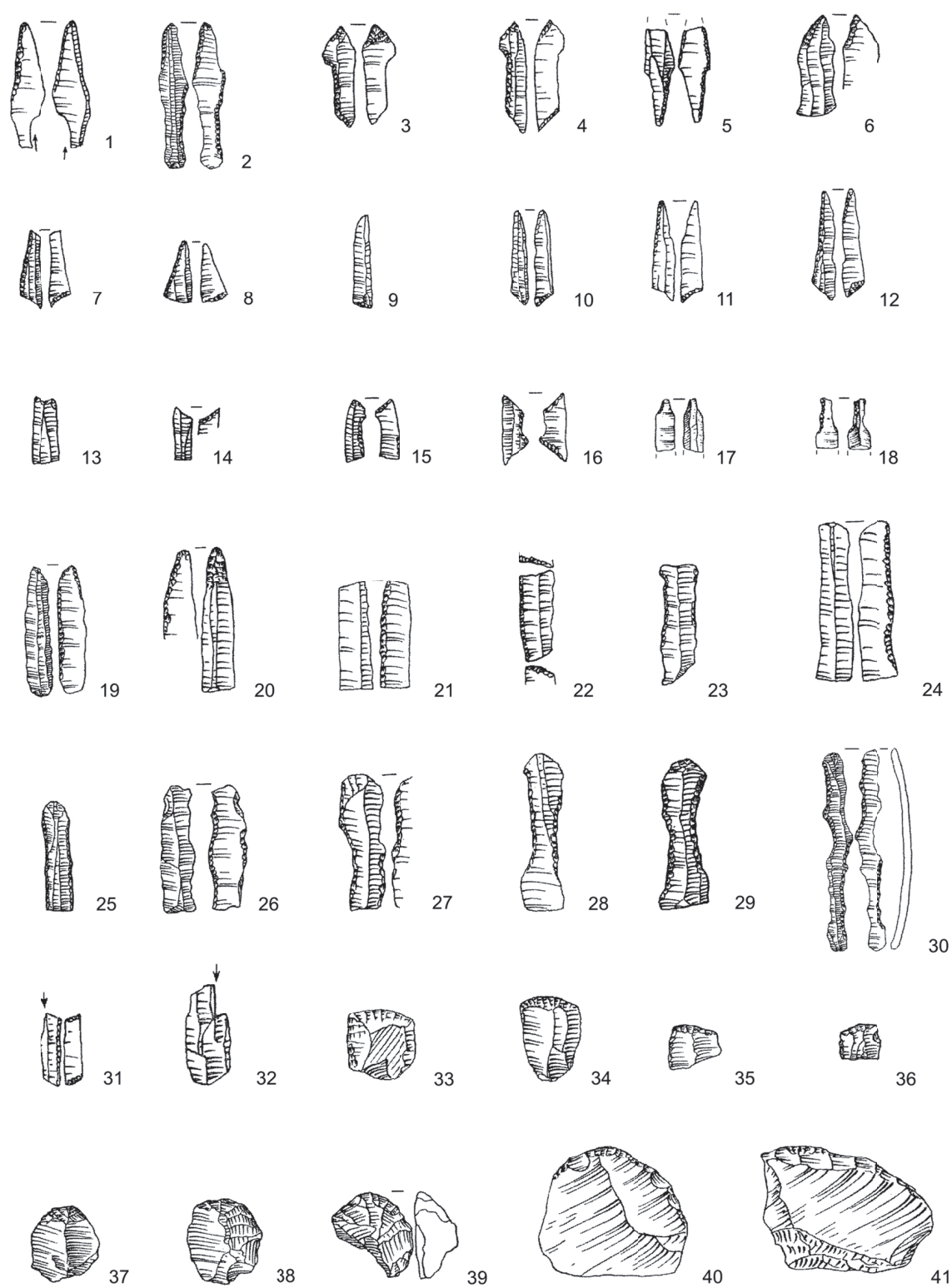

Рис. 6. Кремневый инвентарь раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

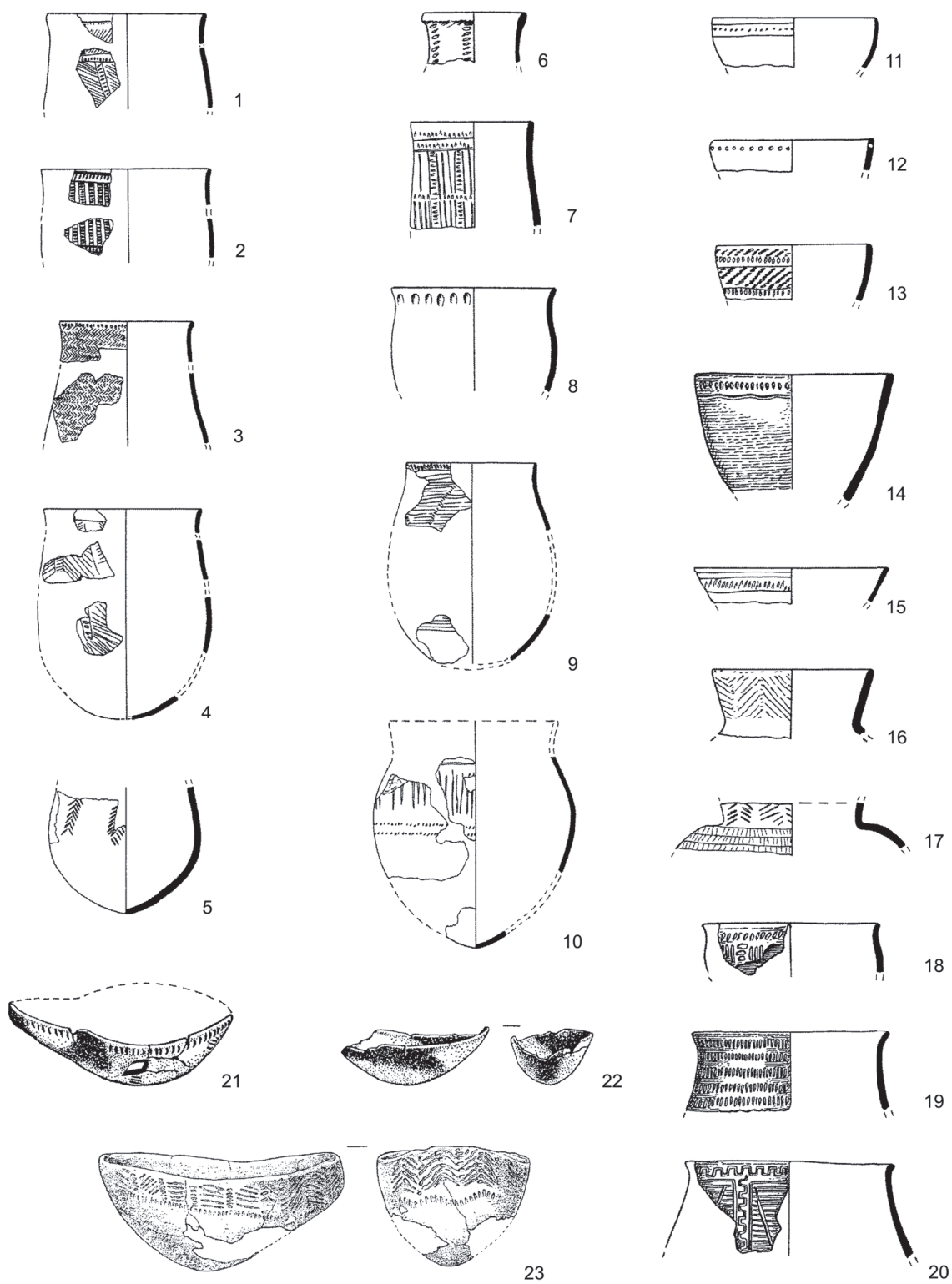

Рис. 7. Керамика раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

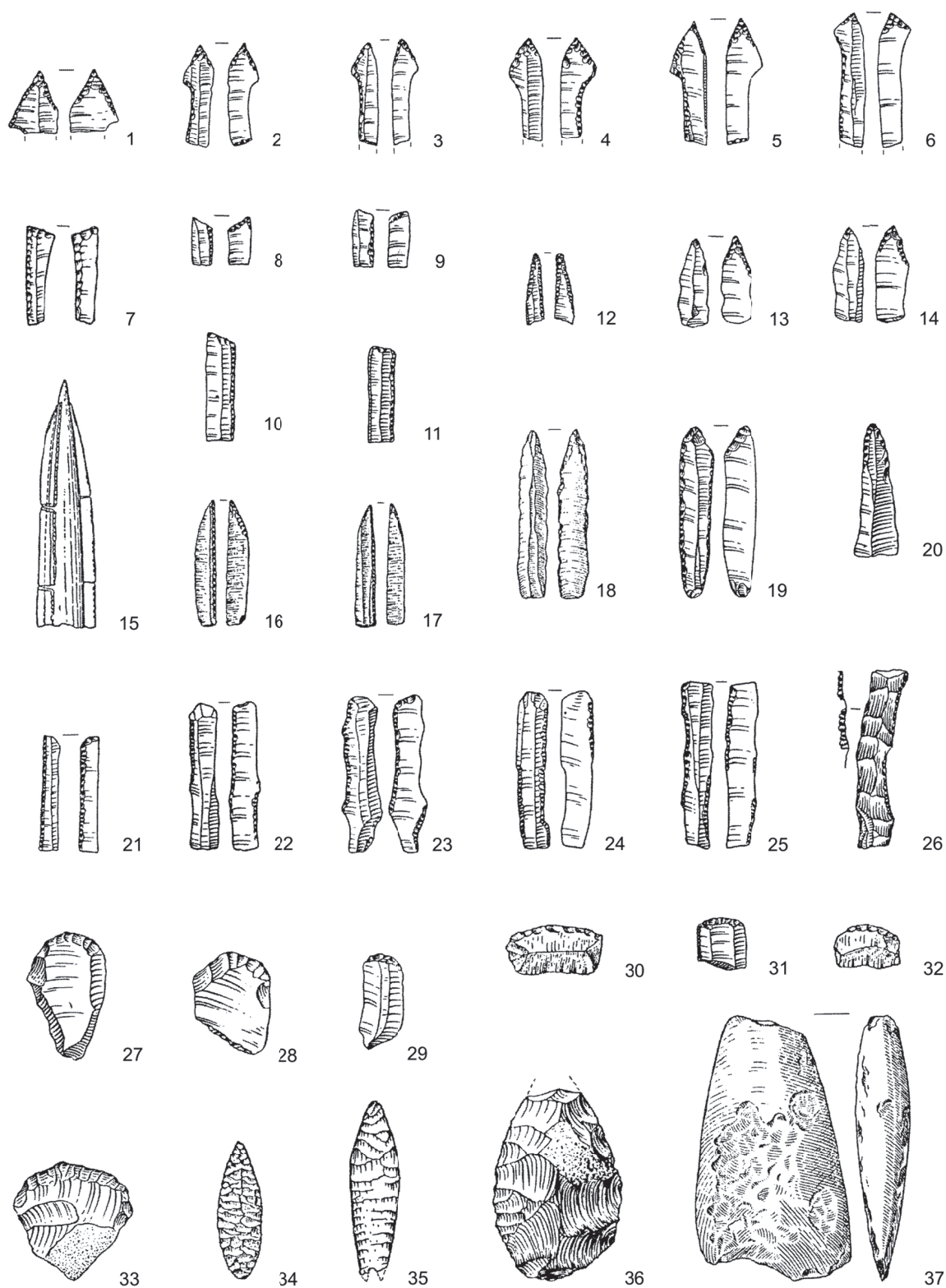

Рис. 8. Кремневый инвентарь среднего этапа кельтеминарской культуры.

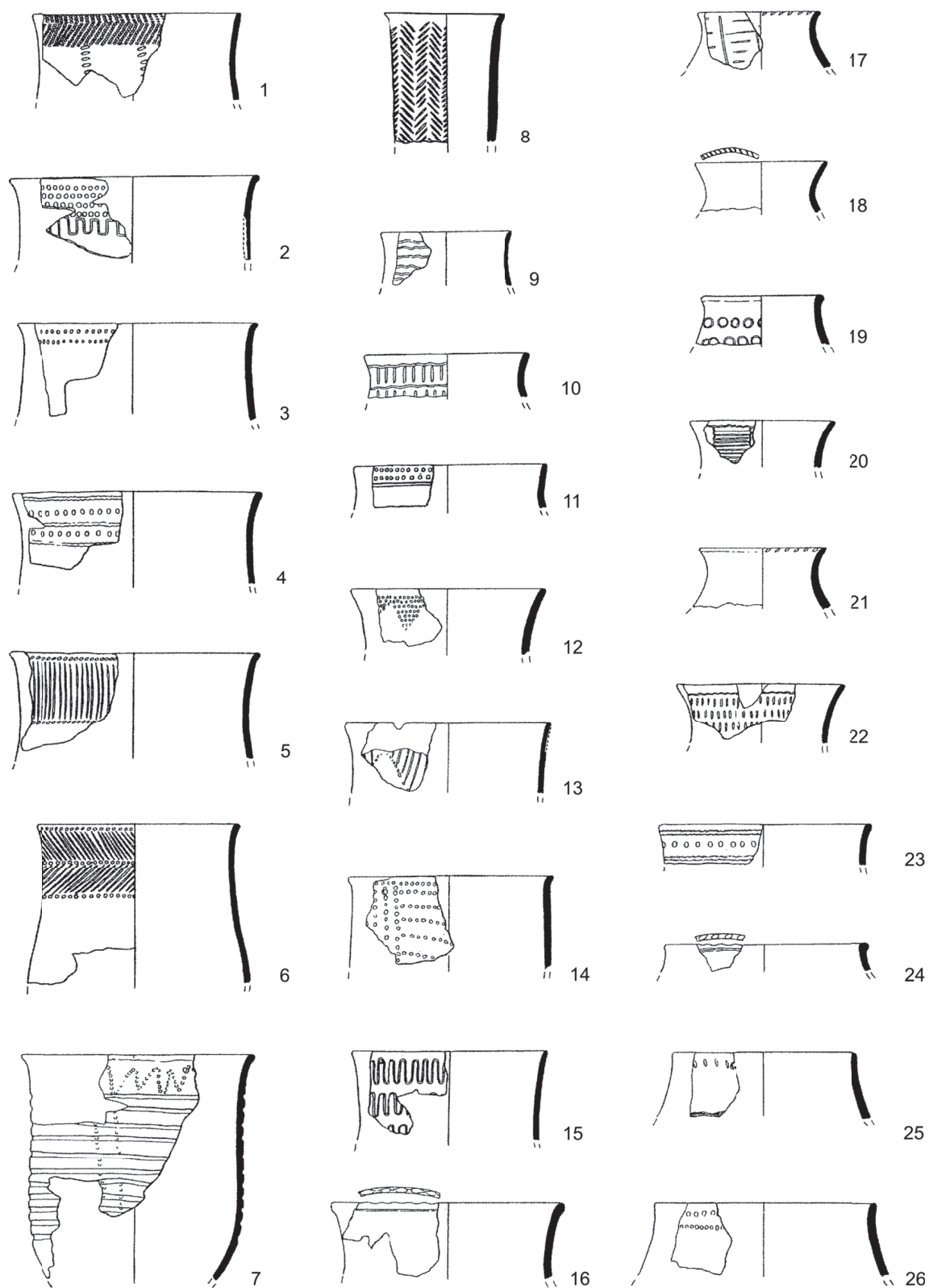

Рис. 9. Керамика среднего этапа кельтеминарской культуры.

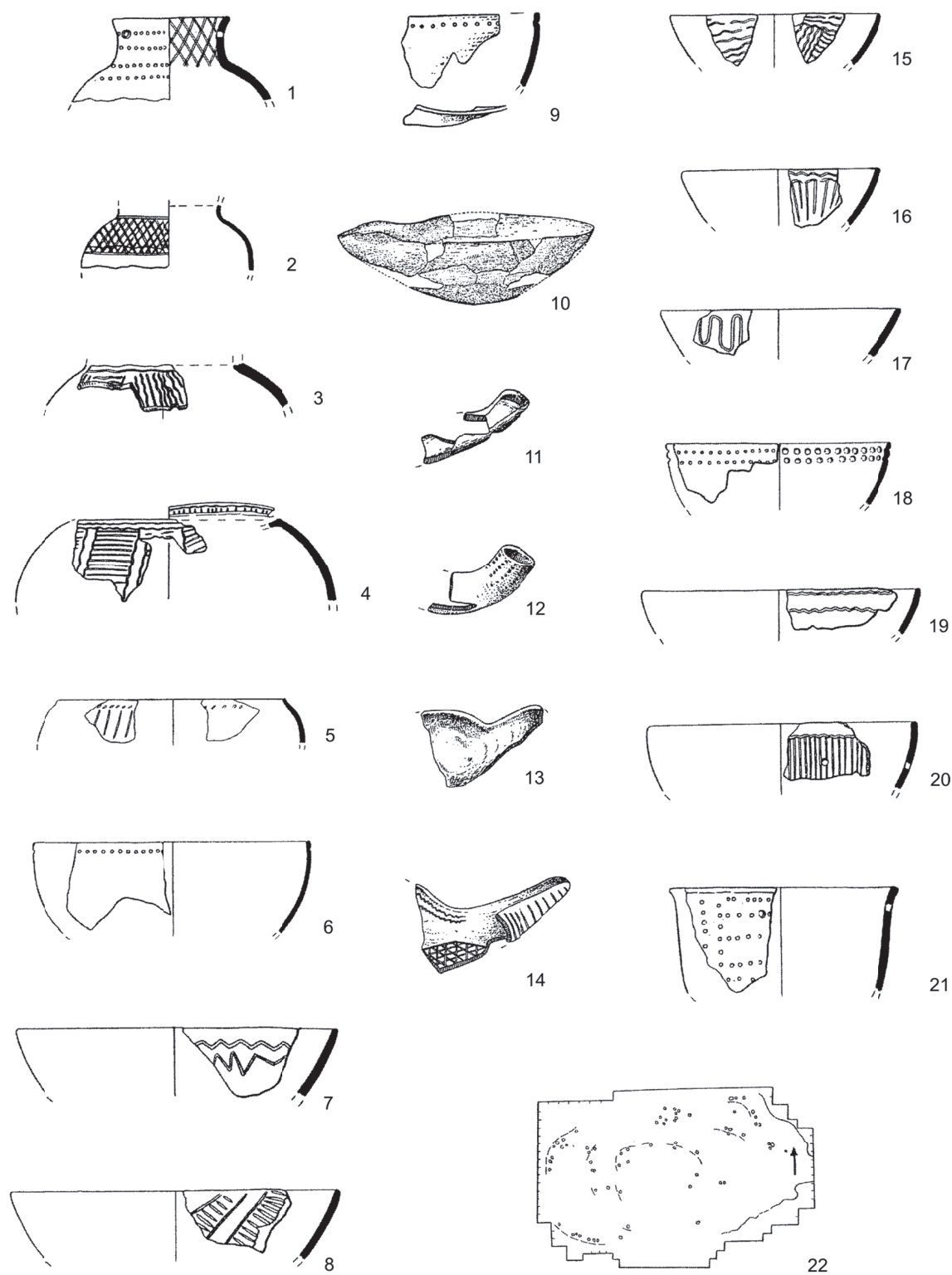

Рис. 10. Материалы среднего этапа кельтеминарской культуры.

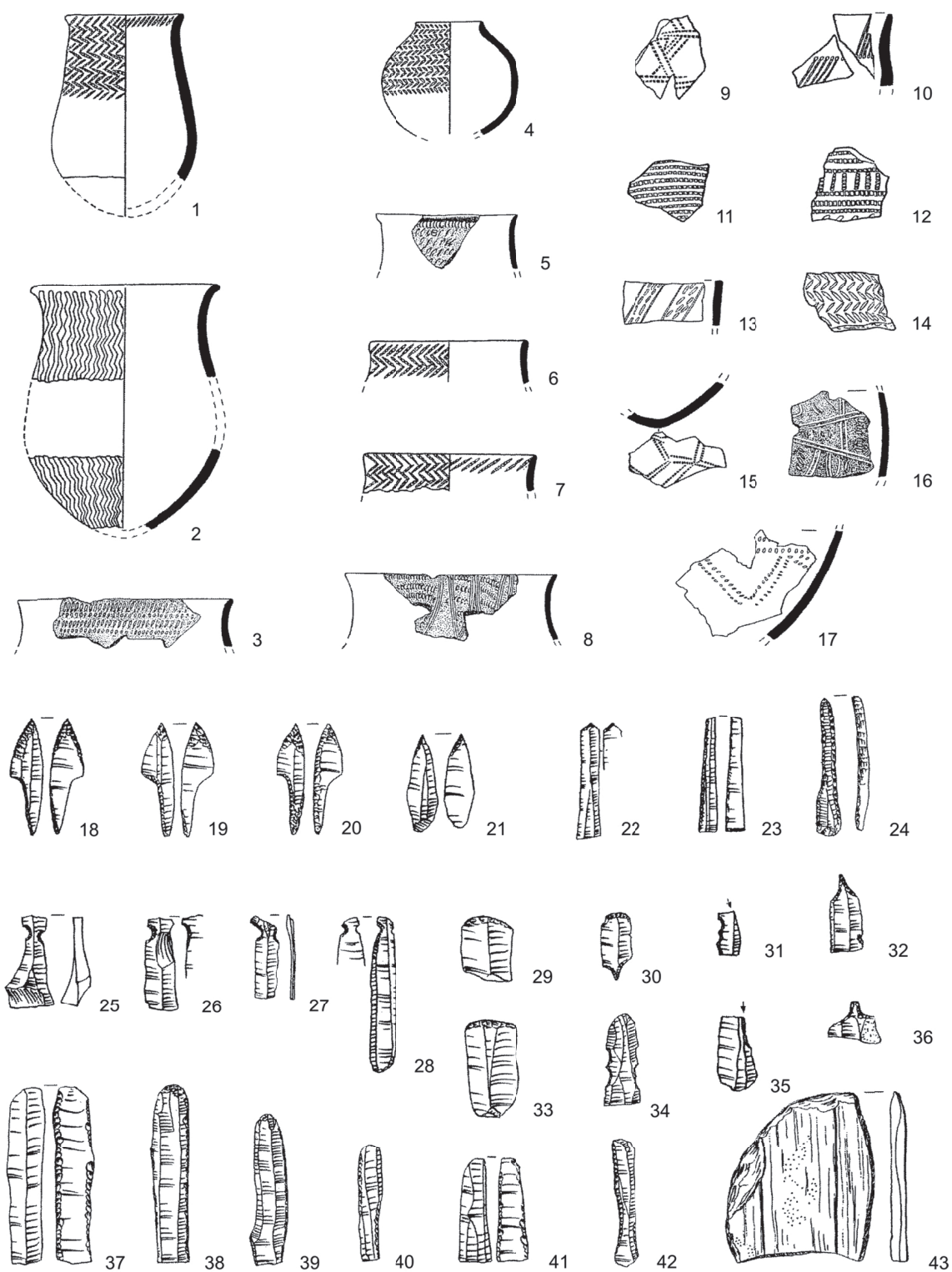

Рис. 11. Материалы среднего этапа кельтеминарской культуры.

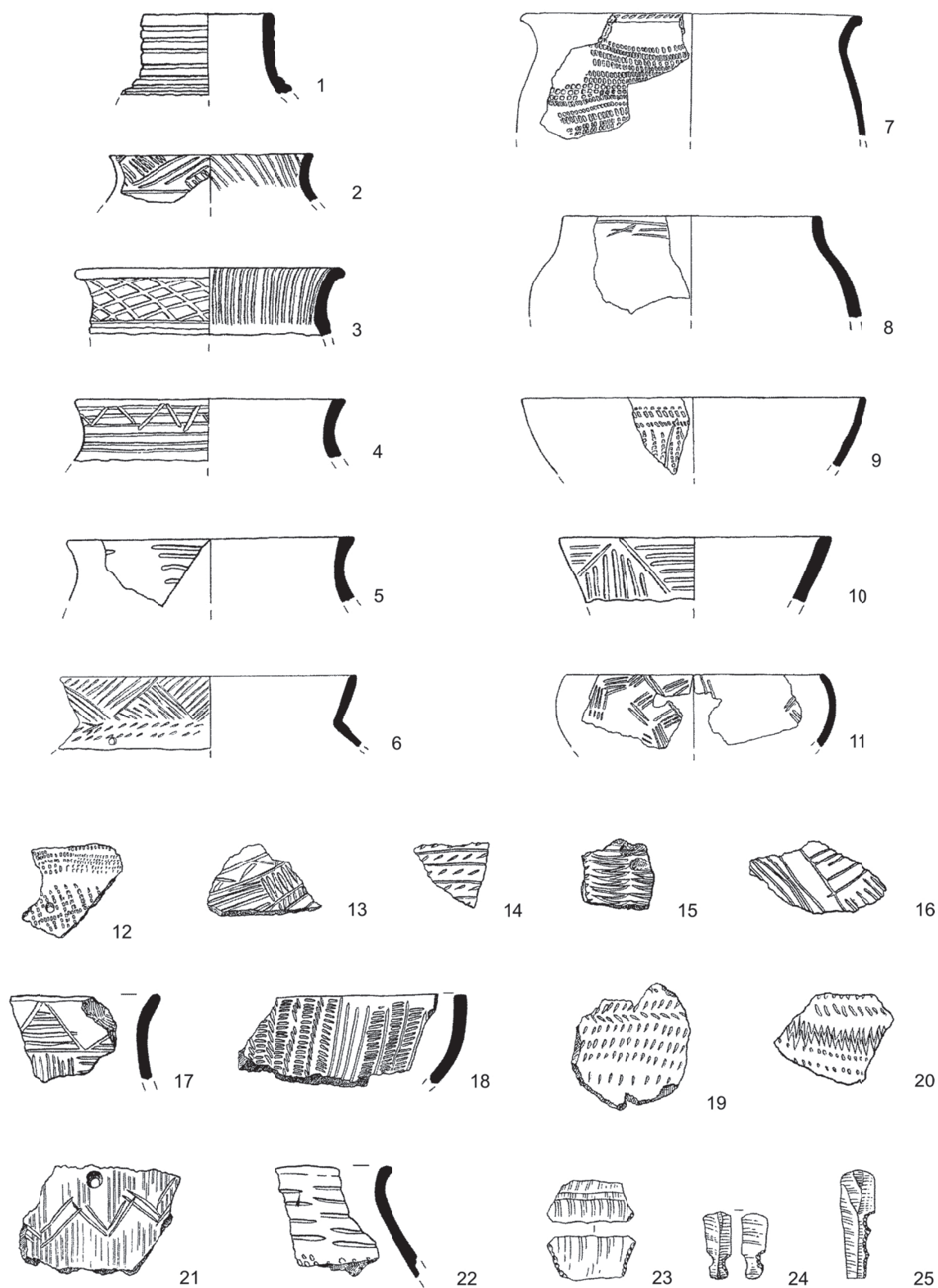

Рис. 12. Материалы позднего этапа кельтеминарской культуры.

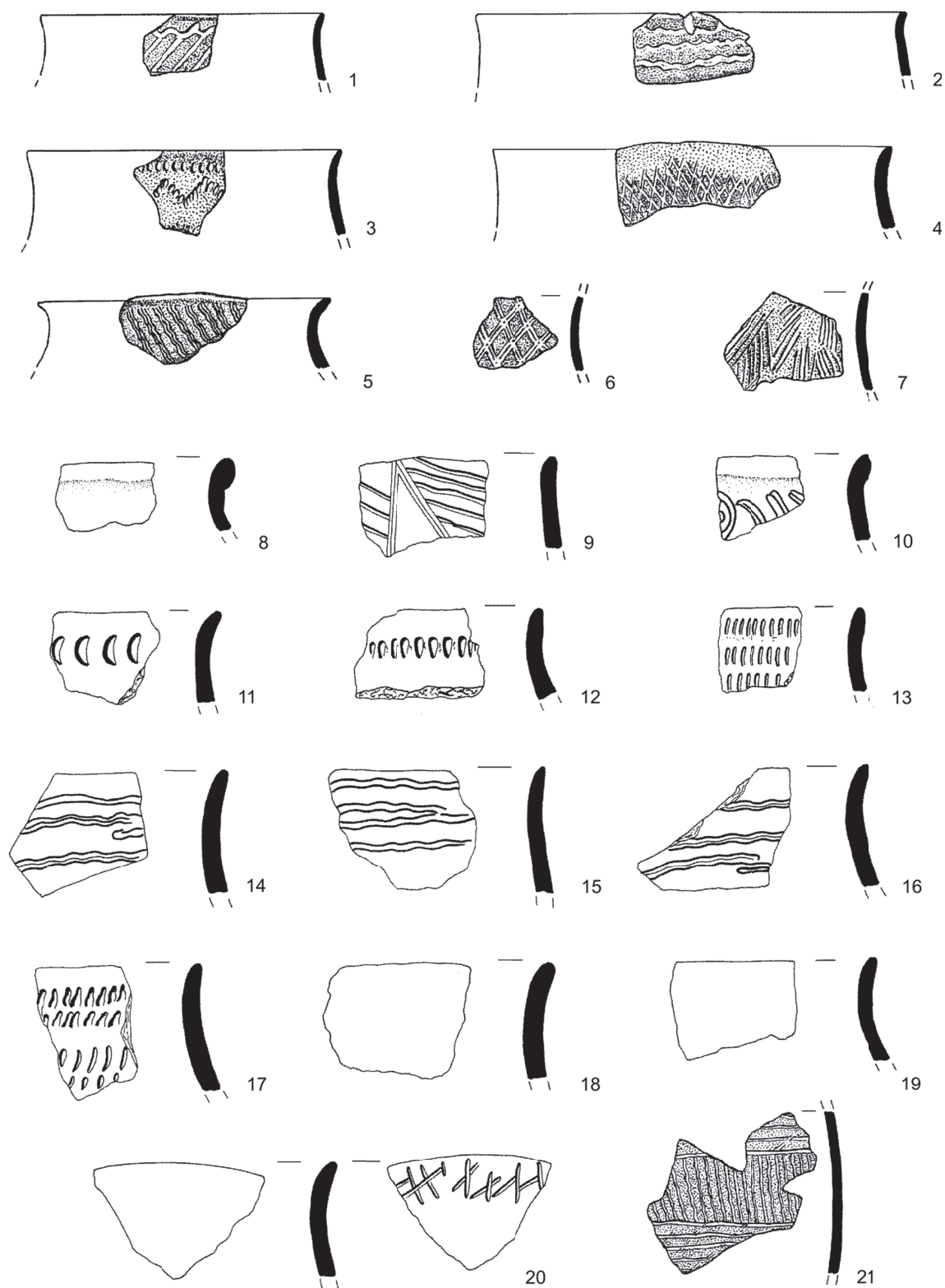

Рис. 13. Керамика позднего этапа кельтеминарской культуры.

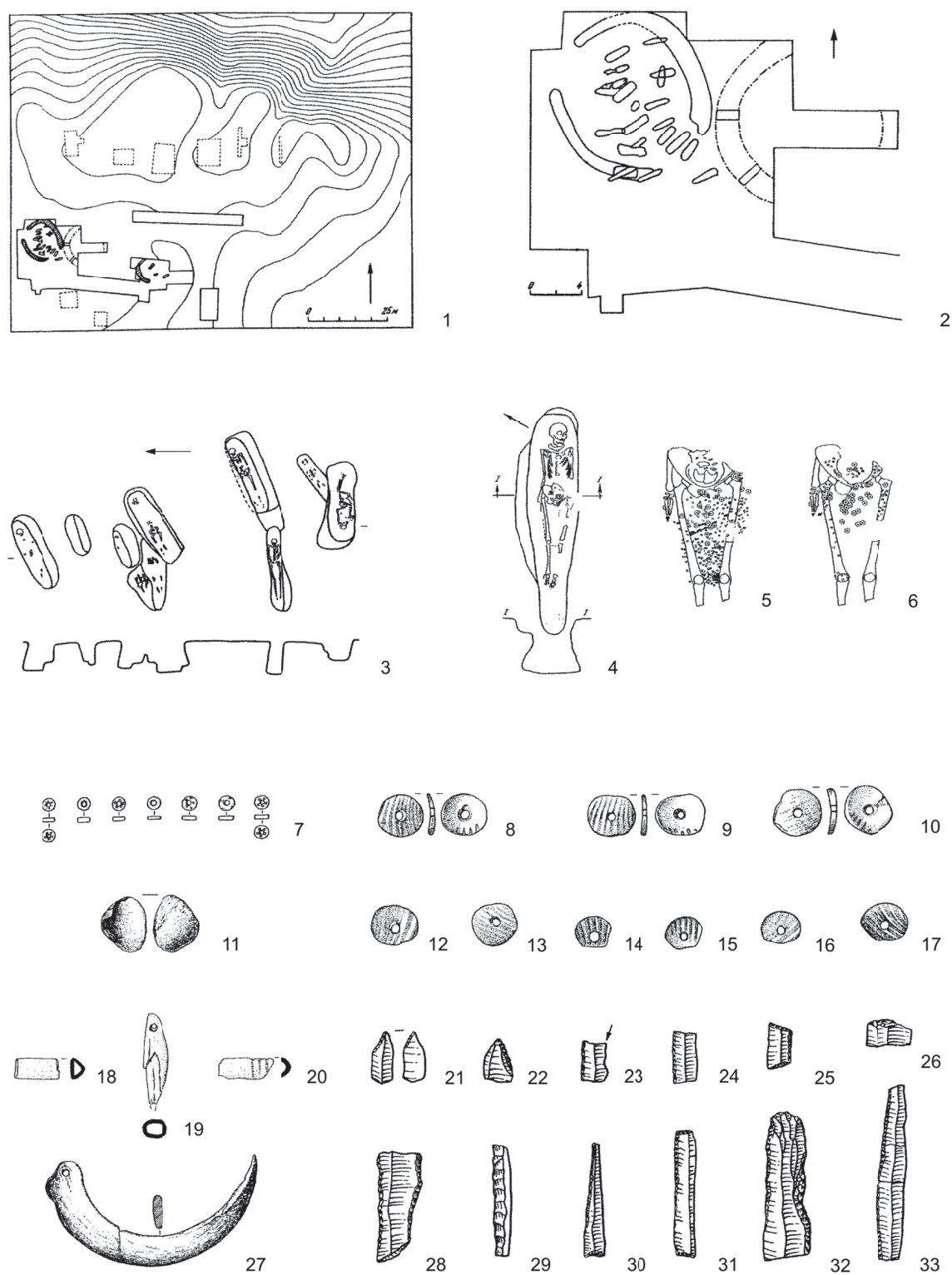

Рис. 14. Кельтеминарская культура. Могильник Тумек-Кичиджик.

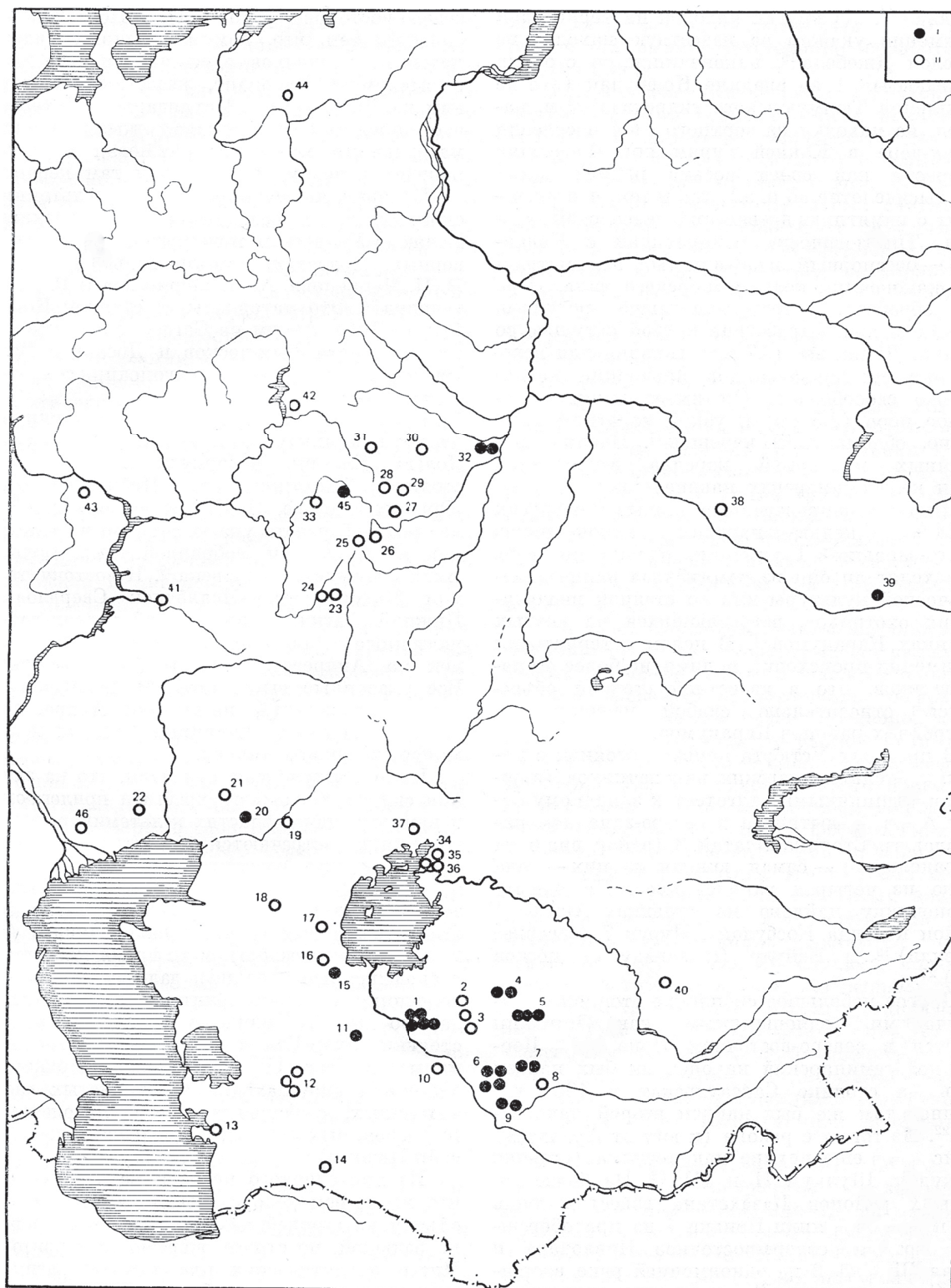

Рис. 15. Схема распространения наконечников стрел кельтеминарского типа: окружность – единичные находки; кружок – группа (Виноградов, 1979, с. 5, рис. 1).

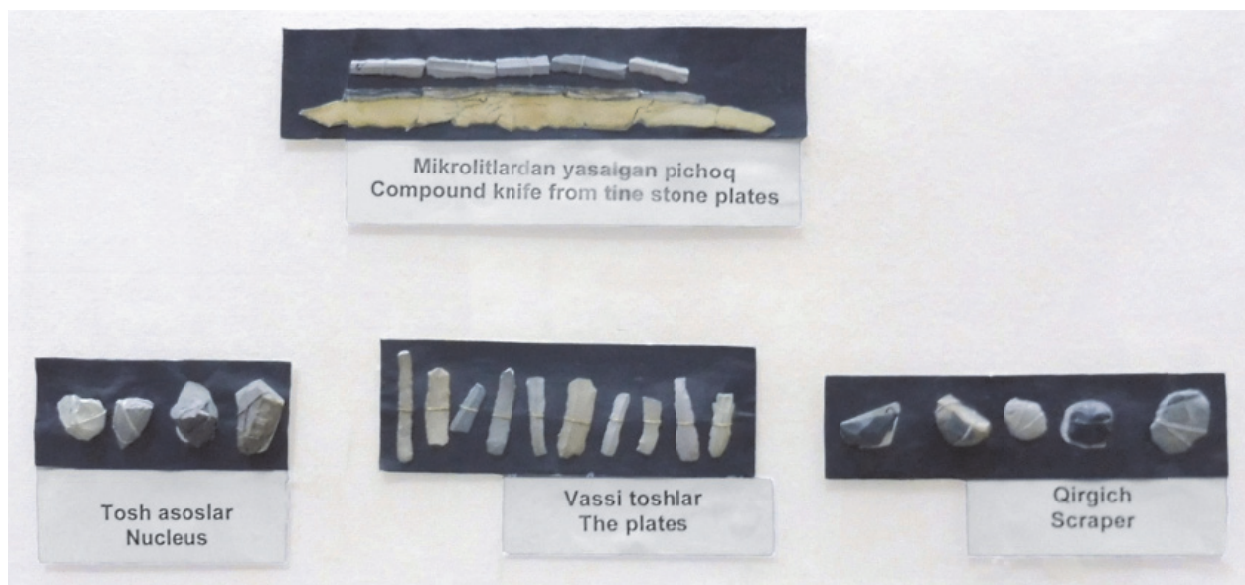

Рис. 16. Кельтеминарские материалы в экспозиции Краеведческого музея г. Ферганы. Сборы в песках Центральной Ферганы.

объя // МИА. № 35. М.: Наука, 1953. С. 30-31, 55-57, 59-60.

¹⁴ Чернецов В.Н. К вопросу ... С. 52.

¹⁵ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. С. 37.

¹⁶ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. С. 384.

¹⁷ Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА 29. М.: Наука, 1952. С. 64, 172-173.

¹⁸ Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1969. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 177-186, 224-229, 233.

²⁰ Формозов А.А. К вопросу ... С. 15.

²¹ Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // Советская археология. 1972. № 1. С. 31.

²² Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977. С. 125.

²³ Формозов А.А. О роли ... С. 24-26. По таким признакам халафскую культуру пришлось бы датировать не ранее IV тыс. до н.э. «Древнейшая керамика Гари Камарбанда также реконструируется как плоскодонная» (Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 127).

²⁴ Формозов А.А. О роли ... С. 25, 31. Раковины Dentalium из Джанбас-4 служили главным, если не единственным поводом для рассуждений о контактах протодравидов и протофинно-угров.

²⁵ Формозов А.А. О роли ... С. 33-35; Формозов А.А. Проблемы ... С. 113-129.

²⁶ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 34-35.

²⁷ Там же. С. 36; Виноградов А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979а. С. 6.

²⁸ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 37-38.

²⁹ Там же. С. 39-41, рис. 6.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Виноградов А.В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 32; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 132-133; Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции 10. М.: Наука, 1975. С. 263-265.

³² Szymczak K., Khudzhazarov M., Fontugne M., Michniak R. 14C dating of Ayakagytma the site, neolithic settlement in South-Eastern Kyzyl-Kums, Uzbekistan // История материальной культуры Узбекистана. 2004. Вып. 34. Р. 28-30; Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagytma 'The Site' and other collections. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2006. Р. 234; Хужаназаров М.М., Шимчак К., Брунет Ф., Хошимов Х. Неолитическая стоянка Аякагитма (Внутренние Кызылкумы) // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 197.

³³ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 26-30.

³⁴ Виноградов А.В. О локальных вариантах ... С. 32-33.

³⁵ Там же. С. 33-34.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Там же. С. 34-35.

- ³⁸ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 148-155.
- ³⁹ Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XV. М.: Наука, 1986. С. 70.
- ⁴⁰ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 107-115.
- ⁴¹ Трофимова Т.А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 14.
- ⁴² Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население ... С. 118-119.
- ⁴³ Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К. Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент: Фан, 1990. С. 101-104.
- ⁴⁴ Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население ... С. 110-115.
- ⁴⁵ Коробкова Г.Ф. Кельтеминарская культура. Средняя Азия и Казахстан // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 108.
- ⁴⁶ Там же. С. 126.
- ⁴⁷ Там же. С. 128; Derevyanko A.P., Dorj D. Neolithic tribes in northern parts of Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. UNESCO Publishing, 1996. P. 181-183.
- ⁴⁸ Логвин А.В., Шевнина И.В. Археологические памятники урочища Белкарагай // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященных 70-летию юбилею В.Н. Логвина. Костанай – Алматы: Костанайполиграфия, 2015. С. 111, 116, рис. 7, 1-3.
- ⁴⁹ Коробкова Г.Ф. Кельтеминарская культура ... С. 126-132; Derevyanko A.P., Dorj D. Neolithic tribes ... P. 181-189.
- ⁵⁰ Шмидт А.В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999. № 4. С. 28, 30, рис. 2, 19.
- ⁵¹ Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е. Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 240-241.
- ⁵² Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 116; Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 164-165.
- ⁵³ Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. Кругликова И.Т. (ред.). М.: Наука, 1979. С. 33; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 169-170, сноска 23-24.
- ⁵⁴ Potemkina T.M. The Trans-Ural Eneolithic Sanctuaries with Astronomical Reference Points in a System of Similar Eurasian Models // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Vol. I. // The Journal of Indo-European Studies. 2002. № 46. P. 275. Pic. 4, 4.
- ⁵⁵ Там же. P. 273-274.
- ⁵⁶ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 164-165.
- ⁵⁷ Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 372, 374.
- ⁵⁸ Мосин В.С. Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 71, 73.
- ⁵⁹ Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 105-106; Matyushin G. Problems of Inhabiting Central Eurasia: Mesolithic–Eneolithic Exploitation of the Central Eurasian Steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute Monographs. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 368-374.
- ⁶⁰ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 135, сноска 66; 164.
- ⁶¹ Виноградов А.В. О распространении наконечников стрел ... С. 3-10.
- ⁶² Чемякин Ю.П., Погодин А.А., Клементьева Т.Ю. Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и

- Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 188-194.
- ⁶³ Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. С. 239, рис. 94, 2; 255, рис. 113, 2.
- ⁶⁴ Matyushin G. Problems of Inhabiting Central Eurasia: Mesolithic–Eneolithic Exploitation of the Central Eurasian Steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute Monographs. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 378, 386, рис. 24, 11.
- ⁶⁵ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 164; Крижевская Л.Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии // Советская археология. 1962. № 2. С. 106. Рис. 7, 1.
- ⁶⁶ Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. С. 201, 207-208.
- ⁶⁷ Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. С. 44; 134, рис. 7, 10, 11; 185, рис. 55, 9; 210, рис. 84, 22-30; 225, рис. 104.
- ⁶⁸ Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции 10. М.: Наука, 1975. С. 228.
- ⁶⁹ См. Boroffka N. Simple Technology: Casting Moulds for Axe-adzes // Metals and Societies. Studies in honour of Barbara S. Ottaway. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 169. Bonn, 2009. P. 246-257.
- ⁷⁰ Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // Советская археология. 1970. № 2. С. 125-135.
- ⁷¹ Коробкова Г.Ф. Кельтеминарская культура ... С. 109. А.В. Виноградов несколько скептически относился к свидетельствам подобного рода (Виноградов. Древние охотники и рыболовы ... С. 139).
- ⁷² Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 141-142.
- ⁷³ Potts T.F. Bactrian Camels and Bactrian-Dromedary Hybrids // The Silk Road. 2005. № 3.1. P. 49-58.
- ⁷⁴ Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic ... P. 235.
- ⁷⁵ Бруне Ф. Связи между Акчадарьей, Маргианой и Сеистаном в III тысячелетии до н.э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14-16 Санджар). Мары – Ашхабад, 2006. С. 205.
- ⁷⁶ Например: Parpola A. Margiana and the Aryan Problem // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. № 19. Moscow, 1993. P. 55.
- ⁷⁷ Аванесова Н.А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012а. С. 273; Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012б. С. 15. Рис. 3; Кирчо Л.Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 284.
- ⁷⁸ Фрибус А.В. Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии эпохи палеометалла // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 201.
- ⁷⁹ Wei Ming Jia P. and Betts A.V.G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // The Journal of Indo-European Studies. 2010. № 38 (3-4). P. 301-311.
- ⁸⁰ Там же. P. 311-312.
- ⁸¹ Stein A., K. C.I.E. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Irān. Vol. I-II – texts, III-IV – plates and planes, V – maps. New Delhi – India: Cosmo Publications, 1981. Tab. XXII-XXIII.
- ⁸² Толстов С.П. Древний Хорезм ... С. 64.
- ⁸³ Ранов В.А. Каменный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, 1988. С. 102.
- ⁸⁴ Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865, 2000. P. 9, 59.
- ⁸⁵ Werning J. Xiaohe, Lopnur Zhen. Yanghai. Zagunluke // Ursprünge der Seidenstraße. Mannheim: Reiss – Engelhorn – Museen, 2007. P. 113, 5; 120, 12.
- ⁸⁶ Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане //

- Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. Кругликова И.Т. (ред.). М.: Наука, 1979б. С. 54, 56-57.
- ⁸⁷ Максудов Ф.А. К новой трактовке наскальных росписей Зараутсая // Археология Узбекистана. 2016. № 2 (13). С. 3-12.
- ⁸⁸ Андреев К.М., Выборнов А.А. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 91-100.
- ⁸⁹ Сверчков Л.М. Тохары: древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.
- ⁹⁰ Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 221.
- ⁹¹ Nordqvist K., Heid V. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // Proceedings of the Prehistoric Society, Published by Cambridge University Press on behalf of The Prehistoric Society, 2020: <https://www.cambridge.org/core/terms> (дата обращения 10.02.2021 г.). Р. 1-29.
- ⁹² Saag L. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // Science Advances 7: eabd6535, 2021. Р. 1-17.
- ⁹³ Козинцев А.Г. Новые лексикостатистические данные о южном адстрате в праиндоевропейском языке // Этнография / Etnografia. 2019. № 3 (5). С. 136; Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The Prologue // The Journal of Indo-European Studies. 2019. № 47 (3-4). Р. 343, 352-353.
- ⁹⁴ Serangeli M. Introduction: Dispersals and Diversification of the Indo-European Languages // Dispersals and Diversification: Linguistic and Archaeological Perspectives on the Early-Stages of Indo-European. Leiden – Boston: Brill, 2020. Р. 4-5.
- ⁹⁵ См.: Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская этнография. 1957. № 1. С. 25-45; Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 60; Марков Г.Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская археология. 1966. № 2. С. 118-119; Коробкова Г.Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 22-23; Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии). Советская археология. 1975. № 3. С. 20-23; Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 113-114.

RETURNING TO THE QUESTION OF THE ROLE OF KELTEMINAR CULTURE IN THE HISTORY OF EURASIA OF THE NEOLITHIC – EARLY BRONZE AGE

© 2021 L.M. Sverchkov

Fine Arts Institute of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent

Understanding the issues of the historical development of Eurasia that have accumulated over many years is impossible without the equal participation of all scientific disciplines. Due to the specificity of its methods, archaeology seems to recede into the background, giving way to the natural sciences (genetics) and the most accurate of the humanities, namely linguistics. This article is nothing more than another attempt, using traditional archaeological methods, to draw attention once again to archaeological cultures located on a vast territory in the very heart of Eurasia. First of all, we are talking about the Kelteminar cultural and historical community, its relationships with neighboring communities, participation in the genesis of the Yamnaya and especially Fatyanovo cultures. Inevitably, this analysis touches upon the problems of the Proto-Indo-European (PIE) language community, its localization and areal connections.

Keywords: Central Asia, Siberia, China, Yamnaya culture, Fatyanovo culture, PIE language community.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-133-165

Сдано в набор 16.09.2021 г.	Подписано к печати 30.09.2021 г.	Формат бумаги 60x80 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл. печ. л. 19,298	Тираж 200 экз. Зак. 27

Отпечатано в типографии ООО "Инсома-пресс", 443080, г. Самара, ул. Санфириковой, 110А, оф. 22А

